

ISSN 2413-8584

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

e-mail: epb@asu.ru сайт: <http://journal.asu.ru> 2021. № 4

ECONOMICS PROFESSION BUSINESS

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Научный рецензируемый журнал. Издается с 2014 г. Выпускается 4 раза в год

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

В. В. Мищенко, доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

Е. А. Ан, д-р экон. наук (г. Алматы, Казахстан);
А. М. Асалиев, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
П. А. Ореховский, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
Ю. В. Рагулина, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
В. И. Суслов, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
(г. Новосибирск);
Сюй Линьши, д-р экон. наук, проф. (г. Харбин, Китай);
В. И. Тинякова, д-р экон. наук, проф. (г. Москва).

Редакционная коллегия

В. И. Беляев, д-р экон. наук, проф.;
С. Н. Бочаров, д-р экон. наук, проф.;
И. Н. Дубина, д-р экон. наук, проф.;
С. В. Лобова, д-р экон. наук, проф.;
С. И. Межов, д-р экон. наук, проф.;
В. Л. Татаринцев, д-р сельскохозяйств. наук, проф.;
Е. Е. Шваков, д-р экон. наук, проф.

ISSN 2413-8584

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77154 от 10 декабря 2019.

Индекс в каталоге российской прессы «Почта России» — **П 2848**. Индекс в каталоге Урал-Пресс — **ВН018442**. Цена свободная.

Журнал «Экономика Профессия Бизнес» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктор и кандидат наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу: <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Все права защищены. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Founder

Federal state budgetary educational institution of higher education “Altai State University”

Editor-in-Chief

V. V. Mishchenko, Prof.

Editorial Council

Е. А. Ан, Prof. (Almaty, Kazakhstan);
А. М. Asaliyev, Prof. (Moscow);
Р. А. Orehovskii, Prof. (Moscow);
Yu. V. Ragulina, Prof. (Moscow);
V. I. Suslov, Prof., Corresponding member of RAS (Novosibirsk);
Sui Linshi, Prof. (Harbin, China);
V. I. Tinyakova, Prof. (Moscow).

Editorial Board

V. I. Belyaev, Prof.;
S. N. Bocharov, Prof.;
I. N. Dubina, Prof.;
S. V. Lobova, Prof.;
S. I. Mezhev, Prof.;
V. L. Tatarintsev, Prof.;
E. E. Shvakov, Prof.

The journal is registered in the Federal Service for supervision of communications, information technology and mass media. The Certificate of Registration PI № FS 77-77154 issued on December 10, 2019.

The journal “Economics Profession Business” is included in the “List of Russian peer-reviewed scientific journals recommended by the higher attestation Commission of the Ministry of science and higher education of the Russian Federation for the publication the main scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Sciences in the specialty 08.00.05 — Economics and National Management of People Economy.

The articles published in the journal are included in the Russian Science Citation Index, available at the Internet address <http://www.elibrary.ru> (Scientific Electronic Library)

All rights reserved. Reference to the journal is required when using any part of the content.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бабкина Л. Н., Скотаренко О. В., Никитин Ю. А., Беспалова С. В.</i> ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ НА АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ	5
<i>Балакина Г. Ф.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА	14
<i>Герцуф Ю. В., Глотова Н. И.</i> ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ — ГЛАВНЫЙ ТРЕНД РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	22
<i>Капелюк З. А., Фролов Д. В.</i> ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	28
<i>Коновалов М. В., Цомаева И. В., Киселева А. А.</i> УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ	37
<i>Крышка В. И., Перекаренко Ю. А.</i> ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ С ПОЗИЦИИ ПОЗИТИВНОГО И НОРМАТИВНОГО ПОДХОДОВ	43
<i>Миляева Л. Г.</i> КОМПЛЕКСНАЯ ДИАГНОСТИКА СИТУАЦИИ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ ПЕРСОНАЛА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ	52
<i>Сенченко В. А., Каверзнева Т. Т., Китаев С. В., Абдрахманов Н. Х.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМАТА ТРЕБОВАНИЙ К ОХРАНЕ ТРУДА В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРИВЫЧЕК ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ	59
<i>Соколов А. В., Бажанов В. А.</i> ОБРАБАТЫВАЮЩИЕ ПРОИЗВОДСТВА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ: СТРАТЕГИИ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ.....	68
<i>Титков А. А., Ибраимова С. Ж., Донцов С. С.</i> СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ТУРИСТСКОЙ ОТРАСЛИ И ОЦЕНКА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЕЕ РАЗВИТИЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН).....	81
<i>Чернавских Е. Н.</i> СИСТЕМАТИЗАЦИЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ «ИНФРАСТРУКТУРА ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР» В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ	93
<i>Шарнина Н. М.</i> ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КООПЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	102
<i>Щербакова Н. А., Щербаков В. А.</i> РЕЙТИНГОВАЯ СИСТЕМА ФИНАНСОВОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ	111
<i>Яценко А. В.</i> ОПТОВЫЙ РЫНОК ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ И МОЩНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕФОРМИРОВАНИЯ РАО ЕЭС (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)	118
НАШИ АВТОРЫ	126
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»	128

CONTENTS

<i>Babkina L. N., Skotarenko O. V., Nikitin Yu. A., Bespalova S. V.</i> PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE ENERGY INDUSTRY IN THE ARCTIC TERRITORIES	5
<i>Balakina G. F.</i> PROSPECTS FOR THE TERRITORIAL DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF TYVA	14
<i>Gerauf Yu. V., Glotova N. I.</i> PLATFORM EMPLOYMENT IS THE MAIN TREND OF LABOR MARKET DEVELOPMENT IN MODERN CONDITIONS.....	22
<i>Kapelyuk Z. A., Frolov D. V.</i> LABOR POTENTIAL OF THE RURAL POPULATION OF THE NOVOSIBIRSK REGION: STATUS AND PROSPECTS	28
<i>Konovalov M. V., Tsomaeva I. V., Kiseleva A. A.</i> DEVELOPMENT MANAGEMENT OF INDUSTRIAL ENTERPRISE.....	37
<i>Krishka V. I., Perekarenkova Yu. A.</i> INSTITUTIONAL AND ECONOMIC ASPECTS OF LABOR FORCE REPRODUCTION FROM THE PERSPECTIVE OF POSITIVE AND NORMATIVE APPROACHES.....	43
<i>Milyaeva L. G.</i> COMPREHENSIVE DIAGNOSIS OF THE EMPLOYMENT SITUATION IN THE CONTEXT OF HUMAN RESOURCES SECURITY OF THE ENTERPRISE	52
<i>Senchenko V. A., Kaverzneva T. T., Kitaev S. V., Abdrakhmanov N. Kh.</i> TRANSFORMATION OF THE FORMAT OF LABOR PROTECTION REQUIREMENTS IN CONNECTION WITH CONSUMER HABITS OF INFORMATION PERCEPTION.....	59
<i>Sokolov A. V., Bazhanov V. A.</i> MANUFACTURING INDUSTRIES IN THE ASIAN PART OF RUSSIA: STRATEGIES AND DEVELOPMENT OPPORTUNITIES	68
<i>Titkov A. A., Ibraimova S. Zh., Dontsov S. S.</i> THE CURRENT ECONOMIC STATE OF THE TOURISM INDUSTRY IN KAZAKHSTAN AND THE ASSESSMENT OF STRATEGIC INVESTMENTS IN ITS DEVELOPMENT (BASED ON MATERIALS FROM THE PAVLODAR REGION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)	81
<i>Chernavskih E. N.</i> SYSTEMATIZATION OF SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO CONTENT OF THE CONCEPT OF “INFRASTRUCTURE FOR SUPPORTING BUSINESS STRUCTURES” IN THE CONTEXT OF REFORMING OF DEVELOPMENT INSTITUTIONS.....	93
<i>Sharnina N. M.</i> TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF COOPERATION IN MODERN RUSSIA	102
<i>Shcherbakova N. A., Shcherbakov V. A.</i> RATING SYSTEM OF FINANCIAL EFFICIENCY OF INDUSTRIAL ENTERPRISES IN PROVIDING THE SUSTAINABILITY OF THE RUSSIAN ECONOMY	111
<i>Yashchenko A. V.</i> WHOLESALE MARKET OF ELECTRICITY AND POWER AS RESULT OF RAO UES REFORM (ON THE EXAMPLE OF ALTAI KRAI).....	118
OUR AUTHORS.....	126
ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR «ECONOMIS PROFESSION BUSINESS»	128

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ НА АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

Л. Н. Бабкина¹, О. В. Скотаренко^{2,3}, Ю. А. Никитин³, С. В. Беспалова²

¹Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия)

²Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия)

³Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева
(Санкт-Петербург, Россия)

Электроэнергетика является отраслью, которая включает в себя производство, передачу и последующий сбыт электроэнергии. Генерирующие компании не занимаются продажей электроэнергии населению напрямую, а осуществляют выработку электроэнергии и поставку ее на оптовый рынок, на котором ее покупают сбытовые компании, гарантирующие поставщики, независимые энергосбытовые компании и крупные промышленные потребители. На основе результатов сравнительного анализа финансовой деятельности энергосбытовых предприятий Российской Федерации выявлены проблемы, определены диспропорции и стратегические планы их развития. Результаты показали, что развитие энергетической отрасли в целом зависит от финансовой деятельности гарантирующих поставщиков электроэнергии. В отличие от независимого энергосбытового предприятия деятельность гарантирующих поставщиков менее прибыльна и низкорентабельна, а финансовое состояние характеризуется низкой платежеспособностью и финансовой устойчивостью. Авторами выявлены слабые и сильные стороны такого развития. Отмечено, что наиболее слабой стороной является нарушение сроков погашения средств в расчетах потребителями электроэнергии, что приводит к формированию отрицательного финансового результата. Выявленные проблемы финансового развития позволяют сформировать направления и стратегические цели, критерии их реализации и планы текущих конкретных мероприятий по улучшению финансовой деятельности энергосбытовых предприятий.

Ключевые слова: регион, ресурсы, электроэнергетика, энергосбыт, рентабельность.

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE ENERGY INDUSTRY IN THE ARCTIC TERRITORIES

L. N. Babkina¹, O. V. Skotarenko^{2,3}, Yu. A. Nikitin³, S. V. Bespalova²

¹North-West Institute of Management – Branch of RANEP (St. Petersburg, Russia)

²Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russia)

³Military Academy of Logistics (St. Petersburg, Russia)

The electric power industry is a branch of energy that includes the production, transmission and subsequent sale of electricity. Generating companies do not sell electricity directly to the population, but produce electricity and supply it to the wholesale market, where it is bought by sales companies, guaranteeing suppliers, independent energy marketing companies and large industrial consumers. Based on the results of a comparative analysis of the financial activities of energy marketing enterprises of the Russian Federation, problems are identified, imbalances and strategic plans for their development are determined. The results showed that the development of the energy industry as a whole depends on the financial activities of guaranteeing electricity suppliers. Unlike an independent power supply company, the activity of guaranteeing suppliers is less profitable and low-profitable, and the financial condition, in turn, is characterized by low solvency and financial stability. The authors have identified the weaknesses and strengths of this development. It is noted that the weakest side is the violation of the repayment terms of funds in settlements by electricity consumers, which leads to the formation of a negative financial result. The identified problems of financial development allow production us to form direction.

Keywords: region, resources, electric power industry, energy sales, profitability.

Цель исследования — решение научно-практической проблемы обоснования планов стратегического развития предприятий энергетической отрасли в Арктической зоне на основе результатов сравнительного анализа финансовой деятельности предприятий энергосбытовых компаний, функционирующих на различных территориях в РФ. Исследование проведено с применением основных положений системного, комплексного, нормативного и квалиметрического методологических подходов, которые позволили обосновать использование теоретических принципов комплексности, сопоставимости, адекватности, информативности, пропорциональности и сбалансированности к оценке функционирования энергосбытовых предприятий, применении статистического и индексного методов региональной квалиметрии [1, 2], методов экономического анализа.

В настоящее время в Российской Федерации разработаны и реализуются «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [3], государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» [4] и «Энергетическая стратегия России на период до 2030 года» [5]. Эти документы стратегического управления определяют приоритеты развития АЗ РФ и механизмы их достижения. Актуальной проблемой является степень обеспеченности всеми видами ресурсов устойчивого социально-эколого-экономического развития регионов Арктической зоны. К таким видам ресурсного обеспечения относятся материальные, трудовые, информационные, финансовые и основные фонды. Поскольку обеспеченность материальными ресурсами является одной из приоритетных задач системы стратегического управления развитием регионов Арктической зоны, постольку необходимо определить

существующую степень обеспеченности такими ресурсами и возможности их увеличения. Одним из основных показателей, характеризующих степень обеспеченности ими в мировой статистической отчетности, является потребление электроэнергии на душу населения (кВт-час) [6]. Этот показатель отражает уровень развития промышленного производства, в том числе высокотехнологичной продукции.

В научной литературе предлагается сделать показатель объемов электропотребления на предприятиях одним из ключевых, как это принято в мировой практике, которые подлежат отчетности и характеризуют степень устойчивого развития процессов на локальном уровне. А показатель эффективности природопользования (потребления природных ресурсов) — рассчитывать как объем электропотребления на одну единицу произведенной продукции [7–10].

В ежегодной государственной статистической отчетности Российской Федерации этот показатель отдельно не выделяется, а входит в состав показателя, который характеризует совокупное потребление таких материальных ресурсов, как электроэнергия, газ и вода [11]. Так, используя данные отчетности, можно рассчитать потребление электроэнергии, газа и воды на душу населения и проследить динамику этого показателя за 5 лет (с 2015 по 2019 г.) по каждому региону Арктической зоны, по макрорегионам, в состав которых входят эти регионы. К исследуемым макрорегионам относятся Северо-Западный, Уральский и Дальневосточный федеральные округа, к регионам Арктической зоны принадлежат такие субъекты Российской Федерации, как Мурманская область и три автономных округа — Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский. В таблице 1 представлены объемы производства электроэнергии, газа и воды на душу населения четырех регионов Арктической зоны и трех макрорегионов за пять лет.

Таблица 1

Динамика объемов производства электроэнергии, газа и воды на душу населения, тыс. руб.

Название региона	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Темп прироста, % к предыдущему году			
						в 2016 г.	в 2017 г.	в 2018 г.	в 2019 г.
Северо-Западный макрорегион	32,98	34,41	36,63	38,44	39,68	4,34	6,45	4,94	3,23
Мурманская область	37,42	39,64	41,77	44,26	48,64	5,93	5,37	5,96	9,90
Ненецкий автономный округ	74,27	78,25	78,22	77,54	80,95	5,36	-0,04	-0,87	4,40
Уральский макрорегион	69,23	78,09	87,09	69,61	90,70	12,80	11,53	-20,07	30,30
Ямало-Ненецкий АО	48,21	51,71	57,63	57,11	60,65	7,26	11,45	-0,90	6,20
Дальневосточный макрорегион	91,03	95,26	109,09	87,54	103,68	4,65	14,52	-19,75	18,44
Чукотский АО	33,32	40,00	40,87	43,10	46,11	20,05	2,18	5,46	6,98

В 2015 г. наибольшие объемы производства электроэнергии, газа и воды на душу населения в Дальневосточном макрорегионе по сравнению с двумя другими регионами — Северо-Западным и Уральским — были в 2,76 и в 1,31 раза больше. В 2016 г. этот макрорегион сохранил лидерство и пропорции составили 2,77 и 1,22 раза; в 2017 г. — 2,99 и 1,25 раза; в 2018 г. — в 2,28 и в 1,26 раза; в 2019 г. — в 2,61 и в 1,14 раза соответственно по сравнению с Северо-Западным и Уральским макрорегионами.

Среди регионов Арктической зоны на протяжении всех пяти лет наблюдений по данному показателю лидирует Ненецкий автономный округ. Так, в 2016 г. в этом регионе производилось электроэнергии, газа и воды на душу населения больше, чем в Ямало-Ненецком, Мурманской области и Чукотском автономном округе, в 1,54 в 1,98 и 2,23 раза соответственно. Эти пропорции в 2017 г. со-

ставили 1,51; 1,97 и 1,96 раза; в 2018 г. — 1,36; 1,87 и 1,91; в 2019 г. — 1,33; 1,66 и 1,76 раза соответственно. Следовательно, Чукотский автономный округ является регионом с самым низким уровнем обеспеченности социально-экономико-экологического развития такими видами ресурсов, как электроэнергия, газ и вода.

Не менее важными показателями по любому виду экономической деятельности, в том числе и исследуемому, служат еще индексы производства, рентабельность активов организаций; а также рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг).

Динамика индексов производства, отражающая темпы изменения (роста или снижения) объемов производства и распределения электроэнергии, газа и воды в трех макрорегионах и регионах Арктической зоны за пять лет, представлена на рис. 1.

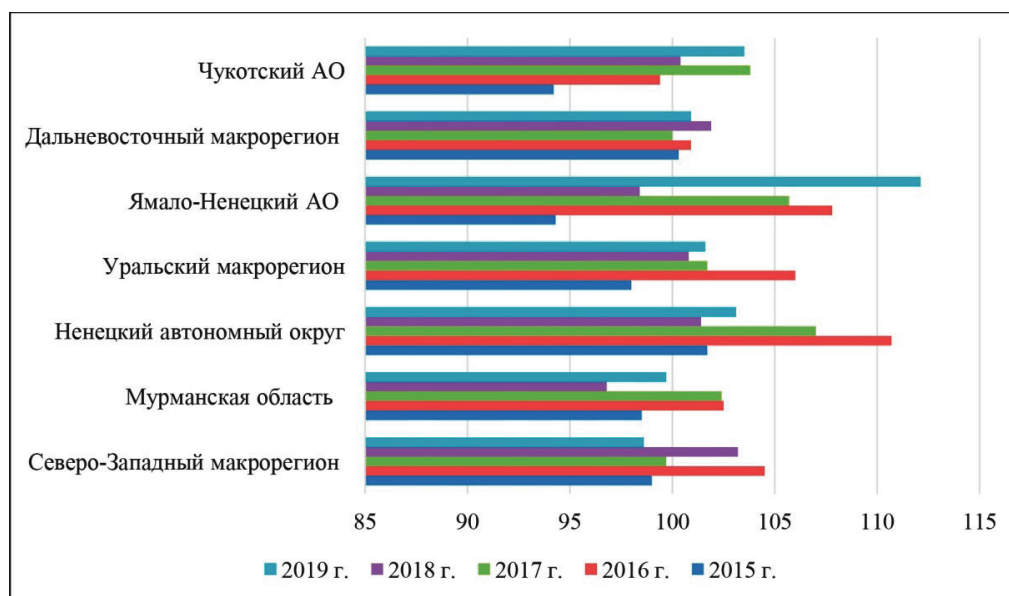

Рис. 1. Индексы производства по виду экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» в макрорегионах и регионах Арктической зоны, % к предыдущему году

Темпы изменения (роста, снижения) объемов производства этого товара на душу населения в среднем в год составили в Северо-Западном макрорегионе 104,74%, в Уральском — 108,64%, в Дальневосточном — 104,47%. В регионах же Арктической зоны такие средние темпы в год достигли 106,79% в Мурманской области, 102,2% — в Ненецком автономном округе, 106% — в Ямало-Ненецком АО и 108,66% — в Чукотском автономном округе. Таким образом, разница между максимальной величиной в Чукотском АО и минимальной в Ненецком АО величиной темпа изменения составляет 6,46%.

Следовательно, в Чукотском АО стратегически-ми целями системы управления в краткосрочной перспективе, как на первом этапе, является необходимость достижения уровня обеспеченности данными материальными ресурсами в Мурманской области в среднесрочной перспективе, так и на втором — уровня Ямало-Ненецкого АО, а в долгосрочной перспективе, как на третьем этапе — уровня Ненецкого АО. Достижение таких стратегических целей в Чукотском АО вполне возможно при условии сохранения существующих темпов роста производства электроэнергии, газа и воды. Для Мурманской области рекомендуется двухэтапное

стратегическое развитие, когда на первом этапе следует достичь уровня Ямало-Ненецкого, а затем Ненецкого автономного округа. Для региона-лидера — Ненецкого автономного округа критериями достижения стратегических целей на первом этапе служат величины, достигнутые в среднем в Уральском, а затем на втором этапе — в Дальневосточном макрорегионе.

Одним из приоритетных стратегических направлений устойчивого развития регионов АЗ РФ по обеспечению территориальных процессов исследуемыми материальными ресурсами является совершенствование деятельности предприятий энергетического комплекса, особенно тех, которые занимаются сбытом электроэнергии, поскольку определяют объемы спроса целевых клиентурных рынков на этот вид ресурсов.

Основным видом экономической деятельности основных энергосбытовых акционерных обществ на территории регионов Арктической зоны, таких как «Газпром энергосбыт», «АтомЭнергоСбыт» и «ЭнергосбыТ Плюс», является торговля электроэнергией. Следует отметить, что все энергосбытовые предприятия, в том числе и исследуемые акционерные общества, могут иметь один из двух статусов — гарантирующего поставщика электроэнергии или независимого энергосбытового предприятия.

Так, главная цель гарантирующего поставщика, к статусу которого (виду) относятся два акционерных общества — «АтомЭнергоСбыт» и «Энерго-

сбыТ Плюс», заключается в том, чтобы обеспечить своевременную и бесперебойную поставку требуемого объема электроэнергии сторонним потребителям. Главная же цель энергосбытового предприятия со статусом (видом) независимого, к которому принадлежит акционерное общество «Газпром энергосбыт» — осуществлять оптимизацию сбыта электроэнергии предприятиям группы «Газпром». В таблице 2 представлены основные характеристики этих акционерных обществ.

Дальнейшее стратегическое развитие деятельности исследуемых предприятий зависит от их конкурентной позиции на соответствующих целевых клиентурных рынках, которая определяется показателями финансово-экономической деятельности — факторами сильных и слабых сторон, и исходящими из этого возможностями и угрозами.

К перечню финансово-экономических факторов сильных и слабых сторон относятся следующие: структура имущества; структура источников формирования имущества; коэффициенты финансовой деятельности — автономии, капитализации, финансовой устойчивости, обеспеченности собственными оборотными средствами; коэффициенты ликвидности — абсолютной, срочной, текущей; длительность (сроки) погашения дебиторской и кредиторской задолженности; рентабельность — продаж, бухгалтерская, валовая, чистая (норма чистой прибыли), экономическая (активов), собственного капитала.

Таблица 2

Характеристика энергосбытовых предприятий

Наименование энергосбытового предприятия	АО «АтомЭнергоСбыт»	АО «ЭнергосбыТ Плюс»	АО «Газпром энергосбыт»
Субъект рынка (участник рынка электроэнергии)	Гарантирующий поставщик	Гарантирующий поставщик	Независимое энергосбытовое предприятие
Вид экономической деятельности	Торговля электроэнергией	Торговля электроэнергией	Торговля электроэнергией
Потребители	Юридические лица, домохозяйства	Юридические лица, домохозяйства	Предприятия группы «Газпром»
Главная цель	Обеспечить своевременную и бесперебойную поставку требуемого объема электроэнергии сторонним потребителям и организациям Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»	Обеспечить своевременную и бесперебойную поставку требуемого объема электроэнергии сторонним потребителям	Осуществлять оптимизацию сбыта электроэнергии предприятиям группы «Газпром»

Так, по первому фактору — структуре имущества — к слабым сторонам гарантирующих поставщиков, акционерных обществ «АтомЭнергоСбыт» и «ЭнергосбыТ Плюс», относится наличие дебиторской задолженности, удельный вес которой в общей стоимости имущества составляет бо-

лее 77 и 46% соответственно (рис. 1), сильных сторон нет.

Структура имущества АО «Газпром энергосбыт» существенно отличается от энергосбытовых компаний — гарантирующих поставщиков. Так, наибольший удельный вес в общей стоимо-

сти имущества приходится на денежные средства и краткосрочные финансовые вложения в размере 43%.

По второму фактору — структуре источников формирования имущества — можно сделать вывод, что в АО «Газпром энергосбыт» кредиторская задолженность составляет 25,79% от всех источников и является сильной стороной, у двух других АО —

гарантирующих поставщиков удельный вес кредиторской задолженности равен 59 и 66%.

Группа из коэффициентов финансовой устойчивости, включающая коэффициенты автономии, капитализации, финансовой устойчивости, обеспеченности собственными оборотными средствами, за период с 2018 по 2020 г. представлена в таблице 3.

Таблица 3

Динамика коэффициентов финансовой устойчивости энергосбытовых предприятий

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Оптимальное значение
	АО «Газпром энергосбыт»			АО «ЭнергосбыТ Плюс»			АО «АтомЭнергоСбыт»			
Коэффициент автономии	0,66	0,68	0,73	0,17	0,18	0,23	-0,03	-0,03	0,01	≥ 0,5
Коэффициент капитализации	0,52	0,47	0,37	4,84	4,52	3,36	-13,83	-15,29	55,96	не выше 1,5
Коэффициент финансовой устойчивости	0,66	0,68	0,73	0,24	0,26	0,36	-0,03	-0,03	0,01	≥ 0,6
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	0,25	0,44	0,53	-0,04	-0,05	-0,12	-0,29	-0,22	-0,17	≥ 0,1

Как следует из данных, представленных в таблице 3, величина коэффициента автономии соответствует рекомендуемому значению только в АО «Газпром энергосбыт» и показывает, что удельный вес собственных средств в общей стоимости имущества составляет 50%. У двух других акционерных обществ — в АО «ЭнергосбыТ Плюс» в 2019–2020 гг. этот коэффициент составлял лишь 0,18 и 0,23, что свидетельствует о низкой доле собственных средств. В АО «АтомЭнергоСбыт» в 2018–2019 гг. отмечено отрицательное значение данного коэффициента (-0,03), и в 2020 г. — приближенное к нулевому результату, что обусловлено наличием непокрытого убытка на протяжении нескольких лет.

Финансирование деятельности АО «Газпром энергосбыт» в большей степени осуществляется за счет собственных средств, что подтверждают значения коэффициента капитализации на протяжении всего исследуемого периода, показывающие соотношение заемного и собственного капитала в среднем 1:2. В АО «ЭнергосбыТ Плюс» по сравнению с АО «Газпром энергосбыт» в заемный капитал, превышая собственный в 2018–2019 гг. более чем в 4 раза, в 2010 г. — примерно в 3,5 раза. В АО «АтомЭнергоСбыт» по причине накопленных убытков в 2018–2019 гг. коэффициент капитализации имеет отрицательное значение, в 2020 г. — 55,96, что показывает превышение заемного капитала над собственным в 56 раз.

Коэффициент финансовой устойчивости АО «Газпром энергосбыт» больше нормативной ве-

личины, имеет положительную динамику, составившую в 2019 г. +0,02, в 2020 г. — +0,05. Так, в 2018–2019 гг. в среднем 67,5% активов финансировались за счет устойчивых источников, а в 2020 г. — 73%. В то же время у АО «ЭнергосбыТ Плюс» в 2019 г. за счет долгосрочных устойчивых источников финансировались лишь 26% активов, а в 2020 г. — 36%. Самые низкие значения данного коэффициента получены в АО «АтомЭнергоСбыт»: в 2018–2019 гг. — отрицательные, в 2020 г. — 0,01, то есть за счет устойчивых источников финансировались 1% имущества вместо минимально рекомендуемых 60%.

Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами свидетельствует о том, что у АО «Газпром энергосбыт» достаточно собственных средств для финансирования своей текущей деятельности. В 2018 г. 25% оборотных активов были сформированы за счет собственного капитала, в 2019 г. — 44% и в 2020 г. — 53%. У АО «АтомЭнергоСбыт» и «ЭнергосбыТ Плюс» значение данного коэффициента является отрицательным на протяжении всего исследуемого периода, что подтверждает формирование оборотных средств за счет заемных источников.

Таким образом, можно сделать вывод о высокой зависимости АО «АтомЭнергоСбыт» и «ЭнергосбыТ Плюс» от заемных источников финансирования, в то время как активы АО «Газпром энергосбыт» в большей степени сформированы за счет собственного капитала.

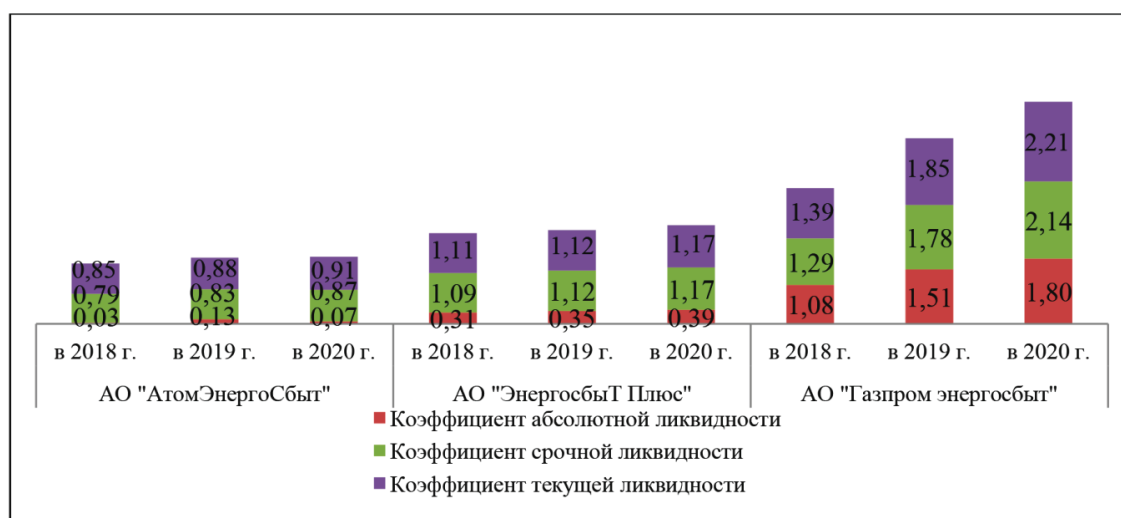

Рис. 2. Динамика коэффициентов ликвидности энергосбытовых предприятий

Динамика коэффициентов ликвидности энергосбытовых предприятий представлена на рисунке 2.

У АО «Газпром энергосбыт» большинство коэффициентов ликвидности превышает нормативные значения и имеют положительную динамику. Так, за счет имеющихся денежных средств в 2018–2020 гг. предприятие могло погасить полный объем своих текущих обязательств. Коэффициент срочной и текущей ликвидности также подтверждает полную платежеспособность АО «Газпром энергосбыт» за счет использования средств в расчетах, финансовых вложений и оборотных активов в целом, вернувшимися в денежную форму.

В АО «ЭнергосбыТ Плюс» такие показатели, как коэффициенты абсолютной и срочной ликвидности, также превышают рекомендуемые значения. Так, за счет денежных средств погашалось в 2018–2020 гг. 31, 35 и 39% текущих обязательств соответственно. Однако у АО «ЭнергосбыТ Плюс» следует отметить недостаток объема оборотных активов, что подтверждают значения коэффициента текущей ликвидности, равные в 2018–2019 гг. в среднем 1,115, в 2020 г. — 1,17, что ниже рекомендуемого значения 2.

Значения всех показателей ликвидности показателя у АО «АтомЭнергоСбыт» существенно ниже, чем у АО «Газпром энергосбыт» и АО «ЭнергосбыТ Плюс». Так, в 2018–2020 гг. коэффициент абсолютной ликвидности показывает, что предприятие могло погасить лишь 3, 13 и 7% текущих обязательств, располагая только денежными средствами. Платежеспособность не повышается и в случае возврата дебиторской задолженности и использования всех оборотных средств.

После поступления дебиторской задолженности АО «ЭнергосбыТ Плюс» и АО «АтомЭнер-

гоСбыт» смогут погасить меньше своих текущих обязательств, чем АО «Газпром энергосбыт». Значения данного коэффициента у АО «ЭнергосбыТ Плюс» соответствуют нормативу. Однако показатели АО «АтомЭнергоСбыт» гораздо ниже нормативного ограничения. В 2019 г. предприятие было способно погасить на 53,2% меньше своих обязательств, чем АО «Газпром энергосбыт», а в 2020 г. — на 59,31%. В 2018 г. предприятие могло погасить 79,4% своих текущих обязательств, в 2019 г. — 83,4%, а в 2020 г. — 87% вместо 100% по нормативу.

В целом, можно сделать вывод об устойчивой платежеспособности предприятия АО «Газпром энергосбыт» и нормальной платежеспособности АО «ЭнергосбыТ Плюс». Предприятие АО «АтомЭнергоСбыт» является неплатежеспособным на протяжении всего анализируемого периода с 2018 по 2020 г.

Финансовые результаты свидетельствуют о получении в 2018 г. АО «АтомЭнергоСбыт» чистого убытка в размере 474 862 тыс. руб. Однако в 2019 г. размер чистой прибыли составил 59 014 тыс. руб., а в 2020 г. — 424 501 тыс. руб. АО «ЭнергосбыТ Плюс» получало чистую прибыль на протяжении всего исследуемого периода, заметна также тенденция к ее увеличению. Так, в 2018 г. ее размер составил 195 910 тыс. руб., в 2019 г. — 379 217, а в 2020 г. произошло максимальное увеличение чистой прибыли на 1 312 331 тыс. руб., или на 346,06%.

АО «Газпром энергосбыт» также являлся прибыльным на протяжении 2018–2020 гг. В 2018 г. размер чистой прибыли составил 3 829 566 тыс. руб., однако в 2019 г. произошло ее снижение на 1 361 338 тыс. руб., темп снижения равен 35,54%, что обусловлено снижением прибыли до налогообложения, вызванной отсутствием доходов от участия в других организациях.

По сравнению с независимым энергосбытовым предприятием АО «Газпром энергосбыт» результаты показателей оборачиваемости гаранти-

рующих поставщиков свидетельствуют о более длительном периоде погашения как дебиторской, так и кредиторской задолженности (рис. 3).

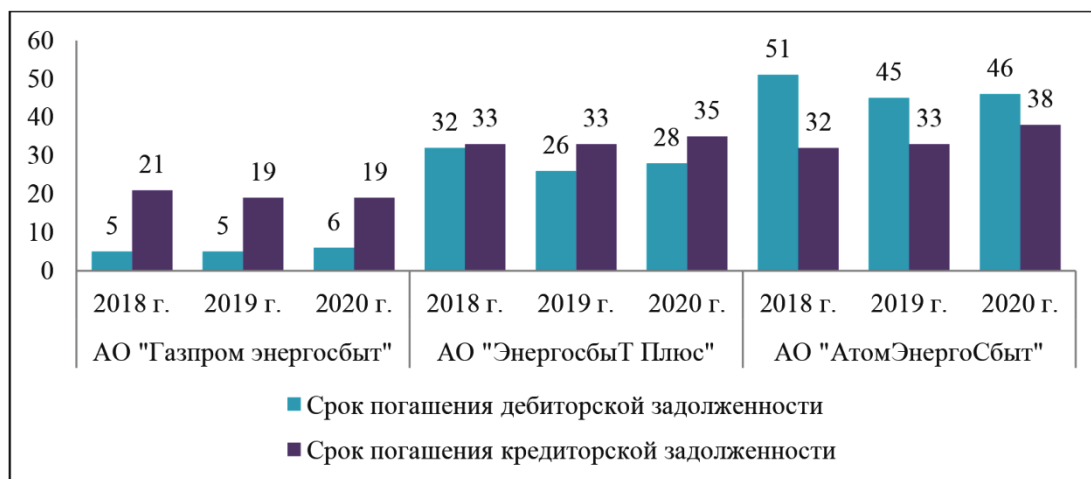

Рис. 3. Динамика срока погашения дебиторской и кредиторской задолженности энергосбытовых предприятий, дней

Однако в 2020 г. чистая прибыль составила 4 055 138 тыс. руб., что на 1 586 573 тыс. руб., или на 64,27% больше, чем в предыдущем году.

Так, средний срок возврата средств в расчетах для АО «ЭнергосбыТ Плюс» составил 32 дня в 2018 г., 26 дней в 2019 и 28 дней в 2020 г., в то время как для АО «АтомЭнергоСбыт» — 51, 45 и 46 дней соответственно.

Срок погашения кредиторской задолженности АО «ЭнергосбыТ Плюс» на протяжении всего анализируемого периода в среднем составлял 34 дня. Аналогичные результаты получены и для АО «АтомЭнергоСбыт».

В отличие от АО «Газпром энергосбыт» деятельность гарантирующих поставщиков менее прибыльна, что подтверждают показатели рентабельности (табл. 4).

Таблица 4

Динамика показателей рентабельности энергосбытовых предприятий, %

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
	АО «Газпром энергосбыт»			АО «ЭнергосбыТ Плюс»			АО «АтомЭнергоСбыт»		
Рентабельность продаж	4,10	3,29	3,50	1,79	2,29	3,60	2,00	2,27	2,60
Бухгалтерская рентабельность	6,23	3,63	5,50	0,21	0,45	1,73	-1,27	0,15	0,74
Чистая рентабельность	5,26	2,84	4,67	0,17	0,32	1,37	-0,68	0,08	0,56
Валовая рентабельность	5,15	4,18	4,23	39,43	38,68	39,01	47,40	45,91	44,59
Экономическая рентабельность	29,47	17,17	25,29	1,23	2,43	9,02	-3,76	0,48	3,27
Рентабельность собственного капитала	44,50	25,57	35,80	7,79	13,81	43,31	284,92	-15,40	-300,67

АО «ЭнергосбыТ Плюс» имело меньше прибыли, чем АО «Газпром энергосбыт», в среднем на 3,5 копейки с каждого рубля выручки. Наименьшие результаты получены у АО «АтомЭнергоСбыт».

Финансовый анализ позволил выявить слабые и сильные стороны финансового состояния акционерных обществ «Газпром энергосбыт», «АтомЭнергоСбыт» и «ЭнергосбыТ Плюс» (табл. 5).

Таблица 5

Слабые и сильные стороны финансовой деятельности энергосбытовых предприятий

Показатели финансового состояния	Слабые стороны			Сильные		
	АО «Атом-Энерго-Сбыт»	АО «Энерго-сбыТ Плюс»	АО «Газ-пром энерго-сбыт»	АО «Атом-Энерго-Сбыт»	АО «Энерго-сбыТ Плюс»	АО «Газ-пром энерго-сбыт»
Нерациональная структура имущества	+	+	-	-	-	+
Финансовая устойчивость	+	+	-	-	-	+
Платежеспособность	+	-	-	-	+	+
Финансовый результат (прибыль / убыток)	+	-	-	-	+	+
Деловая активность	+	+	-	-	-	+
Эффективность деятельности	+	+	-	-	-	+

В большей степени на финансовую деятельность энергосбытовых предприятий отрицательно влияют неплатежи со стороны населения и хозяйствующих субъектов (табл. 6).

Таблица 6

Состав дебиторской задолженности энергосбытовых предприятий, тыс. руб.

Статья актива	АО «Энерго-сбыТ Плюс»	АО «Атом-ЭнергоСбыт»
Дебиторская задолженность, в том числе:	9 868 380	10 223 776
расчеты с покупателями и заказчиками	9 200 564	9 849 940
авансы выданные	16 342	10 624
прочие дебиторы	651 474	363 213

Неплатежеспособность ряда дебиторов влияет на ухудшение всех финансовых показателей, характеризующих финансовое состояние и финансовые результаты предприятий. Следовательно, необходимо разработать мероприятия, которые будут направлены на совершенствование и сокращение дебиторской и кредиторской задолженностей.

Для решения данной проблемы следует провести ряд следующих мероприятий.

Воспользоваться договором финансирования под уступку денежного требования. Факторинг является финансовым инструментом, с помощью которого у покупателей появляется возможность приобретать товары или услуги с отсрочками платежа, а продавцы получают от факторинговых организа-

ций до 90% от суммы дебиторской задолженности с момента подписания акта об оказании данных услуг. Иначе говоря, факторинг является финансовым рычагом, ускоряющим оборачиваемость денежных средств предприятия с помощью продажи поставщиком своей дебиторской задолженности факторинговой организации.

Главная задача ООО «ВТБ Факторинг» — предоставить отсрочку платежа по поставке электроэнергии. Решение данной задачи происходит в результате выстраивания факторинга без права регресса в структуру отношений с потребителями электроэнергии. Это означает, что риски неплатежей по задолженностям ООО «ВТБ Факторинг» принимает на себя.

Разместить на официальных сайтах информацию о крупных должниках. В настоящее время множество энергосбытовых предприятий размещают на своих сайтах информацию о таких неплательщиках. Например, предприятие АО «Новосибирск-энергосбыт», которое с 2012 по 2020 г. занимает первое место среди гарантирующих поставщиков электроэнергии, имеет на своем сайте специальный раздел, который содержит обновляющийся на постоянной основе перечень «злостных неплательщиков». Данная информация может быть полезна как самому предприятию, так и другим хозяйствующим субъектам энергетической отрасли для оценки контрагентов, так как сведения о платежной дисциплине говорят о профессионализме руководства предприятий, об их финансовом состоянии и деловой репутации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабкина Л. Н., Скотаренко О. В. Применение квалиметрического подхода в управлении региональной экономикой // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2013. № 4 (175). С. 45–52.

2. Скотаренко О. В., Бабкина Л. Н. Особенности квалиметрического подхода в региональных исследованиях // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2013. № 5 (180). С. 161–165.
3. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 30.03.2021 № 484. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Распоряжение Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-р. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
6. Страны и регионы. Статистический справочник Всемирного банка. Официальный сайт группы Всемирного банка. URL: <https://www5.worldbank.org/eca/russian/data/>.
7. Большаков Б. Е., Шамаева Е. Ф., Шевенина Е. В. Сетевая модель проектного управления устойчивым инновационным развитием региона и предприятия с использованием естественнонаучных измерителей. Формализация задач // Наука Красноярья. 2014. № 2. С. 40–78.
8. Владимирская Д. А., Кутепова М. В., Плотников В. А. Специфика развития предпринимательства в Арктической зоне Российской Федерации // Экономика и управление. 2018. № 9 (155). С. 16–23.
9. Змиева К. А. Проблемы энергоснабжения арктических регионов // Российская Арктика. 2020. № 8. С. 5–14.
10. Скуфьина Т. П., Бажутова Е. А., Самарина В. П. Предпринимательская активность в регионах российской Арктики в сравнении с общероссийской ситуацией // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 51–68.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2019 г. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm.

REFERENCES

1. Babkina L. N., Skotarenko O. V. Application of the qualimetric approach in the management of the regional economy // Scientific and technical statements of the St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences. 2013. No. 4 (175). Pp. 45–52.
2. Skotarenko O. V., Babkina L. N. Features of the qualimetric approach in regional studies // Scientific and technical statements of the St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences. 2013. No. 5 (180). Pp. 161–165.
3. Strategy for Developing the Russian Arctic Zone and Ensuring National Security until 2035. Executive Order of the Russian President of 26 October 2020 No 645. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Socioeconomic Development of the Russian Arctic Zone. Russian Government Decree of 30.03.2021. No. 484. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Energy Strategy of Russia until 2030. Russian Government Instruction of 13 November 2009. No 1715-r. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
6. Countries and regions. World Bank Statistical Handbook. The official website of the World Bank Group. URL: <https://www5.worldbank.org/eca/russian/data/>.
7. Bolshakov B. E., Shamaeva E. F., Shevenina E. V. A network model of project management for sustainable innovative development of a region and an enterprise using natural science meters. Formalization of tasks // Science of Krasnoyarsk. 2014. No. 2. Pp. 40–78.
8. Vladimirskaia D. A., Kutepova M. V., Plotnikov V. A. Specifics of business development in the Arctic Zone of the Russian Federation // Economy and Governance. 2018. No. 9 (155). Pp. 16–23.
9. Zmieva K. A. Problems of energy supply in Arctic regions // Russian Arctic. 2020. No. 8. Pp. 5–14.
10. Skufyina T. P., Bazhutova E. A., V. P. Samarina. Business activities in Russian Arctic regions compared with the general situation in Russia // The Arctic and the North. 2019. No. 37. Pp. 51–68.
11. Regions of Russia. Socioeconomic indicators — 2019. Official website of the Russian Federal State Statistics Service URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

Поступила в редакцию: 21.07.2021.

Принята к печати: 28.09.2021.

ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Г. Ф. Балакина

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов
СО РАН (Кызыл, Россия)

В статье рассматриваются процессы совершенствования региональной политики России: от политики выравнивания параметров социально-экономических процессов регионов к политике стимулирования реализации конкурентных преимуществ регионов. Исследована территориальная неоднородность Республики Тыва как объекта регулирования. Определено, что сложившееся разделение территории республики на четыре зоны — Центральную, Западную, Восточную и Южную, различающиеся по объемам выпуска продукции и параметрам социального развития, — остается актуальным и обуславливает дифференциацию мер регулирования социально-экономических процессов. Сделан вывод о том, что в условиях совершенствования региональной политики в республике необходима разработка и реализация концептуального документа: концепции, стратегии или плана мероприятий по регулированию территориального развития, позволяющего увязать цели и ресурсы, что является стратегически важным ввиду приграничного положения региона. В Тыве необходимо формирование целенаправленной политики регулирования территориального развития. Цель территориальной политики предлагается определить как выравнивание доступа жителей республики к социальным услугам, развитие приграничных территорий для недопущения оттока населения посредством принятия комплекса мер, включая активизацию природно-ресурсного потенциала.

Ключевые слова: регион, Республика Тыва, зонирование территории, приграничные районы, пространственное развитие.

PROSPECTS FOR THE TERRITORIAL DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF TYVA

G. F. Balakina

Tuvinian Institute for Exploration of the Natural Resources SB RAS (Kyzyl, Russia)

The article discusses the processes of improving the regional policy of Russia from the policy of equalizing the parameters of socio-economic processes of the regions to the policy of stimulating the implementation of competitive advantages of the regions. The territorial heterogeneity of the Republic of Tyva as an object of regulation is investigated. It is determined that the current division of the territory of the republic into four zones: Central, Western, Eastern and Southern, which differ in terms of output and parameters of social development, remains relevant and determines the differentiation of measures for regulating socio-economic processes. It is concluded that in the conditions of improving regional policy in the republic, it is necessary to develop and implement a conceptual document: a concept, strategy or action plan for regulating territorial development, which allows linking goals and resources, which is strategically important due to the border position of the region. In Tyva, it is necessary to form a purposeful policy of regulating territorial development. The purpose of the territorial policy is proposed to be defined as equalizing the access of residents of the republic to social services, the development of border territories to prevent the outflow of population through the adoption of a set of measures, including the activation of natural resource potential.

Keywords: region, Republic of Tyva, zoning of the territory, border areas, spatial development.

Приоритеты пространственного развития России. В современном мире региональная политика государства, как одна из важнейших составляющих политики регулирования развития страны, строится на приоритетах стимулирования развития, отражающих целеполагание по сокращению числа территорий, отстающих по социально-экономическим параметрам, сохранению целостности страны и контролю за стратегически важными территориями. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. [1] достаточно высоко оценена экспертами как перспективная проработка, увязывающая приоритеты и инструменты регулирования развития территорий, базирующаяся на качественном анализе территориальных сдвигов, диспропорций в размещении производительных сил страны, тенденций в развитии агломераций [2, с. 144; 3, с. 156]. С точки зрения С. С. Артоболевского, о наличии государственной региональной политики можно говорить только в том случае, если выполняются три условия: осознанное и сформулированное видение целей регионального развития страны (в виде общих целей, стратегических планов); органы власти, ответственные за изменение пропорций территориального развития; специальные инструменты, нацеленные на подъем проблемных территорий [4, с. 5].

Правительствами стран и руководством объединений государств принимаются и реализуются программы развития регионов-лидеров экономического роста, программы снижения числа депрессивных регионов и выравнивания уровня обеспечения социальными благами их жителей. Другими словами, можно выделить три группы приоритетов пространственного развития:

- стимулирующий (возрастающие объемы инвестиций направляются в регионы с выгодным географическим положением, где снижается налоговая нагрузка на бизнес и развивается инфраструктура отрасли);
- выравнивающий (принятие комплекса мер по снижению территориальной дифференциации параметров уровня жизни и доступа населения к общественным благам, близким к среднему уровню по стране в целом);
- геополитический (решение вопросов безопасности страны и развитие приграничных территорий как стратегически значимых).

По мнению Н. В. Зубаревич, «в условиях, когда государственные ресурсы ограничены, приоритеты выравнивания или стимулирования всегда конкурируют, и противоречие «равенство — эффективность» неизбежно. Каждая страна ищет оптимальный баланс выравнивающей и стимулирующей политики. Он изменяется во времени,

поскольку на разных стадиях развития в обществе и в структурах власти преобладают разные ценности и решаются разные задачи развития» [5, с. 152]. Стимулирующая стратегия, с одной стороны, повышает эффективность развития экономики страны за счет использования высокой конкурентоспособности избранных территорий, с другой — усиливает территориальное неравенство. Здесь существует противоречие: «регионы-доноры» утверждают, что бюджетные ресурсы изымаются у них в чрезмерном объеме, а отстающие регионы говорят о недостаточности поддержки из федерального бюджета. Поэтому федеральному правительству приходится быть в постоянном поиске баланса интересов регионов обоих типов [3, с. 146].

В совершенствовании политики выравнивания можно выделить несколько этапов: реализация точечных проектов повышения эффективности развития отдельных территорий (долины реки Теннесси в США, 1930–1983 гг.; программа развития Аппалачей; программа реструктуризации Южного Лимбурга (Нидерланды); программа реструктуризации Рурского региона, реорганизация новых восточных земель (Германия) [6, с. 380–388]. Вторым этапом — осуществление программ Евросоюза с использованием средств специализированных Структурных фондов ЕС для сокращения межрегионального неравенства в экономическом развитии (1980–2000-е гг.). Третий — современный — этап политики выравнивания начался с 2000-х гг. после осознания ее неэффективности, результатов проведения реформ в ЕС, прекращения федеральной программы «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 гг. и до 2015 г.)», которая реализовывалась в 2002–2006 гг. и была направлена на уменьшение региональных диспропорций в России [7, с. 61]. Характерной особенностью этого этапа является наряду с помощью наименее развитым регионам развитие локальных районов внутри них, имеющих конкурентные преимущества, то есть поддержка «точек роста» для сокращения межрегионального неравенства.

Для реализации геополитического приоритета территориального развития могут быть использованы инструменты как выравнивающей, так и стимулирующей стратегии при первенстве задач геополитики, основными целями которой признаются сохранение контроля над территорией и снижение рисков дезинтеграции. Государства целенаправленно инвестируют значительные объемы средств в развитие приграничных районов или значимых для страны территорий.

Пространственное развитие Республики Тыва. Республика Тыва относится к проблемным территориям, нуждающимся в финансовой помо-

щи из федерального бюджета для поддержания стандартов потребления населением социальных услуг. Она расположена в центре Азии, граничит с Монголией, состоит из 19 муниципальных районов, пять из которых непосредственно граничат с Монголией: Тере-Хольский, Монгун-Тайгинский, Эрзинский, Тес-Хемский и Овюрский. В Республике Тыва в силу обширности территории необходимо обоснование дифференциации регулирования параметров социально-экономических процессов групп административных районов, имеющих свою специфику.

Территориальная неоднородность Республики Тыва по ряду социально-экономических параметров достаточно существенна. Поэтому целесообразно регулировать развитие как региона в целом, так и отдельных его частей: зон и составляющих их административных районов (кожуунов). Территориальное зонирование республики происходило в несколько этапов.

Вначале (I этап) на основе системного ретроспективного анализа были определены комплексы территориально компактных административных районов, которые объединены в зоны: западную, центральную, восточную и южную. Далее (II этап) выделялись экономические связи и отрасли специализации. Наконец, на III этапе были сформированы меры по развитию территориальных зон в республике.

Выделение территориальных зон, или зонирование территории, которое допускает вариативность методологии и концепций решения, было основано на следующих исходных условиях:

1) вся территория Тывы должна быть разбита на зоны, каждая из которых имеет хотя бы один центр экономического роста;

2) территория каждого административного района неделима и входит только в одну зону.

В процессе зонирования территории республики учитывались следующие показатели социально-экономических процессов административных

районов: их площадь, динамика численности населения и уровень его доходов, естественный и миграционный прирост, среднемесячная заработная плата работников предприятий, численность безработных, обеспеченность объектами социальной сферы (образование, здравоохранение), структура экономики, наличие разведанных месторождений полезных ископаемых, число действующих промышленных предприятий, объем выпускаемой промышленной продукции, объем продукции сельского хозяйства, оборот розничной торговли, оборот общественного питания, объем платных услуг, объем инвестиций.

Сегодня в Тыве сложилось четыре экономические зоны:

Западная — отличается агропромышленной специализацией и имеет промышленный центр в г. Ак-Довурак;

Центральная — макрорайон со столицей г. Кызыл, представляющим промышленный и транспортно-логистический центр;

Восточная — в ней сконцентрированы добывающая промышленность и лесопромышленный комплекс республики. Центры роста — села Тоора-Хем и Сарыг-Сеп;

Южная — территория, специализирующаяся на аграрных отраслях с центром роста в с. Эрзин [8, с. 45–48].

В Западную зону входят районы с развитым сельским хозяйством. Суммарный объем его валовой продукции в 2005 г. в ней составил 609 млн руб., то есть 28% от его валовой продукции по республике в целом. Данная зона включает в себя Бай-Тайгинский, Барун-Хемчикский, Дзун-Хемчикский, Чаа-Хольский, Монгун-Тайгинский, Сут-Хольский и Овюрский кожууны. В последнем находится международный пункт пропуска на государственной границе в с. Хандагайты. В 2005 г. здесь насчитывалось 89,3 тыс. человек (28,3% населения республики); на 01.01.2021 г. — 85, 1 тыс. (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика численности населения Республики Тыва в 2005–2020 гг.
(на начало года, чел.) ***

Зоны	2005 г.	2011 г.	2021 г.	2020 г., % к 2005 г.	2020 г., % к итогу
Западная	87384	83589	85130	97,4	25,8
Центральная	183165	187912	207383	113,2	62,8
Восточная	18632	18309	18735	100,6	5,6
Южная	19320	18322	19120	99,0	5,8
Итого по Республике Тыва	308491	308132	107,1	330368	100,0

* [8, с. 9; 9, с. 10–12].

Наиболее промышленно развитые кожууны республики составляют Центральную зону. Эта территория отличается транспортной доступностью, развитой дорожной сетью, районы соединены автодорогой федерального значения Кызыл-Ак-Довурак. Суммарный объем произведенной промышленной продукции — 71% от объема промышленной продукции республики, где вклад г. Кызыла превышает 75%. В зону включены Кызылский, Улуг-Хемский, Чеди-Хольский, Тандинский, и Пий-Хемский административные районы с Центром роста столицей республики г. Кызыл. На начало 2005 г. численность населения здесь составила 183,2 тыс. человек (59,3% от общей численности), в 2021 г. — 207,4 тыс. человек (62,8%) соответственно.

К Восточной зоне отнесены Тоджинский и Каа-Хемский кожууны. Это наименее населенные районы Тывы. В силу неразвитости сети автодорог и особенностей структуры экономики кожуунов зона не обладает ярко выраженным центром роста. В этом и выражается одно из ее отличий от остальных. Промышленная зона представлена добычей золота в Тоджинском кожууне, а производство сельскохозяйственной продукции (185 млн руб.) сконцентрировано в Каа-Хемском кожууне. Район обладает также богатой базой лесных ресурсов. В 2005 г. численность населения Восточной зоны — 18,6 тыс. человек (6% населения Тывы, в 2021 г. соответственно — 18,7 тыс. человек (5,6%). С 2015 г. ООО «Лунсин» (КНР) производит разработку Кызыл-Таштыгского месторождения свинца и цинка. Здесь в ранее необжитом месте сооружен горно-обогатительный комплекс с соответствующей инфраструктурой.

Предприятие добывает и перерабатывает 0,9–1 млн т руды в год. На предприятии заняты 850–1000 человек, из них 180–230 граждан КНР и 620–820 россиян [10, с. 31]. Два крупных инвестиционных проекта также реализуются здесь: «Строительство золотоизвлекательной фабрики чанового выщелачивания по переработке руд месторождения «Правобережное» (ООО «Тардан Голд») и «Создание горно-обогатительного комбината на базе медно-порфинового месторождения Ак-Суг» (ООО «Голевская горно-рудная компания»). Развитие горно-добывающей промышленности в Восточной зоне в последние 5–7 лет привело к росту значимости данной территории в экономической структуре Республики Тыва. Повылся удельный инвестиций в основной капитал восточных районов до 37,3% в 2020 г. (табл. 2).

В состав Южной зоны входят три аграрных кожууна — Тес-Хемский, Эрзинский и Тере-Хольский, в которых развито животноводство. В 2005 г. численность населения здесь была 19,3 тыс. жителей (6,3% от населения Тывы), на 01.01.2021 г. — 19,1 тыс. (5,8% соответственно). Объем продукции сельского хозяйства составлял в 2005 г. 204,2 млн руб. (9,4% от валовой продукции отрасли по региону), из них 50% производится в Эрзинском кожууне. В результате роста поголовья скота удельный вес хозяйств зоны в 2020 г. увеличился до 10,3%. В Южной зоне отсутствует промышленность. Все необходимые товары ввозятся. Важная деталь — наличие международного пункта пропуска на государственной границе с Монголией в с. Цаган-Тологой.

Таблица 2

**Динамика объемов инвестиций в основной капитал в 2005–2020 гг.
(без учета субъектов малого предпринимательства, тыс. руб.) ***

Зоны	2005 г.	2011 г.	2020 г.	2020 г., % к 2005 г.	2020 г., % к итогу
Западная	87632	106273	414962	473,5	3,0
Центральная	507735	5874314	8317190	1638,1	59,5
Восточная	118825	83906	5228456	4400,1	37,3
Южная	20889	30802	27199	130,2	0,2
Итого по Республике Тыва	735081	6095295	13987807	1902,9	100,0

* [9, с. 233; 11, с. 291; 12, 13].

Динамика пространственного развития Республики Тыва. Центральная и Западная зоны сегодня являются лидерами по значительному большинству показателей. Южная и Восточная зоны существенно отстают, что определяется, прежде всего, менее благоприятными природно-климатическими условиями. Осложняет социально-экономические процессы Восточной зоны также

неразвитость дорожной сети, отставание в развитии инженерной и социальной инфраструктуры. Западная зона отличается от других территорий республики своей специализацией (значительным поголовьем овец и коз и наличием предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции). В 2020 г. поголовье мелкого рогатого скота здесь составило 64,3%, поголовье круп-

ного рогатого скота — 47,2% от общереспубликанского.

Центральная зона является лидером промышленного производства Тывы. Здесь добывалось в течение последних 15 лет 93–97% от общего объема полезных ископаемых по республике, доля продукции обрабатывающей промышленности — 84–86%, производства электроэнергии, газа и воды — 89–91%.

В ходе исследования определено, что наиболее привлекательными для инвесторов являются Центральная и Западная зоны. Они располагают наиболее сформированными лучшими стартовыми условиями, в которых возможно предусматривать реализацию новых инструментов сбалансированного развития территорий, а именно формирования территориальных кластеров [14, с. 50–51].

Анализ выявил, что формирование инновационно-промышленного кластера, предполагающего развитие промышленной переработки природного сырья на базе технологических новшеств, целесообразно в Центральной зоне. В Центральном макрорайоне также рационально начать формирование энергетического кластера, в который войдут не только предприятия по производству электрической и тепловой энергии и компании по добыче и обогащению каменного угля; но и группы ученых и технологов, организации высшего и среднего специального образования, занимающиеся подготовкой специалистов соответствующих профилей [15, с. 473]. Действие здесь фактора институционального преимущества в виде столичного статуса придает развитию данной территории дополнительный импульс [5, с. 157–158]. Происходит интенсивная миграция населения, отток населения из западных и южных районов в центральные, что привело к росту доли населения Центральной зоны в общей численности населения Тывы. Основной задачей перспективного развития Центральной зоны следует признать ориентацию на бездотационное развитие. К факторам, способствующим решению указанной проблемы, можно отнести: наряду с агломерационным эффектом (эффектом масштаба), значительные налоговые поступления от сконцентрированных здесь предприятий и организаций со статусными преимуществами; уровень доходов населения, превышающий среднереспубликанский; более благоприятные условия для развития бизнеса.

Условия и потенциал развития Западной зоны позволяют создать агроэкологический кластер, в условиях которого необходимо и далее развивать перерабатывающую сельскохозяйственную продукцию, на основе экологически безопасных технологий; учреждений высшего и среднего профессионального образования по подготовке спе-

циалистов; научно-исследовательских организаций, изучающих проблемы АПК.

Выраженная сельскохозяйственная специализация сохраняется в Южной зоне: удельный вес поголовья скота здесь составлял в 2008 г.: по крупному рогатому скоту — 21,7%, по мелкому — 18,9%; в 2020 г. соответственно –14,6 и 13,9%. Это детерминирует создание предприятий по переработке мяса и дикоросов, ориентированных как на республиканский, так российский рынок. Для успешного развития Южной зоны стратегически необходимо обеспечить сохранение населения, поскольку ее составляют приграничные кожууны. Тем не менее сегодня наблюдается отток населения из Южной зоны, при росте населения Тывы за 2005–2020 гг. на 7,1%, численность жителей данной зоны снизилась (табл. 1). Практически отрицательное сальдо миграции здесь равняется цифрам прироста населения. Отток происходит вследствие низкого уровня доходов и недостаточного развития сферы потребительских и социальных услуг. Уровень средней заработной платы в 2005 г. был ниже среднереспубликанского на 30%, в 2020 г. такое значительное отставание по Тес-Хемскому и Эрзинскому районам сохранилось. Вместе с тем в Тере-Хольском районе за счет выплаты надбавок к зарплате как работникам районов Крайнего Севера этот показатель превысил средний по республике в 1,6 раза, что привело к росту населения кожууна на 11,6%. С нашей точки зрения, в республике целесообразно создание специализированного фонда развития приграничных районов, где бы аккумулировались отчисления из бюджета республики, Фонда развития предпринимательства, республиканских целевых программ, федерального бюджета.

В Тыве принято распоряжение правительства о перечне мероприятий по развитию приграничных кожуунов, в котором предусмотрены меры по расширению приграничного сотрудничества с соседними районами Монголии, развитию сельского хозяйства (создание сельхозпредприятий по выращиванию скота местных пород и переработке мясной продукции, реконструкции оросительных систем, приобретению сельскохозяйственной техники, укреплению кормовой базы), развитию земельных и имущественных отношений [16]. Однако данный документ ни в коей мере не может заменить необходимую перспективную программную проработку по развитию приграничных территорий республики.

В ходе исследования установлено, что в анализируемом периоде изменяется статус Восточной зоны: из аграрного отдаленного района она превращается в район с интенсивным вовлечением в хозяйственный оборот месторождений полезных ископаемых. Началось также формирова-

ние туристско-рекреационного комплекса. Главное преимущество этой территории — ее рекреационные ресурсы (минеральные источники, множество озер и т. п.). Возможно и развитие этнокультурного туризма. Район является местом проживания коренного малочисленного народа Севера тувинцев-тоджинцев, сохранивших традиционный уклад жизни и труда оленеводов.

Следует отметить, что в Стратегии развития Республики Тыва до 2020 г. были изложены принципы зонирования территории республики и специализация сложившихся хозяйственно-экономических зон, которые в этом документе названы макрорайонами [8, с. 43–45]. К сожалению, в Стратегии социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 г. раздел, посвященный проблемам регулирования территориального развития, не сформирован. Хотя в различных разделах Стратегии до 2030 г. упоминаются некоторые аспекты управления развитием территорий. Так, среди основных задач указывается «выравнивание уровней социально-экономического развития административных районов (кожуунов) республики и сложившихся хозяйственно-экономических зон» [17]. По информации Отдела экономического анализа территориального развития Министерства экономики Республики Тыва, приоритетами регулирования развития районов являются по аналогии с федеральной стратегией пространственного развития следующие: развитие агломераций; совершенствование социально-экономических процессов в приграничных кожуунах; формирование «опорных пунктов», или «точек роста».

В соответствии с требованиями федерального законодательства [18] в каждом административном районе Тывы разработаны и утверждены стратегии социально-экономического развития до 2030 г., информация о реализации которых ежегодно поступает в Министерство экономики республики. Тем не менее регулированию территориального развития в регионе не уделяется должного внимания. Данная работа сводится к решению текущих вопросов обеспечения функционирования социальной сферы, завоза грузов и топлива в труднодоступные районы. Динамика развития приграничных территорий не стала объектом целенаправленного контроля органов управления, тогда как недопущение снижения численности населения здесь является приоритетом геостратегическо-

го развития страны. Более того, в ходе реорганизации системы статистических наблюдений многие важные показатели (валовой объем продукции отраслей в разрезе районов, поголовье скота в хозяйствах всех категорий и ряд других) стали недоступны для научного анализа.

Выводы. Регулирование пространственного развития Республики Тыва находится на стадии формирования: создан отдел экономического анализа территориального развития в составе Министерства экономики республики, реализуются перспективные программы развития административных районов. Однако не сформулировано концептуальное видение целей, направлений и инструментов регулирования территориального развития региона.

Выделение на территории Тывы формирующихся четырех хозяйственно-экономических зон — Центральной, Западной, Восточной и Южной, различающихся по направлениям специализации и параметрам социально-экономических процессов, — остается актуальным. Лидирующее положение по уровню социально-экономического развития принадлежит Центральной зоне. В последние годы возрастает интенсивность социально-экономических процессов в Восточной зоне, которая при сохранении высоких темпов экономического роста может составить конкуренцию Центральной зоне. Западная и Южная зоны нуждаются в применении новых инструментов регулирования, которые смогут обусловить выравнивание параметров социально-экономических процессов до средних по республике.

Необходимо принятие концептуального документа: концепции, стратегии или плана мероприятий по регулированию территориального развития Республики Тыва, позволяющего увязать цели и ресурсы, что является стратегически важным ввиду приграничного положения региона. Цель территориальной политики Тывы предлагается определить как выравнивание доступа жителей республики к социальным услугам, развитие приграничных территорий для недопущения снижения численности их населения как посредством активизации природно-ресурсного потенциала, так и за счет поддержки со стороны республиканского бюджета. Инструментами территориальной политики может стать реализация программ (стратегий) развития кожуунов, зон, специализированный фонд развития приграничных районов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. (Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-п). URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUfT08o60RktoOX122JJa e7irNxc.pdf>.

2. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 133–145.
3. Кузнецова О. В. Проблемы выбора приоритетов пространственного развития // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 146–157.
4. Артоболевский С. С. Западный опыт реализации региональной политики: возможности и ограничения практического использования // Региональные исследования. 2008. № 3. С. 3–16.
5. Зубаревич Н. В. Эволюция приоритетов региональной политики России // Вопросы географии. 2016. № 141. С. 151–165.
6. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М., 2004. 495 с.
7. Балакина Г. Ф. Применение программно-целевого метода в управлении развитием депрессивного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 36 (129). С. 59–64.
8. О Проекте Стратегии социально-экономического развития Республики Тыва до 2020 года: Постановление Правительства РТ от 04.04.2007. № 442. Кызыл, 2007. 147 с.
9. Республика Тыва. Кожууны и города: стат. сб. Кызыл, 2011. 246 с.
10. Балакина Г. Ф. Стратегические направления развития Республики Тыва в перспективе до 2030 года // Природные ресурсы, среда и общество. 2019. Вып. 2. С. 25–32.
11. Кожууны и города Республики Тыва: стат. сб. Кызыл, 2015. 304 с.
12. Показатели социально-экономического развития Республики Тыва в 2020 г. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base.
13. Численность населения Республики Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/28037>.
14. Балакина Г. Ф., Мамаш Е. А. Проблемы формирования территориальных кластеров Республики Тыва // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 41 (176). С. 48–55.
15. Goncharova N. A., Kondratenko I. S., Zamaraeva E. N. Economic mechanism of industrial enterprise resources management efficiency assessment // The Journal of Social Sciences Research. 2018. Т. 4. № 12. С. 470–477.
16. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по социально-экономическому развитию приграничных территорий Республики Тыва на 2019–2021 гг.: Распоряжение Правительства Республики Тыва от 26 апреля 2019 г. № 211-р. Кызыл, 2019.
17. О Стратегии социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 года: Постановление Правительства Республики Тыва от 24 декабря 2018 г. № 638. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550322563>.
18. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/>.

REFERENCES

1. The strategy of spatial development of the Russian Federation until 2025 (Decree of the Government of the Russian Federation No. 207-r of February 13, 2019). URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qU tT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf>.
2. Zubarevich N. V. Spatial development strategy: priorities and tools // Questions of Economics. 2019. No. 1. Pp. 133–145.
3. Kuznetsova O. V. Problems of choosing spatial development priorities // Questions of Economics. 2019. No. 1. Pp. 146–157.
4. Artobolevsky S. S. Western experience in implementing regional policy: opportunities and limitations of practical use // Regional Studies. 2008. No. 3. Pp. 3–16.
5. Zubarevich N. V. Evolution of priorities of regional policy of Russia // Questions of Geography. 2016. No. 141. Pp. 151–165.
6. Granberg A. G. Fundamentals of regional economy. M., 2004. 495 p.
7. Balakina G. F. Application of the program-target method in the management of the development of a depressed region // Regional economy: theory and practice. 2009. No. 36 (129). Pp. 59–64.
8. On the Draft Strategy of socio-economic development of the Republic of Tyva until 2020: Resolution of the Government of the Republic of Tatarstan dated 04.04.2007. No. 442. Kyzyl, 2007. 147 p.
9. The Republic of Tyva. Kozhuuns and cities: stat. sat. Kyzyl, 2011. 246 p.
10. Balakina G. F. Strategic directions of development of the Republic of Tyva in the future until 2030 // Natural resources, environment and society. 2019. Iss. 2. Pp. 25–32.
11. Kozhuuns and cities of the Republic of Tyva: stat. sat. Kyzyl, 2015. 304 p.

12. Indicators of socio-economic development of the Republic of Tyva in 2020. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base.

13. Population of the Republic of Tyva. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/28037>.

14. Balakina G. F., Mamash E. A. Problems of formation of territorial clusters of the Republic of Tyva // Regional economy: theory and practice. 2010. No. 41 (176). Pp. 48–55.

15. Goncharova N. A., Kondratenko I. S., Zamaraeva E. N. Economic mechanism of industrial enterprise resources management efficiency assessment // The Journal of Social Sciences Research. 2018. Vol. 4. No 12. Pp. 470–477.

16. On approval of the action plan (“road map”) for the socio-economic development of the border territories of the Republic of Tyva for 2019–2021: Decree of the Government of the Republic of Tyva dated April 26, 2019 No 211-R. Kyzyl, 2019.

17. On the Strategy of socio-economic development of the Republic of Tyva until 2030. Resolution of the Government of the Republic of Tyva No. 638 of December 24, 2018. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550322563>.

18. On Strategic Planning in the Russian Federation: Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014. SPS ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/>.

Поступила в редакцию: 16.07.2021.

Принята к печати: 27.09.2021.

ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ — ГЛАВНЫЙ ТРЕНД РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ю. В. Герауф, Н. И. Глотова

Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)

Актуальность исследования заключается в том, что сегодня инфраструктурное развитие рынка труда связано, в первую очередь, с цифровыми платформами, которые представляют собой основной инструмент по сбалансированию спроса и предложения с точки зрения работодательской и соискательской активности. Появление цифровых платформ изменило организацию и структуру рынка труда. Дополнительный импульс развитию занятости на платформах, ориентированных на предоставление услуг и выполнение работ в веб-формате, способствовала пандемия коронавируса. Российский бизнес в целях сокращения своих затрат стал охотно пользоваться услугами фрилансеров. Однако режим самозанятых на сегодняшний день не предполагает социальных гарантий, закрепление которых в российском законодательстве будет способствовать не только росту числа «легальных» самозанятых, но и экономики страны в целом.

В статье раскрыта роль платформенной занятости как основного инструмента компенсации структурных проблем или сдвигов, когда в обществе появляются дееспособные, но не занятые люди. Охарактеризованы основные преимущества и недостатки цифровых платформ для работников, работодателей и экономики в целом. Целью данной работы является изучение платформенной занятости как главного тренда развития рынка труда в России, выявление преимуществ и рисков платформенной занятости, а также инструментов ее регулирования.

Ключевые слова: платформенная занятость, цифровые платформы, рынок труда, пандемия, самозанятость, фриланс, экономика, регулирование, социальная защита.

PLATFORM EMPLOYMENT IS THE MAIN TREND OF LABOR MARKET DEVELOPMENT IN MODERN CONDITIONS

Yu. V. Gerauf, N. I. Glotova

Altai State Agrarian University (Barnaul, Russia)

The relevance of the study lies in the fact that today the infrastructural development of the labor market is associated primarily with digital platforms, which are the main tool for balancing supply and demand in terms of employer and jobseeker activity. The emergence of digital platforms has changed the organization and structure of the labor market. The coronavirus pandemic has further contributed to the development of employment on service-oriented and web-based platforms. Russian business, in order to reduce its costs, began to willingly use the services of freelancers. However, the regime of the self-employed, today, does not imply social guarantees, the consolidation of which in Russian legislation will contribute not only to an increase in the number of «legal» self-employed, but also to the country's economy as a whole.

The article reveals the role of platform employment as the main tool for compensating for structural problems or shifts when capable, but not employed people appear in society. The main advantages and disadvantages of digital platforms for workers, employers and the economy as a whole are characterized. The aim of this work is to study platform employment as the main trend in the development of the labor market in Russia, to identify the advantages and risks of platform employment, as well as tools for its regulation.

Keywords: platform employment, digital platforms, labor market, pandemic, self-employment, freelancing, economics, regulation, social protection.

Введение. Социально-экономические изменения, происходящие как в России, так и во всем мире, под влиянием развития цифровой экономики и в процессе преодоления последствий новой коронавирусной инфекции формируют новые условия взаимодействия на рынке труда, видоизменяя формы и виды занятости.

Повсеместное внедрение дистанционной работы и оптимизация трудовых ресурсов подтолкнули бизнес в сторону услуг фрилансеров. Главное в данном случае — развить в себе нужные навыки и быть достаточно адаптивным.

Исследования проведены на основе статистических данных Российской Федерации. В соответствии с поставленными задачами в исследовании применялись общенаучные методы (описание, сравнение, обобщение, системный анализ и др.), а также специальные методы и методики анализа платформенной занятости, предполагающие углубленный анализ источников по заявленной проблематике.

Результаты исследования. В течение последних 20 лет успешно развиваются новые формы занятости населения на основе применения информационных технологий. Сегодня наибольшее внимание уделяется платформенной занятости [1]. В этой связи внимание прежде всего следует уделить терминологии. Наряду с понятием «платформенная занятость» используются и другие — цифровой труд, гиг-экономика (англ. «gig» — подработка), микроработа, проектное или временное трудоустройство и пр. Различия в терминологии, разная трактовка данного термина обуславливают, в свою очередь, различные количественные оценки объема платформенной занятости, что прямо влияет на постановку и решение проблем в этой сфере. По мнению экспертов, пока сложно говорить о численности и структуре участников платформенной занятости [2]. На сегодня фактически отсутствуют механизмы реализации социальных гарантий и защиты трудовых прав работников данной сферы, нет соответствующего отечественного законодательства.

Платформенной, как правило, называется нестандартная форма занятости населения, когда организации (отдельные лица) применяют онлайн-платформу для доступа к другим организациям (частным лицам) с целью решения проблем, либо предоставления услуг в обмен на оплату. Занятые в платформенной экономике — это люди, использующие приложение или веб-сайт, чтобы найти клиентов или предоставить услуги за деньги. Примечательно, что платформы «сводят» спрос и предложение, не являясь при этом классическими работодателями, привычными в традиционной экономике.

С начала 2010-х гг. число платформ, соединяющих клиентов и бизнес, возросло в несколько раз. Согласно статистическим данным Международной организации труда, в 2020 г. в мире функционировали 777 подобных интернет-площадок, самые известные среди которых: Uber, «Яндекс.Такси», Ozon, YouDo, Profi.ru, и SkyEng. Специализация платформ распределилась следующим образом: доставка товаров — 49%, оказание онлайн-услуг (IT-разработка, web-дизайн) — 36%, транспортные услуги (такси и грузоперевозки) — около 14%. Подобные площадки служат для исполнителей источником дополнительного дохода. Тем не менее зафиксировать численность участников платформенной занятости не представляется возможным из-за отсутствия общих методических рекомендаций по такой оценке. По расчетам экспертов, в настоящий момент в России в платформенную занятость вовлечено около 6–8 млн чел., а к 2030 г. их количество может возрасти до 15 млн чел., но будет уступать традиционной занятости по найму. По мнению экспертов, следует прогнозировать рост платформенной занятости в таких сферах, как курьерская доставка, электронная торговля, IT и иные (в том числе персональные) услуги [3, 4].

Во многих странах самозанятыми признают людей, которые получают работу через цифровые платформы. Однако различия в подходах к регулированию зависят от соотношения минусов и плюсов, которые платформенная занятость приносит конкретной экономике (рис. 1).

Наши исследования показывают, что всегда необходимо искать баланс между эффективностью и справедливостью, соотносить выгоды от развития платформенной занятости и потери вследствие отсутствия гарантий.

Итак, платформенная занятость — эффективный инструмент получения дохода как на эпизодической, так и на регулярной основе. Она повышает гибкость рынка труда, содействует росту благосостояния населения. Низкие барьеры на вход, свобода в выборе рабочего графика и возможность дистанционного предоставления услуг делают платформенную занятость привлекательной для маломобильных и уязвимых категорий: лиц пенсионного возраста и с ограниченными возможностями здоровья, матерей с детьми, молодежи без опыта работы. В то же время платформенная занятость значительно увеличивает риск прекаризации части рабочей силы, потери социальных и трудовых прав.

Легальными способами оформления платформенной занятости в современной России являются самозанятость и индивидуальное предпринимательство. Однако имеет место и еще один вариант, оставляющий заказчиков и исполнителей вне правового поля, — «теневая» занятость.

Для экономики в целом	Для платформы	Для работника
<p>•Преимущества:</p> <ul style="list-style-type: none"> • возможность повышения занятости и доходов населения; • снижения безработицы в период кризисов, в том числе на фоне пандемии; • легализация и "обеление" экономической деятельности; • повышения доступности отдельных видов услуг. <p>•Недостатки:</p> <ul style="list-style-type: none"> • сжатие сегмента традиционной занятости, которая служит источником социальных страховых взносов; • риск недополучения налогов; • повышенные риски бедности при низких ценах на услуги; • потери в человеческом капитале; • рост спроса на программы социальной помощи из-за отсутствия трудовых гарантий и социального страхования. 	<p>•Преимущества:</p> <ul style="list-style-type: none"> • число исполнителей можно регулировать в зависимости от спроса; • экономия на налогах <p>•Недостатки:</p> <ul style="list-style-type: none"> • размывание рабочей силы; • низкая лояльность работников; • отрицательный отбор исполнителей. 	<p>•Преимущества:</p> <ul style="list-style-type: none"> • автономность, свобода в выборе графика и объема работы; • низкие барьеры входа; • неограниченная география. <p>•Недостатки:</p> <ul style="list-style-type: none"> • нерегулярный и ненормированный график, переработки, отсутствие режима труда и отдыха; • нет механизмов защиты трудовых прав; • нет социальных гарантий.

Рис. 1. Преимущества и недостатки платформ на рынке труда

На наш взгляд, наиболее оптимальным режимом платформенной занятости с точки зрения баланса выгод и издержек оказывается самозанятость. Ее преимущества — это легальный юридический статус, упрощенный налоговый режим (налог с доходов по льготной ставке 4–6%) и при этом простая процедура оформления.

По данным Федеральной налоговой службы, статус самозанятых в России с начала 2021 г. получили около 1 млн человек, при этом число желающих платить налог на профессиональный доход достигло 2,5 млн человек [5]. Все чаще услугами самозанятых пользуется малый и средний бизнес, пытаясь таким образом сократить свои расходы. Так, в 2020 г. услугами самозанятых воспользовались более 258 тыс. организаций, при этом основными направлениями деятельности плательщиков налога на профессиональный доход стали услуги такси, доставки товаров, аренда квартир, репетиторство, ремонтные, маркетинговые и IT-услуги [5].

Таким образом, проведенные нами исследования показали, что эксперимент с новыми формами налогообложения признан российскими властями удачным. Однако следует заметить, что помимо официально зарегистрированного населения, существует еще одна ниша так называемых «вольнорабочих» работников, которые находятся в «свободном плавании» на рынке труда. Фактически речь идет об обычном фрилансе, понятие которого в российском законодательстве не закреплено и определить границы такого понятия можно только с помощью словарей и общепринятой практики.

Согласно Википедии, фрилансер (англ. freelancer — «свободный художник») — свободный работник, который сам предлагает свои услуги на специализированных онлайн-ресурсах, через газетные объявления или личные связи [6]. В общепринятой практике к фрилансерам относят не только самозанятых, но и совмещающих разовые подработки с основной работой, но не заявляющих об этом в налоговую. Согласно экспертным оценкам, количество «свободных художников» в России в 2021 г. значительно выросло.

Сегодня российский рынок фриланса составляет 41 млрд долл. По прогнозам экспертов, в 2025 г. этот рынок достигнет 102 млрд долл. При этом обращает на себя внимание то, что наша страна по данному показателю входит в ТОП-10 стран и занимает второе место по темпам его роста, уступая исключительно Соединенным Штатам Америки [7].

Исследователи А. А. Михайлов и В. И. Федулов подчеркивают факт безусловного влияния пандемии и карантинных мер на рост числа фрилансеров [8]. Так, до начала пандемии в России было 727 тыс. официально зарегистрированных безработных, а на конец августа 2020 г. их число составило уже 3,6 млн человек.

По данным Национальной гильдии фрилансеров, возрастной состав участников платформенной занятости распределяется следующим образом: лица от 18 до 34 лет — 68%; категория от 35 до 44 лет — 18%. Высшее образование есть у 43% фрилансеров, а статус самозанятых или индивидуальных предпринимателей — у 26%. Фрилансеров

в большей степени привлекают для работы в таких сферах, как графика и дизайн, разработка веб-сайтов, программирование, тексты и копирайтинг, реклама и маркетинг. Кроме того, в среднем опытные фрилансеры зарабатывают в 1,5–2 раза больше офисных коллег, имеющих схожий уровень квалификации и знаний. Их доходы находятся в промежутке от 40–50 до 80–100 тыс. руб.

Как и у любой категории наемных работников, работа фрилансерами имеет свои плюсы и минусы (табл. 1).

Таблица 1

Преимущества и недостатки работы фрилансером

Преимущества	Недостатки
— свобода выбора	— отсутствие социальной поддержки
— гибкий график	— нестабильный заработок
— экономия времени и денег	— необходимость быть организованным и ответственным
— потенциально высокие заработки	— постоянный поиск новых заказов
— комфорт	— налоги
— возможность путешествовать	— скрытые расходы
— путь создания собственного бизнеса	

Исследования также показывают, что 79% фрилансеров ценят возможность самостоятельно распределять свое рабочее время, для 75% важно, что такой тип занятости позволяет экономить финансовые и временные ресурсы. При этом 64% лиц, сделавших выбор в пользу фриланса, считают для себя подходящими условия труда без привязки к географической локации, а также наличие возможности совмещать работу одновременно на нескольких заказчиков (47%).

С позиций социологического подхода фрилансеры являются классическими представителями класса прекариата, под которым понимают не имеющих полной гарантированной занятости работников.

Фрилансеры весьма склонны к заблуждениям относительно условий своего труда. Гибкая занятость отнюдь не гарантирует рост доли свободного времени в графике, а зачастую, напротив, приводит к ухудшению субъективного благополучия работника за счет интенсификации трудовых задач. Кроме того, заказчики предпочитают сотрудничать с теми фрилансерами, которые постоянно повышают свою квалификацию и совершенствуют навыки, что часто происходит за счет личного времени и средств. По этому поводу эксперты М. К. Галыгина и Н. И. Глотова указывают, что повышением своей квалификации в карантин были заняты 51% фрилансеров [9].

Действительно, требования работодателей к специалистам в период пандемии только возросли. Стоит также отметить стрессогенный характер платформенной занятости, что обусловлено постоянной необходимостью поиска новых заказов, нерегулярным характером заработной платы, при этом из-за большого предложения на рынке труда фрилансерам часто приходится устанавливать более низкие цены на свои услуги. Еще одна психологическая проблема — вынужденная социальная изоляция и отсутствие разделения личного и рабочего времени.

С уверенностью можно утверждать, что распространенной практикой в бизнесе сегодня становится работа с фрилансерами. 45% заказчиков фрилансеров являются такие же частные лица и индивидуальные предприниматели, а также организации малого бизнеса (39%). Только порядка 16% средние и крупные организации готовы сотрудничать с фрилансерами официально, при этом лишь 26% от общего числа заказчиков на постоянной основе. Главные мотивы для найма фрилансеров представлены на рисунке 2.

Ключевым фактором спроса на услуги фрилансеров, по нашему мнению, является прогнозируемое снижение количественных параметров трудоспособного населения из-за превышения уровня смертности над рождаемостью, а также и растущий дефицит квалифицированных кадров. Кроме того, привлекая таких исполнителей, бизнес экономит время и деньги. Так, аналитические данные, представленные аудиторско-консалтинговой фирмой PwC, показывают, что доля компаний, считающих привлечение фрилансеров очень выгодным, увеличилось в течение трех лет с 39 до 80% и вызвано это, прежде всего, необходимостью цифровой трансформации общества [10].

Наши исследования также показывают, что работая с фрилансерами, компании сталкиваются с определенными рисками:

- во-первых, нестабильность и непредсказуемость качества их работы (51%);
- во-вторых, необходимость постоянного поиска (39%);
- в-третьих, неверное понимание поставленных задач и требований (35%);
- в-четвертых, безответственность и необязательность фрилансеров и высокий риск обмана (34%).

Несмотря на вышеперечисленные риски для заказчиков, рынок фрилансеров в России растет [11]. Новое поколение не собирается постоянно работать на одну компанию. Оно ценит свободный график, не против менять страны, профессии и продавать свои таланты максимальному количеству работодателей одновременно. Представители

старших поколений все чаще также готовы рискнуть. Сегодня на рынке возникает больше возможностей для того, чтобы попробовать себя в качестве «свободного художника», не рискуя остаться

ни с чем. В будущем основу бизнеса будут составлять носители критически важных для компании знаний и управленцы, способные передавать эти знания дальше [12].

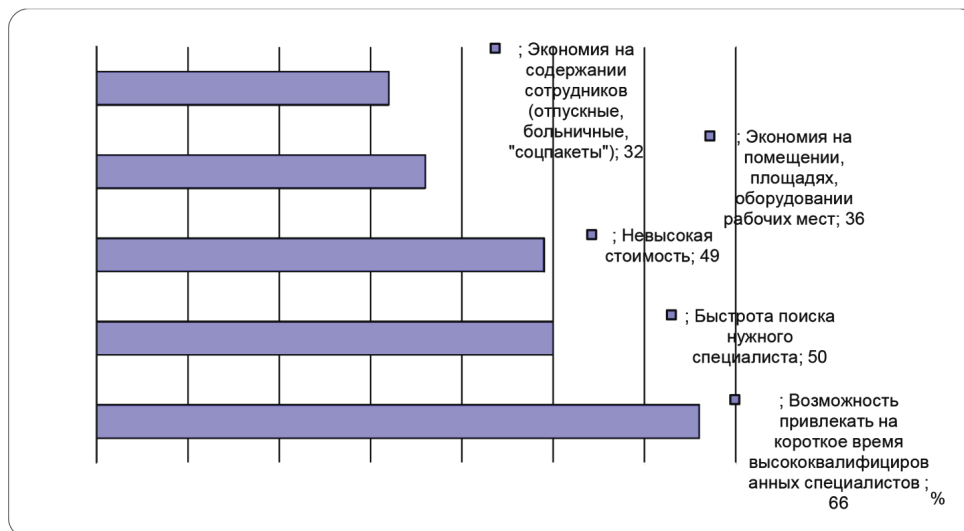

Рис. 2. Основные мотивы работодателей для найма фрилансеров

Работу с фрилансерами в компаниях будут вести менеджеры, ставить задачи, контролировать их выполнение и вести диалог от лица фирмы. Кроме того, в настоящее время многие предприятия придерживаются комбинированного формата работы, при котором часть сотрудников работает на «удаленке», а часть — в офисе. Значит, на рынке труда потребуются профессионалы, основной задачей которых станет адаптация производственных процессов, перестройка рабочих коммуникаций и создание новых условий для продвижения по карьерной лестнице как офисных, так и удаленных сотрудников [13].

В России и ряде европейских стран штатный сотрудник привилегированнее фрилансера: можно отправить в декрет, отпуск, на больничный, получить корпоративную страховку, оформить ипотеку и получить кредит. Таких преимуществ у фрилансеров нет. Российское правительство пока только разрабатывает ряд законопроектов, чтобы максимально упростить их работу, сделать прозрачным взаимодействие заказчиков и исполнителей, установить социальные гарантии.

Заключение. По мнению авторов, стимулированию рынка труда в России будет способствовать реализация следующих мер:

1. Новый формат платформенной занятости требует законодательного закрепления, поскольку Трудовым кодексом не регулируются отношения между специалистами онлайн-платформы и получателем услуг. Кроме того, возможно разделить платформенную занятость на несколько составляющих, для каждой из которых сформировать свою нормативную базу по аналогии с типами предпринимательства.

2. Легитимация категории «независимых работников», которые будут выведены из-под регулирования МРОТ и продолжительности рабочего времени, однако получают право на коллективное представительство своих трудовых интересов.

3. Социальное обеспечение «платформенно занятых». Например, посредством применения схем финансирования, совместного страхования рисков при участии исполнителя, представителей платформ и государственных институтов, а также расширения практик добровольного страхования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Еремина Н. В., Трубицина А. А. Фриланс как будущее развитие экономики // Деловой вестник предпринимателя. 2020. № 2 (2). С. 52–54.
2. Кушкарлова А. Н., Пищулина Т. В. Правовое регулирование фриланса: теоретико-правовой и диагностический аспекты // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2021. Т. 1. № 1 (32). С. 51–53.

3. Калашникова И. В., Филиппова К. В. Фриланс и российский рынок труда // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2020. № 4 (59). С. 81–90.
4. Хахина А. М., Докукин Э. А. Фриланс в сфере IT: плюсы и минусы // Заметки ученого. 2020. № 2. С. 229–232.
5. Федеральная налоговая служба России. URL: <http://government.ru/department/70/events/> (дата обращения: 19.07.2021).
6. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 19.07.2021).
7. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 19.07.2021).
8. Михайлов А. А., Федулов В. И. Состояние и перспективы развития российского рынка фриланса в условиях пандемии COVID-19 // Управленческий учет. 2021. № 4. С. 77–82.
9. Галыгина М. К., Глотова Н. И. Изменение российского рынка труда на фоне всемирной пандемии // Социально-экономическая политика страны и Сибирского региона в условиях цифровой экономики: материалы XII международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию Алтайского филиала Финуниверситета / под общ. ред. В. А. Ивановой, Т. Е. Фасенко. Барнаул, 2020. С. 34–39.
10. Аудиторско-консалтинговая фирма PwC. URL: <https://www.pwc.ru/ru/about.html> (дата обращения: 19.07.2021).
11. Герауф Ю. В., Кудинова М. Г., Глотова Н. И. Управление финансовыми рисками: учебное пособие. Барнаул, 2016. 171 с.
12. Герауф Ю. В., Зеленина Е. А. Роль инвестиций в социально-экономическом развитии региона // Аграрная наука — сельскому хозяйству: сборник статей XII Международной научно-практической конференции: в 3 кн. Барнаул, 2017. С. 157–159.
13. Герауф Ю. В., Глотова Н. И. Организация системы образовательной поддержки АПК Алтайского края // Экономика Профессия Бизнес. 2021. № 2. С. 29–35.

REFERENCES

1. Eremina N. V., Trubitsina A. A. Freelance as the future development of the economy // Business Bulletin of the Entrepreneur. 2020. No. 2 (2). Pp. 52–54.
2. Kushkarova A. N., Pishchulina T. V. Legal regulation of freelancing: theoretical, legal and diagnostic aspects // Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region. 2021. T. 1. No. 1 (32). Pp. 51–53.
3. Kalashnikova I. V., Filippova K. V. Freelance and the Russian labor market // Bulletin of the Pacific State University. 2020. No. 4 (59). Pp. 81–90.
4. Khakhina A. M., Dokukin E. A. Freelance in IT: pros and cons // Notes of a scientist. 2020. No. 2. Pp. 229–232.
5. Federal Tax Service of Russia. URL: <http://government.ru/department/70/events/> (date of access: 19.07.2021).
6. Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (date of access: 19.07.2021).
7. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (date of access: 19.07.2021).
8. Mikhailov A. A., Fedulov V. I. State and development prospects of the Russian freelance market in the context of the COVID-19 pandemic // Management accounting. 2021. No. 4. Pp. 77–82.
9. Galygina M. K., Glotova N. I. Changes in the Russian labor market against the backdrop of a global pandemic // Socio-economic policy of the country and the Siberian region in the digital economy. Materials of the XII international scientific-practical conference dedicated to the 55th anniversary of the Altai branch of the Financial University / under total. ed. V. A. Ivanova, T. E. Fasenko. Barnaul, 2020. Pp. 34–39.
10. Audit and consulting firm PwC. URL: <https://www.pwc.ru/ru/about.html> (date of access: 19.07.2021).
11. Gerauf Yu. V., Kudinova M. G., Glotova N. I. Financial risk management: a tutorial. Barnaul, 2016. 171 p.
12. Gerauf Yu. V., Zelenina E. A. The role of investments in the socio-economic development of the region // Agrarian science — to agriculture. collection of articles of the XII International Scientific and Practical Conference: in 3 b. Barnaul, 2017. Pp. 157–159.
13. Gerauf Yu. V., Glotova N. I. Organization of the educational support system for the agro-industrial complex of the Altai Territory // Economy Profession Business. 2021. No. 2. Pp. 29–35.

Поступила в редакцию: 20.07.2021.

Принята к печати: 14.10.2021.

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

З. А. Капелюк, Д. В. Фролов

АНОО ВО Центросоюза РФ «Сибирский университет потребительской кооперации»
(Новосибирск, Россия)

В статье изложены результаты исследования трудового потенциала сельского населения муниципальных районов Новосибирской области. В ходе исследования использованы базы данных Государственной службы статистики и Министерства труда и социального развития Новосибирской области за период с 2015 по 2021 г.

В связи с поставленной целью в статье изучена структура населения области с выделением по городским и сельским поселениям; по возрастным переменным (по числу лет и по отношению к периоду трудоспособности); показатели по муниципальным районам. Сопоставлены данные по миграции сельского населения.

Для характеристики качества трудового потенциала проведена оценка показателей деятельности муниципальных районов в зависимости от численности постоянного населения территорий. Степень использования человеческого капитала изучена на основе анализа среднесписочной численности персонала хозяйствующих субъектов по видам деятельности. Для оценки потенциала трудовых ресурсов рассмотрен уровень безработицы по муниципальным районам.

Ключевые слова: сельское население, трудовой потенциал, Новосибирская область.

LABOR POTENTIAL OF THE RURAL POPULATION OF THE NOVOSIBIRSK REGION: STATUS AND PROSPECTS

Z. A. Kapelyuk, D. V. Frolov

University of Consumer Cooperation of Siberian (Novosibirsk, Russia)

The article presents the results of the study of labor potential on the example of the rural population of municipal districts of the Novosibirsk region. During the research, the databases of the state Statistics Service and the Ministry of Labor and Social Development of the Novosibirsk Region for the period from 2015 to 2021 were used.

In connection with this goal, the article examines the structure of the population of the region with the allocation by urban and rural settlements; by age variables (by the number of years and in relation to the period of working capacity); indicators by municipal districts. The data on migration of the rural population are compared.

To characterize the quality of labor potential, an assessment of the performance indicators of municipal districts, depending on the number of permanent population of the districts, was carried out. The degree of use of human capital studied based on the analysis of the average number of employees of economic entities by type of activity. To assess study the potential of labor resources, the unemployment rate for municipal districts is considered.

Keywords: rural population, labor potential, Novosibirsk region.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 19-410-540003 «Сельский рынок труда в Новосибирской области: современное состояние и проблемы развития».

Сельские жители — это важнейшая часть трудового потенциала страны, деятельность которых позволяет поставлять продовольствие для потребления его населением, сырье — для нужд пищевой, перерабатывающей, химической и иной промышленности, требует поставки оборудования, техники, материалов и деталей, инициируя к работе множество хозяйственных сфер. При этом население сельских муниципалитетов испытывает трудности в трудоустройстве, занятость их жителей имеет проблемные характеристики, уровень воспроизводства трудовых ресурсов сельских территорий ниже средней по стране величины. Сельская занятость — это актуальная тема исследований как для ученых, так и для государственной политики каждой экономически развитой страны.

Цель данной статьи — исследовать результаты анализа трудового потенциала отечественных и зарубежных авторов, а также, используя открытые источники современной статистики, выявить особенности трудового потенциала сельского населения для выявления значимых причин, влияющих на его развитие.

Исследование трудового потенциала сельского населения Новосибирской области опирается на анализ: населения сельских поселений по числу, полу и возрасту; миграции сельского населения трудоспособного возраста; численности сельского населения по районам области; численности постоянно населения поселений муниципальных районов; усредненных показателей деятельности муниципальных районов, сгруппированных по трудовому потенциалу за 2020 г.; показателей среднесписочной численности работников организаций муниципальных районов; показателей среднесписочной заработной платы сотрудников предприятий и организаций; уровня официальной безработицы по муниципальным районам. Анализ трудового потенциала сельских поселений Новосибирской области проведен по базам данных Федеральной службы государственной статистики и Министерства труда и социального развития Новосибирской области.

Оценка трудового потенциала — это комплексная задача исследования, так как помимо демо-

графических характеристик работников, незадействованными остаются показатели, описывающие качество человеческого труда (физического, умственного и творческого). Из предложенных в научной литературе показателей по сельскому трудовому потенциалу применяются следующие:

— численность и доля трудоспособного населения на селе; его плотность на селе и уровень безработицы; количество зарегистрированных в органах государственной службы занятости, проживающих в сельской местности; уровень заработной платы [1];

— ряды динамики количества и структуры занятых в сельском хозяйстве; численность личных подворных хозяйств (ЛПХ); структура и удельный вес безработных по возрасту и виду поселения [2];

— численность работающих в неформальных секторах бизнеса, удельный вес работающих в неформальном секторе, уровень среднесписочной заработной платы занятых в сельском хозяйстве в соотношении со средним уровнем оплаты трудовой деятельности в экономике, или к объему прожиточного минимума [3];

— валовой внутренний продукт (ВВП) в расчете на душу проживающего населения и доля сельского сектора экономики в ВВП [4];

— индикаторы развития трудового потенциала: продолжительность трудовой жизни в регионе, фондовооруженность труда работников региона, среднедушевой валовой региональный продукт (ВРП), среднесписочная заработная плата в регионе [5];

— образовательный уровень населения страны — это количество человек, получающих среднее профессиональное и высшее образование в расчете на 10 тыс. населения. Уровень грамотности подростков и молодых людей 15–24 лет [6].

Таким образом, обзор исследований трудового потенциала отражает, с одной стороны, постоянное развитие данной тематики, с другой стороны, сложности с методологической базой подобных исследований.

Важнейшим показателем, характеризующим трудовой потенциал территории, является численность ее населения (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения Новосибирской области за 2015–2019 гг.

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г., % к 2015 г.
Численность населения по области — всего, тыс. человек	2762,2	2779,6	2788,8	2793,4	2798,2	101,3
жители города	2174,9	2193,8	2204,3	2210,2	2216,4	101,9
жители села	587,3	585,8	584,5	583,2	581,8	99,1
Доля в общей численности, %						
жители города	78,7	78,9	79	79,1	79,2	0,5
жители села	21,3	21,1	21	20,9	20,8	-0,5

Источник: составлено авторами по данным статистического ежегодника [7].

Количество проживающих в Новосибирской области составило к концу 2019 г. 2798,2 тыс. человек. Данный показатель выше уровня 2015 г. на 36,0 тыс. человек (1,3%). Увеличение проживающих жителей региона за анализируемый период реализуется за счет прироста городского населения на 41,5 тыс. человек

(1,9%). Численность сельских жителей на конец 2019 г. достигла 581,8 тыс. человек и сократилась на 5,5 тыс. человек (0,9%). Доля сельских жителей ежегодно снижается, составив к концу 2019 г. 20,8%.

Состав сельского населения по полу и возрасту представлен в таблице 2.

Таблица 2

Численность жителей селений Новосибирской области по демографическим переменным за 2015–2018 гг.

Возраст населения	Численность населения на 1 января							
	всего, тыс. человек				в том числе удельный вес мужчин, %			
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
А	1	2	3	4	5	6	7	8
Моложе трудоспособного	118,4	119,9	121,0	121,6	51,0	50,9	51,0	51,1
Трудоспособного	321,8	313,8	307,7	302,9	55,2	55,5	55,6	55,6
Старше трудоспособного	149,7	153,6	157,1	160,0	31,0	31,4	31,9	32,4
18–19 лет	10,9	10,7	11,0	10,9	51,9	51,8	50,5	50,2
20–24 лет	27,2	26,6	27,8	29,3	54,4	53,4	53,1	51,9
25–29 лет	39,9	38,1	34,5	31,0	54,1	55,1	55,7	56,4
30–34 лет	41,8	41,3	41,2	40,5	52,0	52,4	53,0	53,6
35–39 лет	40,0	39,9	39,7	40,1	51,1	51,3	51,2	51,5
40–44 лет	37,7	38,5	38,9	39,3	49,8	49,8	50,1	50,3
45–49 лет	36,4	35,4	35,3	35,7	49,9	49,9	49,8	49,8
50–54 лет	49,7	45,5	41,6	38,9	49,0	48,9	48,9	48,9
55–59 лет	54,1	54,7	54,6	52,9	47,8	47,8	47,7	47,9
60–64 лет	41,4	43,4	44,8	46,9	45,4	45,5	45,7	45,6

Источник: составлено авторами по данным сайта [8].

Численность населения моложе трудоспособного возраста за 2015–2018 гг. возросла с 118,4 тыс. человек до 121,6 тыс. человек, составив в 2018 г. 20,8% от общей численности. Доля мужчин в группе превалирует (в 2018 г. — 51,1%). За анализируемый период снизился уровень численности населения села в трудоспособном возрасте (с 321,8 тыс. человек до 302,9 тыс. человек) и его удельный вес в составе населения области (с 54,5 до 51,8%). Зафиксирована малая численность населения села старше трудоспособного возраста, что отражает низкую продолжительность жизни пожилого населения. Число пожилых сельчан по годам растет с 149,8 тыс. человек до 160 тыс. человек. За анализируемый период доля пенсионеров выросла с 25,4 до 27,4%. Положительной тенденцией среди пожилых можно отметить рост удельного веса мужчин с 31 до 32,4%.

Изменение трудоспособного населения по возрасту отражено на рисунке 1.

За анализируемый период самая многочисленная группа — население 55–59 лет (52,9 тыс. человек, или 9,1% сельского населения). Это связано с тем, что из-за малого срока жизни число мужчин в группе 60–64 года становится меньше. Численность приходящего на смену молодого сельского населения (18–19 лет) почти в 4–5 раз меньше возрастного трудоспособного населения (55–59 лет). То есть в ближайшие 20 лет, если не изменится демографическая ситуация, трудоспособное население Новосибирской области сократится примерно на четверть, а через 40 лет разница составит более 45,0%.

Среди сельского населения в трудоспособном возрасте от 35 до 39 лет, а в 2017–2018 гг. — до 40–44 лет, превалирует доля мужчин. Наибольшая их доля — в возрасте 25–29 лет (в 2018 г. — 56,1%). Доля мужского населения сокращается до 50% в возрасте 40–44 лет (в 2018 г. — 50,3%), постепенно уменьшаясь до 45,5% в возрасте 60–64 лет (в 2018 г. — 45,6%).

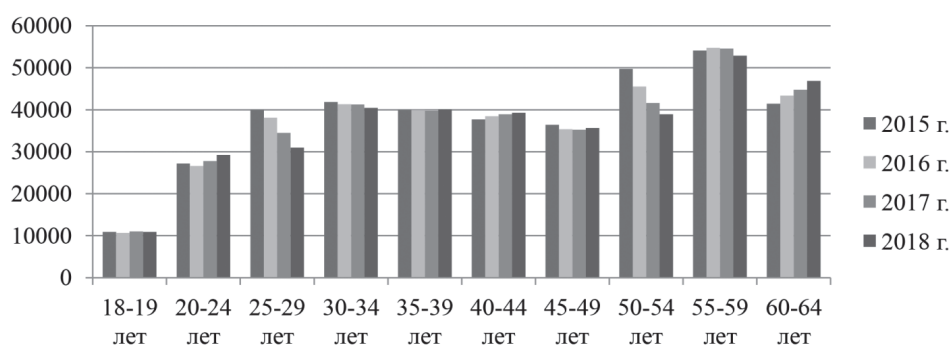

Рис. 1. Динамика возрастной численности трудоспособного сельского населения Новосибирской области за 2015–2018 гг., лет

Источник: составлено авторами по базе данных сайта [8]

Миграция сельского населения трудоспособного возраста представлена в таблице 3.

Таблица 3

Миграция населения трудоспособного возраста в сельских поселениях Новосибирской области за 2015–2019 гг.

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Число прибывших в трудоспособном возрасте в сельские поселения, тыс. человек	12,9	12,1	12,9	14,2	13,6
Доля прибывших мужчин, %	50,2	50,9	51,1	50,8	51,6
Число выбывших в трудоспособном возрасте в сельские поселения, тыс. человек	13,5	12,0	12,1	13,2	12,7
Доля выбывших мужчин, %	46,9	48,3	48,3	46,9	46,1
Миграционный прирост, тыс. человек	-0,6	0,1	0,7	1,0	0,9

Источник: составлено авторами по данным сайта [8].

Число трудоспособных граждан, прибывших в сельские поселения за анализируемый период, выросло с 12934 до 13596 человек. При этом большинство из них — это мужчины (в 2019 г. — 51,6%). Цифры по выходящим гражданам из сельской местности, наоборот, сократились с 13491 в 2015 г.

до 12663 человек в 2019 г. Основная часть уезжающих — это женщины (53,9% в 2019 г.). В целом миграционный прирост с 2016 г. положителен (в 2019 г. — +933 человека). Тренды миграции рассмотрим на рисунке 2.

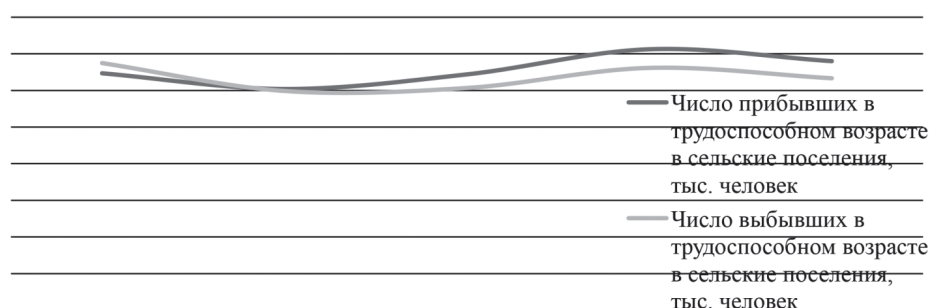

Рис. 2. Миграционная динамика трудоспособных работников в села Новосибирской области за 2015–2019 гг., человек

Источник: составлено авторами по базе данных сайта [8]

Из рисунка 2 следует, что динамика как прибытия, так и выбытия по годам нестабильна, совпадает своими спадами и пиковыми значениями по годам. Однако тренд прибытия в сельские поселения положителен (средний прирост — 1,3%

в год), а тренд выбытия в среднем имеет отрицательную тенденцию (убыль — на 1,6% за год).

Численность сельских жителей в разрезе районов Новосибирской области за 2018 г. дана на рисунке 3.

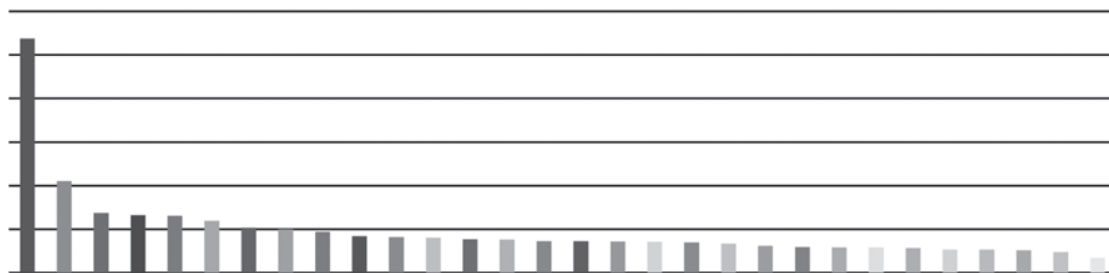

Рис. 3. Численность сельского населения по районам Новосибирской области за 2018 г., тыс. человек

Источник: составлено авторами по данным сайта [8]

Численность сельского населения по Новосибирскому району существенно выше по сравнению с другими районами (в 2018 г. доля сельчан этого района составила 18,4% от числа всех сельских жителей области). Она значительно превышает (в 2,6 раза) численность следующего по населенности Искитимского района; в 16

раз — самого малозаселенного сельчанами Каргатского района.

Для оценки влияния трудового потенциала по показателям эффективности деятельности муниципальных районов сгруппируем районы Новосибирской области по числу постоянных жителей (табл. 4).

Таблица 4

Показатели деятельности муниципальных районов Новосибирской области, сгруппированных по трудовому потенциалу за 2020 г.

Наименование показателя	Группы муниципальных районов по численности, тыс. человек				
	9–21	22–34	35–47	48–60	свыше 61
Число районов в группе, единиц	11	6	9	3	1
Среднегодовая численность населения, тыс. человек	14,3	26,9	42,4	56,6	145,7
Число субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. человек населения	34,3	64,6	52,2	60,5	186,5
Удельный вес среднесписочной численности работников малых и средних предприятий в общей занятости по всем предприятиям, %	30,0	30,0	21,2	22,4	32,4
Среднемесячная заработная плата сотрудников по крупным и средним предприятиям и некоммерческим организациям	30336,8	32778,6	35109,7	35894,1	43501,4

Источник: составлено авторами по данным сайта [8].

1 группа (9–21 тыс. человек) — 11 районов: Чулымский, Венгеровский, Чистоозерный, Каргатский, Баганский, Убинский, Здвинский, Доволенский, Усть-Тарковский, Кыштовский, Северный.

2 группа (22–34 тыс. человек) — 6 районов: Сузунский, Краснозерский, Купинский, Болотнинский, Колыванский, Маслянинский.

3 группа (35–47 тыс. человек) — 9 районов: Черепановский, Чановский, Кочковский, Коченевский, Карасукский, Мошковский, Барабинский, Татарский, Ордынский.

4 группа (48–60 тыс. человек) — 3 района: Искитимский, Куйбышевский, Тогучинский.

5 группа (свыше 61 тыс. человек) — 1 район: Новосибирский.

Как следует из таблицы 4, большинство муниципальных районов Новосибирской области малочисленны (с численностью менее 48 тыс. человек — 26 районов; густонаселенных районов численностью свыше 48 тыс. человек — 4 района).

По мере роста численности населения в районах увеличивается число организаций малого и среднего бизнеса в расчете на 10 000 жителей (во второй группе число субъектов бизнеса возрастает по сравнению с первой группой в 1,9 раза, в третьей — еще в 1,6, в четвертой — в 1,3 раза, в пятой — еще в 2,6 раза), то есть возрастает предпринимательская инициативность населения области. К районам-лидерам относятся Новосибирский, Кольванский, Ордынский.

Численность работников муниципальных районов по видам деятельности представлена в таблице 5.

Таблица 5

Среднесписочная численность работников организаций муниципальных районов Новосибирской области за 2017–2020 гг.

Среднесписочная численность работников организаций муниципальных районов, тыс. человек	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Структура 2020 г., %
А	1	2	3	4	5
Всего	176,0	173,6	172,2	171,5	100,0
Образовательная деятельность	39,4	39,4	39,4	39,3	22,9
Сфера здравоохранения и социальных услуг	20,7	20,1	21,4	21,7	12,6
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	19,8	18,8	18,4	18,8	11,0
Сельское и лесное хозяйство, охотоводство, рыболовство и рыбоводство	23,7	20,1	18,8	17,8	10,4
Обрабатывающие предприятия	15,4	17,3	16,6	16,7	9,7
Сфера транспортировки и хранения	13,4	14,2	15,0	15,4	9,0
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	8,0	8,2	7,9	8,2	4,8
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	9,4	8,0	7,8	7,6	4,4
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	6,5	5,7	5,8	5,8	3,4
Деятельность профессиональная, научная и техническая	4,6	4,6	4,5	4,4	2,5
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	1,5	2,6	2,9	3,0	1,7
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1,1	2,0	1,9	1,8	1,0
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	1,3	1,5	1,5	1,3	0,7
Деятельность финансовая и страховая	1,0	0,9	0,9	0,8	0,5
Деятельность в области информации и связи	0,6	0,7	0,8	0,8	0,5
Строительная деятельность	0,4	0,9	0,8	0,7	0,4
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,1	0,3	0,3	0,5	0,3
Оказание иных видов услуг	0,1	0,2	0,3	0,2	0,1
Сфера добычи полезных ископаемых	2,4	0,0	0,0	0,0	0,0

Источник: составлено авторами по данным сайта [8].

Среднесписочная численность работников организаций муниципальных районов Ново-

сибирской области с 2017 по 2020 г. сократилась с 176,0 до 171,5 тыс. В 2020 г. значитель-

ная часть нанятых занята в сферах образования (39,3 тыс., или 22,9%), в здравоохранении (21,7 тыс., или 12,6%), на государственной службе (18,8 тыс., или 11%), в сельском, лесном, рыболовном и охотхозяйствах (17,8 тыс., или 10,4%), обрабатывающей промышленности (16,7 тыс., или 9,7%), в транспортировке и хранении (15,4 тыс., или 9%). Закрылись предприятия по добыче полезных ископаемых. Минимум сельского населения задействовано в производстве прочих услуг (0,2 тыс., или 0,1%), в гостиничном бизнесе и общественном питании (0,4 тыс., или 0,3%), в строительстве (0,7 тыс., или 0,4%), в сфере информации и связи (0,8 тыс., или 0,5%), в фи-

нансовой и страховой деятельности (0,9 тыс., или 0,5%).

Прирост численности работников в 2020 г. по сравнению с 2019 г. можно отметить в сферах здравоохранения (1,4%), транспортировки и хранения (2,2%), в административной деятельности (3,4%), в гостиничном бизнесе и на предприятиях общепита (67,7%).

Трудовой потенциал зависит от уровня занятости населения. Носителями неиспользуемого потенциала можно рассматривать безработных [9]. Доля безработного населения в общей численности трудоспособного населения по данным официальной статистики представлена на рисунке 4.

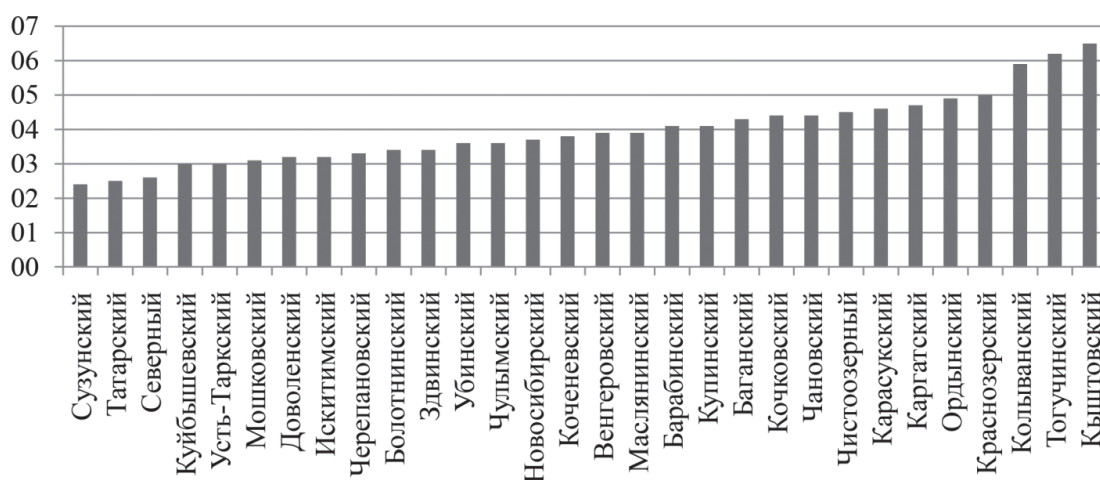

Рис. 4. Уровень официальной безработицы по муниципальным районам Новосибирской области на 28.05.2021 г., %

Источник: составлено авторами по данным сайта [10]

На рисунке 4 можно увидеть, что официальный уровень безработицы по муниципальным районам, рассчитанный от численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте, варьирует от 2,4 до 6,5%. Низкий уровень безработицы имеют Сузунский (2,4%), Татарский (2,5%), Северный (2,6%), Куйбышевский и Усть-Таркский (3%) районы. Среднерайонный уровень безработицы имеют 15 муниципальных районов (от 3,1 до 4,3%). Выше среднерайонного уровень безработицы (4,4–6,5%) зафиксирован в 10 районах. Самыми нестабильными по проблемам с занятостью являются Кыштовский (6,5%), Тогучинский (6,2%) и Кольванский (5,9%) районы.

Таким образом, исследование трудового потенциала сельского населения Новосибирской области позволило сделать следующие выводы:

- сельское население составляет меньшинство (21%), его численность и доля ежегодно снижаются (на 2,4 и 0,1% соответственно);
- большая часть сельского населения находится в трудоспособном возрасте (52%), доля трудоспособных по годам сокращается (на 2% в год), 56% из них — это мужчины. Продолжается старение сельского населения (рост на 2,2% в год), доля пожилых составляет 27%; большинство из них — женщины (67,6%). Незначительно растет число молодых сельчан (на 0,9% в год), их доля — 21%; 51% из них — это мальчики;
- самой многочисленной группой в трудоспособном возрасте являются люди в возрасте 55–59 лет (9,1%), молодых жителей (18–

- 19 лет) в 4–5 раз меньше, что при сохранении существующей тенденции приведет к сокращению трудящихся через 20 лет — на 25%;
- отток и приток граждан по сельским поселениям обусловлен одними и теми же причинами. Наблюдается миграционный прирост в сельских поселениях (в среднем на 372 человек в год). Из сел уезжают больше женщины, приезжают — больше мужчины (54 и 51,6% в 2019 г. соответственно);
 - Новосибирский — самый заселенный сельским населением район (доля 18,4% из 30 районов). Большинство районов области малочисленны (26 районов с численностью менее 48 тыс. человек);
 - по мере роста численности постоянных жителей муниципальных районов увеличиваются предпринимательская инициатива населения в расчете на 10 тыс. жителей, уровень заработной платы, доля работников крупных организаций;
 - большинство сельских жителей в 2020 г. занято в государственных и муниципальных сферах деятельности: образование (23%),

здравоохранение и социальные услуги (13%), государственная служба (11%). Из-за слабости производственной сферы основными работодателями по отраслям экономики являются сельскохозяйственные предприятия (10,4%), обрабатывающие производства (10%), транспортировка и хранение (9%). Доля остальных работодателей значительно меньше;

- официальный уровень безработицы по муниципальным районам Новосибирской области достаточно низок — варьирует от 2,4 до 6,5%. Со средним уровнем безработицы (3,1–4,3%) в области — 15 районов, с высоким (4,4–6,5%) — 10, с низким (2,4–3,0%) — 5 районов.

Таким образом, проведенный анализ трудового потенциала сельского населения позволил выявить причины сокращения численности населения в сельской местности, а именно: низкий уровень развития производства, нехватка рабочих мест для женщин и отток женщин по этой причине, мало возможностей для развития предпринимательства на селе как со стороны потребителей (низкие доходы), так и со стороны предпринимателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ильин А. Е., Зюкин Д. В. Состояние и перспективы занятости сельского населения // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-perspektivy-zanyatosti-selskogo-naseleniya> (дата обращения: 04.05.2021).
2. Калугина З. И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: социологический дискурс. Новосибирск, 2015. 342 с. URL: http://lib.ieie.su/docs/2015/KaluginaSbSt6_Selskij_rynok_truda.pdf (дата обращения: 04.05.2021).
3. Мусатова М. П. Формирование и регулирование рынка труда на селе: автореф. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Экономика и управление народным хозяйством. М., 2012. 24 с. URL: <http://dislib.ru/ekonomika/11251-1-formirovanie-regulirovanie-rinka-truda-sele.php/> (дата обращения: 04.05.2021).
4. Третьякова Л. А. Особенности развития рынка труда на сельских территориях // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 12–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-rynka-truda-na-selskih-territoriyah/> (дата обращения: 21.05.2021).
5. Фурсов В., Кривокопа Е., Стриелковски В. Региональные аспекты оценки трудового потенциала в современной России // Terra Economicus. 2018. Т. 16 № 4. С. 95–115. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2018/12/29/1251871766/fursov_i_dr.pdf (дата обращения: 15.04.2021).
6. Маковская Н. В. Ресурс труда: смена парадигмы // Беларуская думка. Эканоміка. 2014. № 3. С. 63–67. URL: https://beldumka.belta.by/isfiles/000167_451292.pdf (дата обращения: 15.04.2021).
7. Новосибирская область. 2020: статистический ежегодник / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области. Новосибирск, 2020. 141 с.
8. Муниципальная статистика Новосибирской области // База данных показателей муниципальных образований (БД ПМО). URL: <https://gks.ru/dbscripts/munst/munst50/DBInet.cgi/> (дата обращения: 15.04.2021).
9. Капелюк З. А., Алетдинова А. А. Концептуально-методологические основы управления трудовым потенциалом региона // Вопросы экономики и права. 2015. № 11. С. 186–189. URL: https://law-journal.ru/files/pdf/201511/201511_186.pdf (дата обращения: 28.05.2021).
10. Рынок труда: статистические данные и показатели // Министерство труда и социального развития Новосибирской области. URL: <https://mtrr.nso.ru/page/6531/> (дата обращения: 28.05.2021).

REFERENCES

1. Ilyin A. E., Zyukin D. V. The state and prospects of employment of the rural population // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2010. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-perspektivy-zanyatosti-selskogo-naseleniya> (date of access: 04.05.2021).
2. Kalugina Z. I. Market transformation of the agricultural sector of Russia: Sociological discourse. Novosibirsk, 2015. 342 p. URL: http://lib.ieie.su/docs/2015/KaluginaSbSt6_Selskij_rynok_truda.pdf/ (date of access: 04.05.2021).
3. Musatova M. P. Formation and regulation of the labor market in rural areas: autoref. ... cand. of Economic Sciences: 08.00.05. Economics and Management of the National economy. Moscow, 2012. 24 p. URL: <http://dislib.ru/ekonomika/11251-1-formirovanie-regulirovanie-rinka-truda-sele.php/> (date of access: 04.05.2021).
4. Tretyakova L. A. Features of the development of the labor market in rural areas // Russia: trends and prospects of development. 2017. No. 12–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-rynka-truda-na-selskih-territoriyah/> (date of access: 21.05.2021).
5. Fursov V., Krivokora E., Strielkovski V. Regional aspects of labor potential assessment in modern Russia // Terra Economicus. 2018. Vol. 16. No. 4. Pp. 95–115. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2018/12/29/1251871766/fursov_i_dr.pdf/ (date of access: 15.04.2021).
6. Makovskaya N. V. Resource of labor: changing the paradigm // Belarusian thought. Economics. 2014. No. 3. Pp. 63–67. URL: https://beldumka.belta.by/isfiles/000167_451292.pdf/ (date of access: 15.04.2021).
7. Novosibirsk region. 2020: statistical yearbook / Territorial body of the FSGS for the Novosibirsk region. Novosibirsk, 2020. 141 p.
8. Municipal statistics of the Novosibirsk region // Database of indicators of municipal formations (DB PMO). URL: <https://gks.ru/dbscripts/munst/munst50/DBInet.cgi/> (date of access: 15.04.2021).
9. Kapelyuk Z. A., Aletdinova A. A. Conceptual and methodological foundations of labor potential management in the region // Economic and Law Issues. 2015. No. 11. Pp. 186–189. URL: https://law-journal.ru/files/pdf/201511/201511_186.pdf (date of access: 05/28/2021).
10. Labor market: statistics and indicators // Ministry of Labor and Social Development of the Novosibirsk Region. URL: <https://mts.r.nso.ru/page/6531/> (date of access: 28.05.2021).

Поступила в редакцию: 19.07.2021.

Принята к печати: 01.10.2021.

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М. В. Коновалов¹, И. В. Цомаева^{1,2}, А. А. Киселева³

¹Алтайский приборостроительный завод «Ротор» (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия)

³Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (Новосибирск, Россия)

Промышленные предприятия при разработке и реализации стратегии сталкиваются с концептуальными сложностями, которым подвержены предприятия оборонно-промышленного комплекса из-за институциональных, отраслевых и интеграционных особенностей их деятельности. Авторы предлагают методический подход к организации процесса стратегического управления, при этом акцент сделан на стадию реализации планов стратегического развития. Рассмотрены современные действующие концепции, механизмы и инструменты, на основе которых должен быть организован порядок проектирования нового бизнес-процесса «управления развитием предприятием». Следует отметить, что большое самостоятельное значение имеют действующие условия, которые следует учитывать. Требования к построению документов, регламентирующих бизнес-процесс «Управление развитием», должны соответствовать принципам системы менеджмента качества (СМК), а механизмы анализа больших массивов информации соответствовать процедурам математического моделирования, нейроинформатики, аппарату гибридных экспертных систем, адаптированных на предприятиях ранее в ходе эмпирических исследований.

Рекомендуется создать нормы мотивации персонала на основе степени участия в реализации программ и проектов развития предприятия.

Ключевые слова: стратегия, развитие, процессный подход, проектирование бизнес-процесса

DEVELOPMENT MANAGEMENT OF INDUSTRIAL ENTERPRISE

M. V. Konovalov¹, I. V. Tsomaeva^{1,2}, A. A. Kiseleva³

¹Altai Instrument-Making Plant "Rotor" (Barnaul, Russia)

²Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russia)

³Siberian Institute of Management – branch of RANEPА (Novosibirsk, Russia)

During strategy development and implementation industrial enterprises face conceptual difficulties, that are similar for enterprises of the military-industrial complex due to their institutional, industry and integration characteristics. The article proposes a methodological approach to the strategic management process organization with an emphasis on the implementation stage of strategic development. Also, modern operating concepts, mechanisms and tools for enterprise development management are considered. Current requirements are highly important. Documents regulating the development management business process must comply with the principles of a quality management system (QMS), and mechanisms for analyzing large amounts of information should correspond to the procedure of mathematical modeling, neuroinformatics, hybrid expert systems, adapted at enterprises during previous empirical research.

It is recommended to make employee reward system concern the level of implementation of company's development projects.

Keywords: strategy, business development, process approach, business process design.

Введение. Промышленные предприятия, применяя концепцию стратегического управления, сталкиваются с системными проблемами, создающими барьеры на пути ее практического использования. Так, Р. Румельт отмечает: «Все чаще руководители компаний утверждают, будто у них есть стратегия, на самом деле не имея ничего похожего» [1, с. 16]. По мнению В. Осадник, «... множество разных теоретических подходов к интерпретации экономической реальности все еще не отвечает потребностями практики в управленческом инструментарии» [2, с. 82].

Авторы считают, что одной из наиболее существенной предпосылок преодоления проблем на пути разработки и реализации стратегии становится налаженное взаимодействие специалистов промышленных предприятий с сотрудниками вузов и НИИ в различных формах: от договоров на проведение совместных НИР до создания специализированных базовых кафедр непосредственно на предприятиях. Успешные предприятия региона ОАО АПЗ «Ротор», ПАО ХК «БСЗ», ПАО «БПЗ» и другие процесс интеграции с научными организациями отработали и широко применяют в практике совершенствования управления [3].

Методы и методики проводимого исследования. Одними из наиболее последовательных приверженцев применения концепции стратегического управления развитием предприятия можно назвать менеджеров ПАО АПЗ «Ротор». Целенаправленное движение в этом направлении определено с приходом нового генерального директора и новой команды, которая обеспечила за период 2000–2007 гг. переход от спада к стагнации [4, 5], а затем и к развитию, и проходило в несколько этапов.

Этап 1. Адаптация предприятия к рынку эвристическими способами не всегда адекватно отражает те процессы, которые предназначены для формирования сложных изменений в модели организации управления развитием предприятия.

Первые реальные действия по формированию системного подхода были предопределены одним из условий участия предприятия в поставках продукции для нужд Государственного оборонного заказа (ГОЗ), а именно: предприятие обязано располагать сертифицированной системой менеджмента качества (СМК), соответствующей ГОСТ Р ИСО 90111 ГОСТ РВ 15002. Руководители предприятия решили эту задачу и утвердились в мнении о том, что необходимо придать процессу дальнейшего развития управляемый характер, тем более что имелся еще один фактор, существенно повлиявший на это решение. Дело в том, что генеральный директор ПАО АПЗ «Ротор» совмещал эту должность с должностью руководителя Сою-

за промышленников Алтая и регулярно общался с коллегами, которые предоставляли ему обширные материалы о «лучших практиках» в сфере управления, не было недостатка и в дельных советах «со стороны» по решению актуальных проблем промышленных предприятий.

Наиболее полезным оказался опыт эмпирических исследований, проведенных на ПАО ХК «БСЗ», ПАО «БПЗ», ПАО «Сибсельхозмаш» с участием преподавателей АлтГУ, АлтГТУ, РубИИ, сотрудниками ИЭ ОПП СО РАН при разработке и реализации стратегии предприятий.

Постепенно пришло осознание того, что в условиях действующего предприятия, сочетающего в себе элементы старого и нового, эффективные перемены должны рождаться в рамках определенного процесса проектирования, выявляющего основные цели и научно обоснованные возможности реорганизации организационной структуры.

Этап 2. Для проведения анализа содержания рациональных ходов и решений, выделения закономерностей в деятельности успешных предприятий, обосновании их применения руководители ПАО АПЗ «Ротор» организовали временный творческий коллектив (ВТК), научным руководителем которого назначили И. С. Межова, доктора экономических наук, профессора АлтГУ.

Научный отчет ВТК содержал решение важной задачи — обоснование возможности совмещения двух концепций: существующей системы с действующей СМК и системы сбалансированных показателей (ССП). Установлено, что принципы построения систем во многом тождественны, в каждой из систем деятельность предприятия рассматривается как совокупность взаимосвязанных бизнес-процессов [6].

Руководители ПАО АПЗ «Ротор» приняли точку зрения ВТК о том, что менеджеры предприятия могут применить механизмы и инструменты, которые используются для распространения стратегии на все уровни управления предприятием, обеспечивают корректный подбор и детализацию целей до уровня задач, содержащихся в программах и проектах реализации стратегии [6, с. 18]. По мнению авторов концепции СПП, процесс формирования модели СПП должен быть упорядоченным, структурированным и логичным. Лучший вариант — строгий алгоритм в рамках некоего проекта. На предприятии организовали процесс разработки стратегических целей, построение причинно-следственных связей, выбор показателей и определение стратегических мероприятий в форме диссертационного исследования, которое было проведено и успешно защищено в диссертационном совете 08.00.05 — «Экономика и управление народным хозяйством» в ИЭ ОПП СО РАН. На ос-

нове материалов исследования сформирована развернутая программа реализации стратегического развития ПАО АПЗ «Ротор» на перспективу 8 лет (2008–2015 гг.). Детализирован первый этап на период 3 года, названный «Среднесрочная программа деятельности ПАО АПЗ «Ротор» на 2008–2010 гг.». Цель программы — восстановление технико-технологического потенциала предприятия, замена парка машин и оборудования, износ которого достиг предельных значений — около 86%. Проблема решалась за счет интенсивной модернизации, ввода новых мощностей, двукратного увеличения мощностей цеха точной механики. За три года приобретено 46 единиц высокотехнологичного оборудования производства компаний Германии, Австрии, Южной Кореи, Китая, расходы на реализацию проектов составили 156 млн рублей. Состоялись достаточно масштабные перемены. Одновременно не прекращались правовые, организационные, финансовые изменения в экономике страны и предприятие должно было следовать за ними. В таких условиях получение адекватной реакции менеджеров на совмещение процесса операционной деятельности с потоком изменений становится довольно сложной задачей, ее вынуждены решать многие российские приватизированные предприятия, поскольку масштабные преобразования и изменения в них продолжают и по сей день. Анализ публикаций на эту тему показал, что аналогичные проблемы решались и в зарубежных компаниях в 1970–1980-е гг., когда формировалась повышенная потребность в вопросах общекорпоративного развития [7, с. 244]. Тогда в составе организаций выделялись органы развития в виде «корпоративных центров», которые возглавляли вице-президенты компаний. Этот опыт стал дополнительным мотивом принятия решения гендиректором ПАО АПЗ «Ротор», а именно — для управления неизбежно возрастающим потоком изменений ввести в штатное расписание должность «заместитель генерального директора по развитию», а в структуру управления — «офис управления программами и проектами».

Этап 3. По существу, руководители предприятия приступили к формированию в действующей бизнес-системе еще одного бизнес-процесса жизненного цикла, обеспечивающего совершенствование производимых продуктов, технологий, структуры управления.

В настоящее время служба руководителя по развитию фактически имеет один из вариантов набора функций, действующий в свое время на зарубежных фирмах, в частности:

- подготовка общих планов развития;
- выбор и оформление методов и приемов разработки и реализации стратегии;

- организация системы действий по реализации стратегии (программ, проектов, приемов, планов мероприятий и т. д.);
- подготовка планов инвестиций для реализации действий по развитию;
- организация проведения мониторинга (наблюдение, оценка действий).

Установлен порядок координации действий по развитию:

1. Приказом генерального директора:

- назначается руководитель каждой программы, проекта, плана мероприятий;
- назначается рабочая группа, утверждается положение о ней, ее состав, план работы;
- определяется порядок привлечения сотрудников подразделений предприятия к участию в реализации действий по развитию (при необходимости с освобождением от основных обязанностей);
- оперативное управление реализацией планов развития осуществляется в соответствии с решениями, принимаемыми техническим совещанием рабочей группы. Выполнение положений протокола обязательны для всех сотрудников предприятия, в том числе и руководителей подразделений.

2. Операционные действия по управлению развитием:

- регистрация событий, накопление данных об изменениях, анализ и оперативное принятие решений;
- координация пошаговых действий менеджеров в условиях постоянных изменений;
- корректировка потребностей в ресурсах, механизмах и инструментах реализации целей;
- оценка ключевых индикаторов развития, сопоставление по критериям качества, либо по соотношению с нормативными значениями.

Этап 4. Для объективной оценки приобретенного опыта, выявления сильных и слабых сторон процесса управления технико-технологическим развитием проведено исследование с применением методов технологического аудита. Результаты исследования представлены в магистерской диссертации, выполненной специалистом предприятия. Таким образом, в арсенале приемов управления развитием появился еще один методически хорошо аргументированный механизм.

Этап 5. Учитывая инновационную направленность программ и проектов развития, менеджеры ПАО АПЗ «Ротор» решили найти способ определения своих реальных инновационных способностей, то есть оценить инновационный потенциал пред-

приятия. Особо интересовала задача исследования диффузии инновационного процесса, поиск закономерностей, обеспечивающих состояние предприятия в будущем, сохранения конкурентоспособности в длительной перспективе. Теорией и методологией решения этой задачи располагают сотрудники кафедры «Информационные технологии в экономике» АлтГТУ. Под руководством доктора технических наук, профессора О. И. Пятковского была согласована программа эмпирических исследований, основой которых стали методы, построенные на применении гибридных экспертных систем (ГЭС) и аппарата нейронных технологий [4, 8]. Такие подходы обеспечили выделение новых знаний об основных процессах деятельности предприятия, представленных большими массивами информации. Примененные приемы позволяли аккумулировать и упорядочивать множество статистических данных и мнения группы экспертов. Итогом совместной работы стали рекомендации, пригодные для выбора условий необходимых для корректировки стратегии [4, 8].

Этап 6. Создавая уникальные ресурсы (технологические площадки, систему электронного оборота техндокументации и др.), руководители предприятия осознавали потребность их лучшего использования, совершенствования опыта, знаний, умений, навыков. Чтобы решить эту задачу, пришлось более пристально взглянуть на те способности, вокруг которых можно выстроить нужное бизнес-пространство, идентифицировать и развивать их. Г. Хэмэл и К. Прахалад обозначают такого рода способности термином «ключевые компетен-

ции» и предлагают приемы их выделения из массы накопленного опыта формирования способностей, то есть осознание тех из них, которые могут стать основой успешной конкуренции [4, 9, 10]. Участники исследования применили известный подход к поиску, выделению и идентификации ключевых компетенций, который обычно называют «сверху вниз» [7, с. 101]. Он основан на декомпозиции свойств существующих продуктов и выделении особо ценных для потребителя, а затем анализ и выявление способностей, формирующих эти свойства. Выделенные ключевые компетенции послужили основой выбора альтернатив стратегии развития предприятия.

Этап 7. Итак, очевидно, что менеджеры предприятия обеспечили непрерывный поступательный процесс управления стратегией развития предприятия, проведение устойчивой линии поведения на продолжительном интервале времени формирования конкурентных преимуществ. Практически освоен новый бизнес-процесс, отличный от действующих функциональных и структурных, обеспечивающий организацию совершенствования производимого продукта, технологий, оборудования, инновационную деятельность [4, 5, 8], в научных исследованиях такого рода деятельность относят к «процессам развития» [11, с. 10].

Таким образом, уместно говорить об идентификации и включении процесса развития в действующую бизнес-систему, тем более что все компоненты процессного подхода в имеющейся системе управления развитием присутствуют и приведены в таблице.

Компоненты процессного подхода

Базовые признаки процессного подхода	Характеристика компонент действующего порядка управления развитием предприятия
1. Определение	Устойчивое, целенаправленное взаимодействие видов деятельности, которое технологически преобразует входы и выходы с ориентацией на потребителя
2. Цель	Непрерывное изменение состояния бизнес-системы, ее способностей, ресурсов, организационной модели для обеспечения долговременной конкурентоспособности
3. Функции	Выбор стратегических ориентиров. Диагностика, оценка текущего состояния. Формирование системы действий по реализации стратегии развития
4. Методическое обеспечение	Действия ориентированы на требования системы менеджмента качества (СМК), системы сбалансированных показателей (ССП)
5. Участие в деятельности бизнес-системы	Преобразование множества функций бизнес-системы для удовлетворения потребностей других бизнес-процессов
6. Владелец бизнес-процесса	Обладает необходимыми способностями управления ресурсами, обеспечивает результативность бизнес-процесса, занимает четкое положение в структуре управления
7. Входы бизнес-процесса	Содержание миссии, стратегии, целей, задач бизнес-системы. Результаты теоретических и эмпирических исследований состояния действующей бизнес-системы
8. Выходы бизнес-процесса	Решения о выполнении результатов пересечения групп действий: политик, программ, проектов, приемов, определяющий меры по реализации стратегии развития
9. Ресурсы	Человеческие — знания, квалификация, опыт, способности персонала бизнес-системы и базовой кафедры. Организационные — история, репутация, доверие, взаимоотношения, организационная культура
10. Координация	Информационный интегратор бизнес-системы. Локальные базы данных бизнес-процессов. Электронные модули: принятие решений; анализа; экспертизы

Полученные результаты и их обсуждение.

Приобретенные персоналом ПАО АПЗ «Ротор» способности (опыт, знания, умения, навыки) управления стратегией развития предприятия ОПК с точки зрения соответствия теории и методологии менеджмента прошли верификацию в процессе подготовки и защиты магистерской, кандидатской и докторской диссертаций, сообщениях на научно-практических конференциях, публикациях в научных изданиях.

Из всего сказанного следует сделать вывод о целесообразности и возможности проектирования бизнес-процесса управления стратегией развития предприятия. Проектирование процессных структур осуществляется известными, общими для многих предприятий методами, широко освещенными в литературе [7, 9, 11]. Тем не менее авторы статьи считают, что большое самостоятельное значение имеют следующие условия, которые следует учитывать:

- требования к построению, изложению, оформлению документов должны соответствовать принципам СМК, стандартам ГОСТ Р ИСО 9011, ГОСТ РВ 15002;
- требования к механизмам и инструментам анализа, экспертизы больших массивов информации, решения неформальных задач должны отвечать методическим подходам по совершенствованию управления с при-

менением современных информационных технологий, математического моделирования, методам нейроинформатики, аппарата гибридных экспертных систем;

- показатели деятельности предприятия, количественная оценка и периодичность их представления не должны превышать уровня государственной отчетности;
- рекомендуем создать нормы мотивации персонала на основе степени участия работников в реализации мероприятий, предусмотренных программами и проектами развития. Поощрение устанавливается пропорционально объему дополнительной прибыли от реализации нововведений;
- сбор информации для наблюдения, анализа и оценки по любому процессу деятельности проводить с применением установленного перечня (кластера) анкет.

Заключение. Следует отметить значимость того факта, что изложенные в данной статье рекомендации являются результатом глубокого научного анализа, поскольку суммируют точки зрения многих сотрудников АлтГТУ, АлтГУ, НГТУ, ученых ИЭ ОПП СО РАН, руководителей крупных предприятий ОПК. Это обстоятельство вселяет уверенность в то, что обозначенные в статье ориентиры могут способствовать решению проблем не только ПАО АПЗ «Ротор», но и других предприятий ОПК.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Румельт Р. Хорошая стратегия, плохая стратегия. В чем отличие и почему это важно. М., 2014. 435 с.
2. Осадник В. А. Значение интеграции ресурсного и рыночного подхода для стратегического управления предприятием // Управление предприятием. 2001. № 4. С. 80–86.
3. Хэмэл Г., Прахалад К. Конкурируя за будущее: создание рынков завтрашнего дня / пер. с англ. М., 2009. 288 с.
4. Коновалов М. В., Цомаева И. В., Киселева А. А. Ретроспективный анализ стратегии развития промышленного предприятия: выводы и предложения (на примере ОАО АПЗ «Ротор»: монография / под ред. В. А. Бородина. Барнаул, 2018. 182 с.
5. Цомаева И. В. Совершенствование управления мелкосерийным и серийным производством (на примере ОАО «Алтайский приборостроительный завод «Ротор»») / под ред. В. В. Титова. Новосибирск, 2014. 240 с.
6. Внедрение сбалансированной системы показателей / Horvath & Partners: пер. с нем. М., 2005. 478 с.
7. Гурков И. Б. Стратегия и структура корпорации: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М., 2008. 288 с.
8. Тишков О. И., Цомаева И. В. Методика оценки инновационного потенциала промышленного предприятия // Модернизация российской экономики: инновации, инструменты управления: сб. науч. тр. / под ред. И. С. Межова, В. А. Титовой. Новосибирск, 2011. С. 235–245.
9. Ефремов В. С., Ханыков И. А. Ключевая компетенция организации как объект стратегического анализа // Менеджмент в России и за рубежом. 2002. № 2. С. 8–33.
10. Бажанов В. А., Цомаева И. В., Киселева А. А. Совершенствование управления оборонным предприятием в условиях диверсификации производства // Мир экономики и управления. Т. 19. № 3. Новосибирск, 2019. С. 121–130. DOI: 10.25205/2542-0429-2019-19-3-121-131.
11. Мищенко В. В., Локтев С. А., Межов И. С. Организация производственного менеджмента. Процессное структурирование и аналитическое планирование: учебное пособие. Барнаул, 2004. 179 с.

REFERENCES

1. Rumelt R. Good strategy, bad strategy. The difference and why it matters. Moscow, 2014. 435 p.
2. Osadnik V. A. The importance of integration of market and resource approaches for strategic enterprise management // Enterprise Management. 2001. No. 4. Pp. 80–86.
3. Hamel G., Prahalad K. Competing for the Future: Creating Tomorrow's Markets / trans. from English. Moscow, 2009. 288 p.
4. Konovalov M. V., Tsomaeva I. V., Kiseleva A. A. Retrospective Analysis of Industrial Enterprise Development Strategy: Conclusions and Suggestions (on the Example of JSC Altai Instrument-Making Plant "Rotor") : monograph / ed. by V. A. Borodin. Barnaul, 2018. 182 p.
5. Tsomaeva I. V. Improving the Management of Small-Scale and Serial Production (on the Example of JSC «Altai Instrument-Making Plant "Rotor") / ed. by V. V. Titov. Novosibirsk, 2014. 240 p.
6. Implementation of Balanced Scorecard / Horvath & Partners: translated from German. Moscow, 2005. 478 p.
7. Gurkov I. B. Strategy and Structure of the Corporation: textbook. 2nd ed. Moscow, 2008. 288 p.
8. Tishkov O. I., Tsomaeva I. V. Methodology for Assessing the Innovation Potential of an Industrial Enterprise // Modernization of the Russian Economy: Innovations, Management Tools: collected scientific works / ed. by I. S. Mezhev, V. A. Titova. Novosibirsk, 2011. Pp. 235–245.
9. Efremov V. S., Khanykov I. A. Key Competence of the Organization as an Object of Strategic Analysis // Management in Russia and Abroad. 2002. No. 2. Pp. 8–33.
10. Bazhanov V. A., Tsomaeva I. V., Kiseleva A. A. Improving Defense Enterprise Management in Terms of Production Diversification // World of Economics and Management. 2019. Vol. 19, No. 3. Pp. 121–131. DOI 10.25205/2542-0429-2019-19-3-121-131.
11. Mishchenko V. V., Loktev S. A., Mezhev I. S. Organization of Production Management. Process Structuring and Analytical Planning: Textbook. Barnaul, 2004. 179 p.

Поступила в редакцию: 28.07.2021.

Принята к печати: 27.09.2021.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ С ПОЗИЦИИ ПОЗИТИВНОГО И НОРМАТИВНОГО ПОДХОДОВ¹

В. И. Крышка¹, Ю. А. Перекаренкова²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия),

²Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

В статье показано, что традиционное противопоставление позитивного и нормативного подходов друг другу неверно, поскольку в действительности позитивному (положительному) подходу противопоставлен негативный (отрицательный) подход. Нормативный подход в сфере экономики находится в противоречивом единстве с *реальной мерой* хозяйственных процессов как их субъективная, регулирующая сторона, связанная с установлением правил хозяйственной деятельности.

В результате проведенного анализа выявлено, что воспроизводство товарной формы рабочей силы в целом включает в себя четыре типа: а) производство товаров посредством товаров, б) производство людей посредством людей, в) производство знаний посредством знаний и г) производство человеком самого себя в качестве человеческого капитала.

В современной экономике сложный двусторонний процесс, который, с одной стороны, по мере осуществления роботизации высвобождает работников от выполнения тяжелых и рутинных операций, а с другой, — создает предпосылки для изменения целевой функции экономики, ее *реальной меры*: перехода от производства материального богатства — к производству собственного человеческого богатства, связанного с человеческим капиталом.

Развитие человеческого капитала на основе роста трудового потенциала и уровня сложности выполняемых работ является своеобразным «требованием времени» и предполагает возрождение *института нормирования труда* в самом широком смысле, включая как экономические, так и институциональные аспекты.

Ключевые слова: воспроизводство рабочей силы, нормативный и позитивный подходы, норма и мера, типы воспроизводства, российская экономика.

INSTITUTIONAL AND ECONOMIC ASPECTS OF LABOR FORCE REPRODUCTION FROM THE PERSPECTIVE OF POSITIVE AND NORMATIVE APPROACHES

V. I. Krishka¹, Yu. A. Perekarenkova²

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS (Novosibirsk, Russia)

The article shows that the traditional opposition of positive and normative approaches to each other is incorrect, since in reality the positive (positive) approach is opposed to the negative (negative) approach. The normative approach in the field of economics is in contradictory unity with the real measure of economic processes as their subjective, regulatory side associated with the establishment of rules of economic activity.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Научный проект № 19-010-00491 «Исследование взаимного влияния уровня оплаты труда и воспроизводства рабочей силы в условиях макроэкономических и институциональных изменений в российской экономике в 1992–2018 гг.».

As a result of the analysis, it was revealed that the reproduction of the commodity form of labor force as a whole includes four types: a) the production of goods through goods, b) the production of people through people, c) the production of knowledge through knowledge, and d) the production of man himself as human capital.

In the modern economy, a complex two-way process, which, on the one hand, frees workers from performing heavy and routine operations, and, on the other hand, creates prerequisites for changing the target function of the economy, its real measure: that is, the transition from the production of material wealth to the production of their own human wealth associated with human capital.

The development of human capital based on the growth of labor potential and the complexity of the work performed is a kind of “demand of the time” and involves the revival of the institution of labor rationing in the broadest sense, including both economic and institutional aspects.

Keywords: reproduction of the labor force, normative and positive approaches, norm and measure, types of reproduction, the Russian economy.

Актуальность проблемы, вынесенной в название статьи, связана со следующими обстоятельствами.

Во-первых, многочисленные социологические опросы, ориентированные на выявление у наемных работников *нормального*, по их мнению, уровня оплаты труда, показывают, что труженики, как правило, не удовлетворены ее фактическим размером.

Во-вторых, институционально-демографическая ситуация, связанная с естественной убылью населения, продолжает ухудшаться. Введение государством денежных пособий, названных материнским капиталом, пока не оказывает ожидаемого положительного эффекта.

В-третьих, в области современной экономической науки господствует мейнстрим с методологией постпозитивизма, вытесняющей исследование многих негативных явлений экономики в область неинституционализма, который, несмотря на его значительные успехи, является пока только лишь неким придатком к признанной постпозитивистской теории экономики на уровнях микро- и макроэкономики.

Цель статьи — исследование воспроизводства товарной формы рабочей силы в рыночной экономике России с позиции позитивного и нормативного подходов с учетом институциональных и экономических аспектов.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

- 1) рассмотреть методологические основы позитивного и нормативного подходов;
- 2) применить нормативный подход к модели воспроизводства рабочей силы;
- 3) рассмотреть институционально-демографический аспект воспроизводства людей посредством людей с позиции нормативного подхода;
- 4) проанализировать вопросы нормализации воспроизводства человеческого капитала на основе развития института науки;

5) предложить модель воспроизводства человеческого капитала как исторически новой цели развития российской экономики в целом.

1. Позитивному и нормативному подходам, включая их противопоставление, посвящено множество как чисто философских, так и экономико-методологических исследований. Среди них можно выделить работы Аристотеля, Д. Юма, И. Канта, Г. Гегеля, Дж. С. Милля, У. С. Джевонса, О. Конта, Й. Шумпетера, К. Поппера, М. Фридмана, Т. Куна, П. Фейерабенда, И. Лакатоса, М. Блауга и многих других [1–9].

Не вступая в философскую полемику по поводу так называемой гильотины Д. Юма, в которой данные подходы противопоставлены друг другу вне их внутреннего логического единства, обратим внимание на следующее.

Во-первых, нельзя не согласиться с мнением позитивистов о том, что любая наука, включая экономику, исследует только то, *что есть*, обладает *бытием*, поскольку исследование того, *чего нет*, или обладает *только бытием* *долженствований*, невозможно. Однако на этой позиции, на наш взгляд, останавливаться нельзя. Поскольку познание, как правило, стремится к преодолению конечных и догматических точек зрения. Для движения вперед необходимо поставить вопрос: что такое *есть*, или *бытие*?

То, *что есть*, или *бытие*, в науке трактуется неоднозначно и требует своей собственной определенности. Эта неоднозначность привела к тому, что в самом позитивизме (от лат. *positivus* — положительный) с точки зрения его исторического развития происходило уточнение предмета исследования и в этой связи сформировался: а) классический позитивизм О. Конта и Дж. С. Милля, связанный с познанием научных фактов, данных в наблюдении и эксперименте; б) эмпирический позитивизм (эмпириокритицизм) Э. Маха и Р. Авенариуса, в) логический позитивизм (неопозитивизм) М. Шпи-

ка, Л. Витгенштейна, Б. Рассела и др., г) современный постпозитивизм К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда и др. Выделение этих видов позитивизма с позиции самого позитивизма говорит о том, что *бытие* в науке имеет сложный характер. В нем, благодаря систематизации Г. Гегеля, представленной в «Энциклопедии философских наук», можно выделить: а) *бытие* как таковое, б) *сущность* бытия и в) *понятие* бытия, то есть принцип саморазвития всего сущего [2].

На наш взгляд, то, что *должно быть* (нормативный подход от лат. *norma* — правило, предписание, образец), также входит в бытие, но только не как реальное, чувственно-воспринимаемое (физическое) бытие, а как идеальное бытие, которое доступно интеллектуальному познанию людей на основе спекулятивной логики, включающей по Г. Гегелю: а) абстрактную, или рассудочную, б) диалектическую, или отрицательно-разумную, в) спекулятивную, или положительно-разумную составляющие [2, с. 201–213].

Опираясь на приведенную гегелевскую триаду, на наш взгляд, можно сформулировать следующие методологические тезисы: 1) *то, что есть, так и есть, и ничего иного нет* (абстрактно-рассудочный момент, исключающий противоречия и различные предрассудки, вымыслы, мифы, слухи и т. п.); 2) *то, что есть, так не должно быть* (отрицательно-разумный момент, включающий противоречие между *тем, что есть* и *тем, что должно быть* по своему понятию, образцу, идеалу); 3) *то, что есть, так и должно быть* (положительно-разумный тезис, подчеркивающий тождество как разумного бытия (практики), так и мышления (науки)).

Во-вторых, исследуя то, что есть, можно как обращать внимание, так и не обращать его на так называемые *негативные* явления, связанные с тем, чего *не должно быть* по своему понятию, выраженному в норме (образце). Если не обращать внимания на указанные негативные моменты экономики, то получается односторонний *абстрактно-идеализированный позитивизм*, господствующий в мейнстриме, который, в конечном счете, ведет к конструированию теории *общего экономического равновесия* рыночной экономики без противоречий и изъянов. Примечательно, что все негативные явления экономики (за исключением «фiasco рынка» и экстерналий), как правило, опускаются *рациональной* (абстрактно-рассудочной) экономикой мейнстрима, но являются предметом более пристального изучения в рамках исторической школы, марксизма, институционализма, неоинституционализма и др. направлений, в которых широко используется нормативный подход, связанный с «ограниченной рациональностью».

В-третьих, если негативные (от лат. *negativus* — отрицательный) явления включить в *постпозитивизм в широком смысле*, то тогда он приобретает свою *собственную разумную противоположность*, или по Г. Гегелю диалектическую, отрицательно-разумную составляющую. В этой связи противопоставление позитивного метода нормативному, на наш взгляд, неверно, поскольку *позитивный* (положительный) метод противоположен не нормативному, а негативному (отрицательному) методу как *своей* противоположности, тому, что есть, но не должно быть.

В-четвертых, если, по нашему мнению, нормативный подход не противоположен позитивному, то нормативному подходу нужно найти также *его* противоположность, которой, на наш взгляд, для экономики является *мера* хозяйственных процессов и явлений, или, по Г. Гегелю, качественно определенное количество [2, с. 257–263].

Существенное отличие *меры* от *нормы*, на наш взгляд, заключается в следующем.

Так, *мера*, точнее, *реальная мера*, является *объективной*, стоимостной, так сказать, *естественной* характеристикой хозяйственных процессов. Она формируется как бы сама собой, «естественным» образом по принципу «невидимой руки А. Смита». Норма есть, напротив, *субъективное* ценностное выражение *меры* хозяйственных явлений. Норма, как правило, связана с функциями *расчета, оценки и регулирования* хозяйственных процессов, в частности, с ожиданием, предвидением, прогнозированием и планированием эффективности хозяйственных процессов.

Мера и норма воспроизводства товарной формы рабочей силы в современной экономике России, на наш взгляд, в целом включает четыре типа.

2. *Первый тип* связан с воспроизводством *материального продукта*, которое было названо П. Сраффой как «производство товаров посредством товаров» [10]. В частности, в нем наемный работник является носителем товарной формы рабочей силы, фактором производства, наряду с землей и капиталом (средствами производства). Этот тип воспроизводства, опуская воспроизводство средств производства, которое, в частности, предназначено для создания рабочих мест для наемных работников, представлен в модели 1:

$$T_{PC} - D_{AZP} \dots T \dots P - D_{HZP} \dots D_{PZP} - T_{CPT} \dots \\ \dots P \dots Y_{PT} - T_{BPC} \quad (1)$$

где T_{PC} — товарная форма рабочей силы; D_{AZP} — авансированная заработная плата; T — процесс труда; P — выполняемая и выполненная в процессе труда *работа* как товар особого рода; D_{PZP} — численная заработная плата; D_{BPC} — располагаемая

заработная плата за вычетом из начисленной заработной платы налога на доходы физических лиц (НДФЛ) плюс соответствующие социальные выплаты; $T_{\text{СПТ}}$ — товарная форма купленных средств потребления; P — процесс потребления; $Y_{\text{ПТ}}$ — удовлетворение физических и духовных потребностей; $T_{\text{ВРС}}$ — воспроизведенная на основе потребления рабочая сила; ... — возможные перерывы между стадиями процесса воспроизводства.

В этой модели обратим внимание прежде всего на наиболее актуальные позитивные и негативные моменты, существующие в современной российской экономике.

Во-первых, существование товарной формы рабочей силы в настоящее время в целом следует признать *позитивным*, поскольку «освобождает» наемных работников от так называемого «бремени» собственности и позволяет сконцентрироваться на развитии своего человеческого капитала, то есть потенциала, приносящего его владельцу дополнительный доход. В современной российской экономике товарная форма рабочей силы представляется занятыми и безработными. Так, в 2019 г. численность рабочей силы в целом составляла 75398 тыс. чел. (или 62,3% от общей численности населения РФ), из которых 71 933 — занятые и 3465 тыс. чел. — безработные¹. Применительно к рассматриваемой модели кругооборота безработные выпадают из нормального процесса воспроизводства, представленного в модели 1, за исключением удовлетворения физических и духовных потребностей при помощи получаемых пособий по безработице через систему социального обеспечения.

Установленный и выплачиваемый размер пособия по безработице не позволяет говорить о нормальном воспроизводстве рабочей силы в период отсутствия занятости. Так, в 2021 г. его минимальная величина была установлена в размере 1500 рублей в месяц, максимальная — 12130 рублей на первые 3 месяца, в последующий трехмесячный период — максимально допустимый размер составляет 5000 рублей². В сравнении с величиной прожиточного минимума минимальный размер пособия по безработице составляет 12%, максимальный — 95%.

Следует отметить, что максимальный размер пособия по безработице в настоящее время близок к нормализации, его величина соответствует минимальной оплате труда в целом, но только в течение первых трех месяцев с момента присвоения человеку статуса безработного. Предлагается лицам, ускоренно устроившимся на новое место работы в течение, например, месяца, назначать стимулирующую доплату за скорость трудоустройства, за счет экономленных средств соответствующего фонда. Минимальный размер данного пособия должен соответствовать величине прожиточного минимума трудоспособного населения.

Во-вторых, установившаяся практика выплаты авансированной суммы заработной платы до окончания рабочего периода (или фиксированной продолжительности рабочего времени) является положительной нормой, поскольку позволяет работникам существовать до окончательного получения заработной платы по итогам выполненной работы. В частности, такой нормой является выплата аванса в сумме примерно 40–50% от начисленного заработка за определенный период. Вместе с тем для нормализации трудоустройства молодых работников предлагается производить выплату единовременного аванса сразу целиком в размере месячной заработной платы до начала процесса труда.

В-третьих, наемный характер труда, который, за исключением прекариата, осуществляется внутри экономических и иных организаций, предполагает существование института *нормирования труда*. В этой связи нельзя не признать, что данный институт в современной рыночной экономике требует возрождения, которое должно быть связано с подготовкой соответствующих кадров — инженеров по нормированию труда, способных решать технические, экономико-организационные и институциональные вопросы.

В-четвертых, выделение в фонде оплаты труда, с одной стороны, гарантированной (тарифной) части оплаты труда и, с другой, — переменной, связанной с эффективностью деятельности организации и работников, следует признать нормальным явлением. Однако общий размер и удельный вес гарантированной части оплаты труда требует уточнения, поскольку он непосредственно связан с их уверенностью в «завтрашнем дне»³.

В-пятых, при характеристике, связанной с определением располагаемого дохода, нельзя не отметить, что увеличение НДФЛ до 15% для налогоплательщиков, получающих доходы более

¹ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 11.

² См. О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2021 год: Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2393 // Российская газета. Федеральный выпуск № 5 (8356). 14 января 2021 г. URL: <https://rg.ru/2021/01/14/postanovlenie-oposobii-po-bezrabotize-dok.html> (дата обращения: 21.02.2021).

³ По данным исследования, приведенным в статье Э. Н. Соболева, доля гарантированной части в структуре получаемой заработной платы должна составлять 50–80%. См. подробнее: [11, с. 34].

5 млн руб. в год, в целом является позитивным и нормализующим мероприятием. Однако практику нормализации данного вида налогов следует продолжить. В целом целесообразно освободить от НДФЛ доходы лиц с уровнем заработной платы, близкой к минимальному уровню оплаты труда, или ввести для них регрессивную ставку налогообложения, то есть менее 13%.

Итогом нормализации материального воспроизводства рабочей силы должно стать явление, когда уровень реальной оплаты труда для так называемого «среднего класса наемных работников» (синих воротничков) должен быть обусловлен как нормальным воспроизводством индивидуальной рабочей силы, так и образованием *сбережений*, идущих на возобновление основного потребительского капитала (жилье, автомашины, бытовая техника и т. п.), проведение достойного досуга, связанного с познанием и путешествиями, развитием человеческого капитала, накоплением сбережений с целью их превращения в капитал, который должен стать дополнительным доходом при выходе на пенсию.

3. *Второй тип воспроизводства*, основываясь на модели 1, связан с воспроизводством самих людей [12] и имеет, на наш взгляд, такую модель:

$$(T_{\text{ВРС}} - T_{\text{ЖВРС}}) \dots (B - C) \dots P_{\text{рд}} \dots T_{\text{НРС}}, \quad (2)$$

где $(T_{\text{ВРС}} - T_{\text{ЖВРС}})$ — воспроизведенная товарная форма соответственно мужской и женской рабочей силы; $\dots (B - C) \dots$ — создание и поддержание моногамного брачно-семейного союза между мужчиной и женщиной, $\dots P_{\text{рд}} \dots$ — процесс беременности, рождения, воспитания и материального обеспечения детей до их перехода в категорию *новой рабочей силы*; $\dots T_{\text{НРС}}$ — духовное воспитание и образование (общее и профессиональное) детей, связанное с созданием *новой* товарной формы рабочей силы, включая подготовку кадров высшей квалификации (аспирантура).

По указанным стадиям модели 2 можно выделить следующие нейтральные, позитивные и негативные моменты, сложившиеся в российской экономике.

Во-первых, в 2019 г. в общей структуре занятых в российской экономике численность мужчин составляла 51,3%, женщин — 48,7%. Из них удельный вес мужчин в возрасте 25–54 лет, имеющих определенный уровень образования, опыт профессиональной деятельности, способных создать полноценный брачно-семейный союз с рождением и последующим воспитанием детей как основы воспроизводства новой рабочей силы, составлял 77,4%, женщин в возрасте 25–49 лет — 66,9%. В общей структуре занятых в российской экономике в 2019 г. удельный вес мужчин, состоящих в бра-

ке и способных самостоятельно обеспечивать свою семью, тем самым создавая нормальные условия для воспроизводства новой рабочей силы, составляло 74%, женщин — 66%⁴.

Во-вторых, институт брачно-семейных отношений в настоящее время находится в состоянии трансформации. Так, в 1990 г. число браков составляло 8,9‰, разводов — 3,8‰, к 2018 г. число браков сократилось до 6,1‰, а число разводов увеличилось до 4,0‰⁵. Наибольшая численность родившихся живыми в расчете на 1000 женщин в 1990 г. приходилась на возрастную группу 20–24 года и составляла 156,5. В возрасте 25–29 лет данный показатель составлял 93,1, в возрасте 30–34 лет — 48,2. За последние 30 лет данные пропорции между численностью родившихся по возрастам женщин изменились. В 2018 г. наибольшая численность родившихся живыми в расчете на 1000 женщин приходилась на возрастную группу 25–29 лет и составляла 96,5. В возрасте 20–24 лет данный коэффициент достиг 78,4, в возрасте 30–34 лет — 76,1.

Изменился и средний возраст женщин, родивших ребенка. Если в 1990 г. он составлял 25,3 года, то в 2018 г. он увеличился в среднем до 28,7 года.

В общей структуре родившихся живыми наибольший удельный вес по-прежнему приходится на родившихся в зарегистрированном браке. Однако если в 1990 г. данный показатель составлял 85,4%, то в 2018 г. он снизился до 78,2%⁶. Тем не менее в целом можно сказать, что в России до настоящего времени сохраняется традиционное понимание семьи, создание которой предполагает в основном принятие осознанного решения обоими субъектами — мужчинами и женщинами, вступающими в законный брак с целью продолжения рода.

В-третьих, введение государством денежных пособий, названных материнским капиталом и призванных нормализовать ситуацию в области роста рождаемости, пока не выявили своей эффективности [13]. В этой связи следует признать, что либо недостаточны чисто экономические меры, либо что рождаемость имеет не только экономические корни. Скорее всего, верно и то, и другое.

В области экономики, на наш взгляд, необходимо продолжить практику выплаты материнского капитала, но непосредственно связать с материальным обеспечением подрастающего поколения. Необходимо также выполнение следующего посту-

⁴ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 12, 30, 38.

⁵ Демографический ежегодник России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 50.

⁶ Демографический ежегодник России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 63, 66–67.

лата: семья, решившая иметь детей, не должна потерпеть «экономическое фиаско». Для этого целесообразно провести соответствующие расчеты. Так, если работающие мужчина и женщина, получая каждый медианную заработную плату по проведенным расчетам в размере 34 тыс. руб. [14, с. 98], при рождении ребенка должны иметь соответствующую компенсацию, хотя бы в размере установленного прожиточного минимума для детей с учетом их возраста и возрастания потребностей по мере взросления. Эту компенсацию можно привязать к заработной плате, либо матерей, либо отцов. Источником финансирования должен стать новый «Фонд будущих поколений нации», образуемый за счет части фонда оплаты труда, НДФЛ, благотворительных пожертвований, бюджетов различных уровней и других источников.

В-четвертых, работа институтов семьи, общеобразовательной средней и высшей профессиональной школ должна быть направлена на подготовку молодых людей, одновременно сочетающих нравственное поведение и трудовой (творческий) образ жизни.

Для выработки *трудового образа жизни* необходимо, на наш взгляд, следующее: формирование соответствующей идеологии, участие юношества в благотворительности и волонтерской деятельности, работа по найму после получения паспорта и т. д.

В целом для данного типа воспроизводства образом должна стать норма, выраженная в простой формуле: отцовство и материнство — это отдельные *социально значимые профессии*, которым необходимо учесть!

4. *Третий тип воспроизводства*, основываясь на модели 1 и 2, обусловлен деятельностью науки (производством знаний посредством знаний), которая через сферу общего и профессионального образования связана с воспроизводством так называемого «человеческого капитала» [15]. Эта модель воспроизводства, на наш взгляд, имеет такую форму:

$$T_{\text{НРС}} - D_{\text{АЗП}} \dots \text{НИР} \dots T_{\text{НТ}} - D_{\text{НД}} \dots \quad (3)$$

где $T_{\text{НРС}}$ — товарная форма рабочей силы, занятой в сфере научных исследований; $D_{\text{АЗП}}$ — авансированная заработная плата научных сотрудников и преподавателей, которым вменяется научно-исследовательская деятельность; НИР — научно-исследовательская работа; $T_{\text{НТ}}$ — квазитоварная форма научных трудов (работ); $D_{\text{НД}}$ — начисленный денежный доход научных работников, включая гранты и выполнение так называемых хозрасчетных работ.

С позиции позитивного и нормативного подходов, развиваемых в данной статье, в этой модели можно выделить следующее.

Во-первых, исходя из приведенной модели 3, численность работников, занятых в сфере научной и технической деятельности, в 2019 г. составляла 4,0% от общей численности занятых в российской экономике. В сфере образования данный показатель составил 7,6%¹. В этой связи институт аспирантуры, который сложился в советский период и сохранился в модифицированном виде в постсоветской период подтвердил свой позитивный характер в целом, хотя наметилась некоторые негативные моменты. Так, за последние 20 лет произошло сокращение численности аспирантов и докторантов. В целом, в российских ВУЗах численность аспирантов в 2019 г. в сравнении с 2000 г. сократилась на 28,4%, докторантов — на 77,3%. Прием в аспирантуру в 2019 г. в сравнении с 2000 г. сократился на 42%, в докторантуру — на 76%. Произошло увеличение лага времени от обучения в аспирантуре и докторантуре до защиты кандидатских и докторских диссертаций. Из числа выпускаемых аспирантов в 2019 г. только 10,5% завершили обучение с защитой диссертации, тогда как в 2000 г. данный показатель составлял 30,2%. Численность докторантов, защитивших диссертацию в нормативно установленный срок, в 2019 г. составляла 23%, в 2000 г. — 38,8%².

Исходя из приведенных данных, очевидно, что отсутствие должного уровня воспроизводства кадров для сферы науки и образования является основанием говорить о происходящем процессе постепенной потери высококвалифицированного человеческого потенциала страны, способствующего сохранению ее конкурентных позиций на международной арене во многих стратегически важных направлениях, как космические разработки, создание биологических и химических инновационных разработок, ядерная энергетика, фундаментальные медицинские разработки и т. д.

В этой связи в целях нормализации ситуации, на наш взгляд, можно предложить следующие меры (мероприятия).

1. Необходимо повысить заинтересованность обучающихся в очной аспирантуре. Для достижения этой цели целесообразно восстановить советский опыт и включить время обучения в аспирантуру в общий профессиональный стаж работы.

2. Стипендию аспирантов-очников установить на уровне не менее 50% от медианного уровня оплаты труда.

¹ Российский статистический ежегодник. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 120.

² Там же. С. 208.

3. Расширить грантовую поддержку соискателей, аспирантов и докторантов посредством введения соответствующих целевых *кредитных фондов*, либо с отрицательной ставкой процента, либо со списанием процентной ставки и общей задолженности по этим кредитам в случае успешной защиты кандидатской (докторской) диссертации в установленные договором сроки.

Во-вторых, нормирование труда преподавателей высшей школы, которым вменяется проведение научно-исследовательской работы, требует уточнения с возможным сокращением общей нагрузки в целях увеличения времени на научно-исследовательскую работу. Целесообразно указанным категориям, то есть ассистентам и преподавателям, восстановить советский опыт и установить предельную учебную нагрузку в размере примерно 500–550 часов в год при 6-дневной рабочей неделе. Другим работникам высшей школы эту нагрузку уменьшать по мере увеличения научно-исследовательской работы.

В-третьих, возникший в постсоветский период квазирынок научных публикаций позитивно ускоряет время опубликования работ. Вместе с тем нельзя не отметить, что финансирование опубликования научных работ за счет автора вызывает недоумение, поскольку подрывает принцип справедливости, связанной с возмещением денежных и трудовых издержек автора. В этой связи, на наш взгляд, целесообразно соответствующим учреждениям, нацеленным на выполнение так называемых «целевых показателей», в контексте с «публикационной активностью» ввести в научно-образовательную деятельность оборотный капитал (фонды) для возмещения затрат на опубликование платных работ, либо вернуться к опыту выплаты соответствующих авторских гонораров, возмещающих или даже превышающих денежные расходы авторов.

В целом по этому типу воспроизводства в качестве *образца* должен стать советский лозунг о превращении науки в непосредственную производительную силу общества и, добавим, — хобби для талантливой молодежи и других заинтересованных в развитии науки лиц.

5. Рассмотренные в статье три модели институционально-экономического воспроизводства рабочей силы нацелены на реализацию так называемого «закона распределения по труду» в соответствии с его качеством и количеством, то есть мерой. Этот закон не потерял своей актуальности и в настоящее время, поскольку социалистическая экономика отчасти была рыночной. В настоящее время, когда так называемый «рынок» имеет тотальное значение, нормативные требования этого закона, на наш взгляд, существенно возрастают в свя-

зи с роботизацией вещественного и параллельным развитием человеческого капитала.

Во-первых, развитие искусственного интеллекта и роботизации механико-технологических процессов в ведущих отраслях народного хозяйства (промышленность, сельское хозяйство, транспорт, связь и т. д.) связано с «освобождением» наемного труда прежде всего от тяжелых, рутинных, монотонных и утомительных для людей операций. Тенденция «высвобождения» работников при росте богатства создает предпосылки для изменения целевой функции рыночной экономики: переход от *производства богатства*, в котором человек рассматривался преимущественно как фактор производства, к производству «человеком самого себя», которое, на наш взгляд, конституируется в концепции человеческого капитала.

Во-вторых, воспроизводство рабочей силы в качестве человеческого капитала в рамках современной рыночной экономики можно представить в следующей модели:

$$\begin{aligned} D_{\text{МЗП}} - T_{\text{СПТ}} \dots P_T \dots Y_{\text{ПТ}} - T_{\text{ВПРС}} \dots \\ \dots P_{\text{ПЗ}} \dots T_{\text{КРС}} - D'_{\text{РЧК}} \end{aligned} \quad (4)$$

где $D_{\text{МЗП}}$ — минимальная заработная плата; $T_{\text{СПТ}}$ — соответствующая «минимальная потребительская корзина»; $\dots P_T \dots$ — процесс потребления указанных средств потребления; $Y_{\text{ПТ}}$ — удовлетворение потребностей; $T_{\text{ВПРС}}$ — воспроизводство простой рабочей силы; $\dots P_{\text{ПЗ}} \dots$ — усвоение профессиональных знаний и умений, связанных с формированием так называемого трудового потенциала, приносящего дополнительный доход; $T_{\text{КРС}}$ — квалифицированная рабочая сила; $D'_{\text{РЧК}}$ — денежная реализация человеческого капитала, то есть заработная плата плюс некоторая доплата, связанная с ростом трудового потенциала работников (белых воротничков).

В-третьих, несмотря на соответствие данной модели нормативным требованиям развития человеческого капитала, ее практическая реализация пока имеет характер *долженствования*. Чтобы придать этой модели реальный характер, необходимо совершенствование государственной тарификации труда, введения, по мере развития производительных сил, тарифных ставок, стимулирующих рост квалификации наемных работников. Основу расчета должна составлять медианная заработная плата, которая, как указывалось выше, составляла в 2019 г. 34 тыс. руб. При этом минимальный уровень оплаты труда должен составлять 50% от медианного значения (17 000 руб.), а максимальный — в 2 раза выше медианного уровня (68 000 руб.) при минимизации инфляционных процессов.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Традиционное противопоставление позитивного и нормативного подходов друг другу неверно, поскольку в действительности позитивному (положительному) подходу противоположен негативный (отрицательный) подход, который указывает на то, что есть, *но чего не должно быть*. В этом случае нормативный подход в сфере экономики находится в противоречивом единстве с *реальной мерой* хозяйственных процессов как их субъективная, регулирующая сторона, связанная с установлением правил хозяйственной деятельности.

В результате проведенного анализа выявлено, что воспроизводство товарной формы рабочей силы в целом включает четыре типа: а) производство товаров посредством товаров, в котором рабочая сила выступает как фактор производства; б) производство людей посредством людей, в котором мужчины и женщины рассматриваются как родовая сила; в) производство знаний посредством знаний, то есть наука; г) производство человеком самого себя в качестве человеческого капитала.

В связи с развитием искусственного интеллекта и роботизации происходит сложный двусторонний процесс, который, с одной стороны, высвобождает работников от выполнения тяжелых и рутинных операций, а с другой, — создает предпосылки для изменения целевой функции экономики, ее *реальной меры*: перехода от производства материального богатства — к производству *собственного человеческого богатства*, связанного с человеческим капиталом.

Развитие человеческого капитала на основе роста трудового потенциала и сложности выполняемых работ требует современной формы реализации так называемого *закона распределения по труду*, в котором рост заработной платы непосредственно связан с ростом его сложности в виде соответствующей квалификации и разряда работ. В этой связи «требуемым временем» является возрождение института нормирования труда, в частности, необходима подготовка кадров, которым должно вменяться активное участие в формировании и развитии человеческого капитала трудящихся.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Минск, 1998. 720 с.
2. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1975. 455 с.
3. Милль Дж. С. Система логики силлогической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ.; предисл. и прил. В. К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп. М., 2011. 832 с.
4. Поппер К. Логика научного исследования / пер. с англ.; под общ. ред. В. Н. Садовского. М., 2010. 565 с.
5. Фридман М. Методология позитивной экономической науки // Философия экономики: антология / под ред. Д. Хаусмана; пер. с англ. Н. Автономовой и др. М., 2012. С. 177–216.
6. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова. М., 2009. 317 с.
7. Фейерабенд П. Против метода: очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М., 2007. 413 с.
8. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки / пер. с англ. И. Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса. М., 2008. 475 с.
9. Экономическое мышление: философские предпосылки: учеб. пособие / Е. Н. Калмычкова, И. Г. Чаплыгина. М., 2005. 272 с.
10. Сраффа П. Производство товаров посредством товаров. Прелюдия к критике экономической теории / пер. с англ. под ред. член-корр. РАН И. И. Елисеевой. М., 1999. 160 с.
11. Соболев Э. Н. Социальная политика в сфере труда: критерии эффективности и направления модернизации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 2. С. 32–46.
12. Крышка В. И., Доценко Д. А. Производство товаров посредством товаров и производство людей посредством людей в постсоветский период российской экономики // Вектор экономики. 2020. № 8. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/8/laboureconomics/Krishka_Dotsenko.pdf.
13. Крышка В. И., Перекаренко Ю. А., Солопова Н. Н. Положительные и отрицательные эффекты воспроизводства рабочей силы в постсоветский период российской экономики // Финансовая экономика. 2020. № 10. Ч. 1. С. 45–50.
14. Крышка В. И., Перекаренко Ю. А. Основные тенденции изменения заработной платы в связи с воспроизводством рабочей силы в современной российской экономике // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. № 9. С. 92–102. DOI: 10.17308/meps.2020.9/2432.

15. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / пер. с англ.; сост., науч. ред. послесл. Р. И. Капелюшников; предисл. М. И. Левин. М., 2003. 672 с.

REFERENCES

1. Hume D. A treatise on human nature. Minsk, 1998. 720 p.
2. Hegel G. Encyclopedia of philosophical sciences. Vol. 1. Science of logic. M., 1975. 455 p.
3. Mill J. C. System logic syllogisms and inductive: statement of principles of evidence in connection with the methods of scientific research / ed. angl.; foreword. and ADJ. V. K. Finn. Ed. 5-e, ispr. and ext. M., 2011. 832 p.
4. Popper K. the Logic of scientific research / ed. angl.; under the general editorship of V. N. Sadovskogo. M., 2010. 565 p.
5. Friedman M. Methodology of positive economic science // Philosophy of Economics: an anthology / ed. D. Housman; trans. from the English by N. Autonomova et al. M., 2012. Pp. 177–216.
6. Kuhn T. The structure of scientific revolutions / per. from the English by I. Z. Naletova. M., 2009. 317 p.
7. Feyerabend P. Against the method: an essay of the anarchist theory of knowledge / tran. from the Eng. by A. L. Nikiforov. M., 2007. 413 p.
8. Lakatos I. Selected works on philosophy and methodology of science / tran. from Eng. by I. N. Veselovsky, A. L. Nikiforov, V. N. Porusa. M., 2008. 475 p.
9. Economic thinking: philosophical prerequisites: textbook. manual / E. N. Kalmychkova, I. G. Chaplygina. M., 2005. 272 p.
10. Sraffa P. Production of goods by means of goods. Prelude to the criticism of economic theory / tran. from Eng. edited by a corresponding member. RAS I. I. Eliseeva. M., 1999. 160 p.
11. Sobolev E. N. Social policy in the sphere of labor: criteria of efficiency and directions of modernization // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2017. No. 2. Pp. 32–46.
12. Krishka V. I., Dotsenko D. A. Production of goods through goods and production of people through people in the post-Soviet period of the Russian economy // Vector of Economics. 2020. No. 8. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/8/laboureconomics/Krishka_Dotsenko.pdf.
13. Krishka V. I., Perekarenkova Yu. A., Solopova N. N. Positive and negative effects of labor force reproduction in the post-Soviet period of the Russian economy // Financial Economics. 2020. No. 10. P. 1. Pp. 45–50.
14. Krishka V. I., Perekarenkova Yu. A. The main trends in wage changes in connection with the reproduction of the labor force in the modern Russian economy // Modern economy: problems and solutions. 2020. No. 9. Pp. 92–102. DOI: 10.17308/meps.2020.9/2432.
15. Human behavior: an economic approach. Selected works on economic theory / trans. from English; comp., scientific ed. afterword by R. I. Kapelyushnikov; preface by M. I. Levin. M., 2003. 672 p.

Поступила в редакцию: 20.07.2021.

Принята к печати: 12.09.2021.

КОМПЛЕКСНАЯ ДИАГНОСТИКА СИТУАЦИИ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ ПЕРСОНАЛА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Л. Г. Миляева

Бийский технологический институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Бийск, Россия)

В условиях кризисной экономики существенно актуализируется потребность в анализе занятости персонала предприятия — важнейшей социально-экономической категории, во многом определяющей уровень конкурентоспособности и кадровой безопасности хозяйствующего субъекта. Теоретическая составляющая работы посвящена обоснованию сущности дефиниции «занятость персонала предприятия», позиционируемой как система социально-трудовых отношений в рамках конкретной кооперации труда; соответственно, методологическая составляющая работы — аргументация, описание и иллюстрации на условных примерах семи ключевых моментов, формирующих концепцию исследования занятости персонала на современном исследовательском этапе. Центральное место в статье отводится представлению оригинальной авторской методики комплексной (удовлетворенно-структурной) оценки ситуации в сфере занятости персонала предприятия, базирующейся на выделении комплексных типов занятости и разработке Матрицы занятости, позволяющей диагностировать достигнутый уровень кадровой безопасности, выявить проблемные моменты и обосновать адресные управленческие решения, нацеленные на их нормализацию. В заключение акцентируются отличительные особенности методики (простота, наглядность представления результатов, диверсифицированность использования, универсальный характер), обосновывается правомерность ее тиражирования в профильных изданиях.

Ключевые слова: занятость персонала предприятия, комплексные типы занятости, матрица занятости, кадровая безопасность предприятия, методический инструментарий.

COMPREHENSIVE DIAGNOSIS OF THE EMPLOYMENT SITUATION IN THE CONTEXT OF HUMAN RESOURCES SECURITY OF THE ENTERPRISE

L. G. Milyaeva

Biysk Institute of Technology, branch of Polzynov Altai State Technical University (Biysk, Russia)

In the context of a crisis economy, the need for an analysis of the employment of enterprise personnel is significantly updated — the most important socio-economic category, which largely determines the level of competitiveness and personnel safety of the economic entity. The theoretical component of the work is devoted to substantiating the essence of the definition of «employment of enterprise personnel,» positioned as a system of social and labor relations within the framework of a specific labor cooperation; accordingly, the methodological component of the work is argumentation, description and illustration on conditional examples of seven key points that form the concept of the study of personnel employment at the current research stage. The central place in the article is given to the presentation of the original author's methodology for a comprehensive (satisfied-structural) assessment of the situation in the field of employment of enterprise personnel, based on the allocation of complex types of employment and the development of the Employment Matrix, which allows you to diagnose the achieved level of personnel security, identify problematic issues and justify targeted management decisions aimed at their normalization. In conclusion, the distinctive features of the methodology are emphasized (simplicity, visibility of

the presentation of results, diversification of use, universal nature), and the legality of its replication in specialized publications is justified.

Keywords: employment of enterprise personnel, complex types of employment, employment matrix, personnel security of enterprise, methodological tools.

Неизменная актуальность проблематики занятости (населения, персонала, индивида) обеспечивается двумя взаимосвязанными обстоятельствами: многоаспектностью и социально-экономической сущностью категории. Повышенный интерес к ее исследованию на уровне хозяйствующих субъектов обусловлен, прежде всего, высокой ролью, отводимой эффективной занятостью персонала в обеспечении кадровой безопасности предприятий. Подтверждением этому выступают сущностные аспекты дефиниций «кадровая безопасность предприятия» и «занятость персонала предприятия». Напомним, что *кадровая безопасность* ассоциируется с *состоянием защищенности* предприятия и его кадров, обеспечиваемым эффективной системой управления персоналом, приоритетно нацеленной на установление нормальных социально-трудовых отношений, повышение лояльности и конкурентоспособности наемных работников, [1–6]; соответственно, *занятость* — с *социально-трудовыми отношениями*, возникающими между людьми по поводу их включения в конкретную кооперацию труда [7–8]. Иными словами, благополучная (эффективная, успешная и т. д., то есть «плюсовая») занятость является своеобразным гарантом кадровой безопасности предприятия.

Отмеченные выше обстоятельства ориентируют на поиск (или разработку) адекватного сущностной основе дефиниции «занятость персонала предприятия» методического инструментария. Между тем по результатам критического анализа профильной литературы правомерно заключить, что тесная связь дефиниции «занятость» с другими, близкими по сути, но не тождественными социально-экономическими категориями, приводит к расширению ее трактовки и, как следствие, к неадекватности используемого методического инструментария. Например, авторы [9] предлагают оценивать занятость персонала по результатам диагностики системы трудовой мотивации. И подобных примеров немало.

Концептуальную основу авторской позиции в отношении исследования занятости персонала предприятия формируют *семь ключевых моментов*.

Во-первых, на уровне хозяйствующего субъекта диагностика занятости должна быть сопряжена с оценкой степени удовлетворенности работников

различными составляющими социально-трудовых отношений, возникающих в рамках конкретной кооперации труда. Следовательно, в зависимости от степени удовлетворения анализируемыми параметрами правомерно обозначить следующие типы занятости:

- эффективная или удовлетворенная занятость;
- приемлемая или в большей степени удовлетворенная занятость;
- неэффективная или в большей степени неудовлетворенная занятость.

Необходимо подчеркнуть, что на индивидуальном уровне (на уровне конкретного работника) эффективная занятость сопряжена с удовлетворенностью всеми анализируемыми параметрами занятости (составляющими социально-трудовых отношений); соответственно, приемлемая занятость — с удовлетворенностью большинством анализируемых параметров занятости; неэффективная занятость — с неудовлетворенностью большинством типов социально-трудовых отношений. На групповом (коллективном) уровне приемлемая занятость персонала предприятия обеспечивается эффективной или в большей степени удовлетворенной занятостью большинства работников; соответственно, неэффективная занятость — доминированием работников с неудовлетворенным уровнем занятости.

Во-вторых, для перевода разнородных количественно-качественных оценок анализируемых составляющих занятости (социально-трудовых отношений) в сопоставимые уровневые величины логично выбрать метод балльных оценок, при реализации которого респондент оценивает уровень удовлетворенности каждым параметром занятости в заданном интервале («полностью удовлетворен» — максимальная балльная оценка; «полностью не удовлетворен» — минимальная балльная оценка). Поскольку нормируемый уровневый интервал, как правило, меняется от 0,20 до 1,00, логично использовать пятибалльную шкалу: полностью удовлетворен i -м параметром занятости —

5 баллов ($Y_i^{3AH} = \frac{5}{5} = 1,00$); соответственно, полно-

стью не удовлетворен — 1 балл ($Y_i^{3AH} = \frac{1}{5} = 0,20$).

В-третьих, диапазон градаций занятости определяется социальным типом предприятия (СОП — социально ориентированное предприятие, ТП — традиционное предприятие; СНП — социально

неориентированное предприятие) и обосновывается профильной экспертной комиссией в соответствии с принятой стратегией развития социально-трудовых отношений (табл. 1).

Таблица 1

Градации уровней удовлетворенности занятостью персонала
(условный пример)

Тип занятости	Социальный тип предприятия		
	СОП	ТП	СНП
Эффективная	0,90 до 1,00	от 0,80 до 1,00	от 0,70 до 1,00
Приемлемая	от 0,75 до 0,90	от 0,60 до 0,80	от 0,50 до 0,70
Неэффективная	от 0,20 до 0,75	от 0,20 до 0,60	от 0,20 до 0,50

В-четвертых, анализируемые параметры занятости (социально-трудовых отношений), как правило, неравнозначны. В соответствии с данным критерием правомерно обозначить следующие типы занятости:

- приоритетная (значимая, лидерская) занятость, отражающая степень удовлетворения работников предприятия высокосignificance параметрами (де-факто лидерами социально-трудовых отношений);
- нормальная занятость, отражающая степень удовлетворения работников предприятия среднесignificance параметрами;
- незначимая (аутсайдерская) занятость, отражающая степень удовлетворения работников предприятия малосignificance параметрами.

В-пятых, для выявления относительной значимости параметров занятости (социально-трудовых отношений) можно использовать, по меньшей мере, три метода:

а) метод экспертных оценок;

б) метод, базирующийся на идее построения мотивационного профиля Ш. Ричи и П. Мартина [10], часто используемый в профильных методиках по экономике труда [11];

в) метод парного сравнения анализируемых показателей, в основу которого положен принцип: если сравниваемые показатели равноценны, каждому присваивается 1 балл; если нет, то более значимый параметр получает 2 балла, а менее значимый — 0 баллов. Представляется, что по диагонали выставляются единицы, поскольку каждый из анализируемых параметров занятости (табл. 2) сравнивается сам собой.

Таблица 2

Результаты оценки относительной значимости анализируемых параметров
занятости (условный пример)

	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7	№ 8	№ 9	№ 10	Σ	d_i
№ 1	1	2	1	2	2	1	2	1	2	1	15	0,15
№ 2	0	1	1	2	1	2	1	1	0	1	10	0,10
№ 3	1	1	1	0	1	2	1	2	1	1	11	0,11
№ 4	0	0	2	1	2	2	2	1	1	2	13	0,13
№ 5	0	1	1	0	1	0	1	0	0	1	5	0,05
№ 6	1	0	0	0	2	1	1	1	1	0	7	0,07
№ 7	0	1	1	0	1	1	1	2	1	1	9	0,09
№ 8	1	1	0	1	2	1	0	1	2	2	11	0,11
№ 9	0	2	1	1	2	1	1	0	1	1	10	0,10
№ 10	1	1	1	0	1	2	1	0	1	1	9	0,09
Итого	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100	1,00

В-шестых, диагностика занятости персонала предприятия должна проводиться одновременно по двум критериям (1 — уровню удовлетворенности параметрами занятости; 2 — уровню относительной значимости параметров занятости), то есть должна быть комплексной (табл. 3). Допустим, по результатам *адекватной* удовлетво-

ности *высокозначимыми* параметрами занятости следует констатировать комплексный тип занятости: ТЗ₁₁ (значимо-эффективный). Соответственно, на основании *приемлемой* удовлетворенности *среднезначимыми* параметрами — тип ТЗ₂₂ (нормально-приемлемый) и т. д.

Таблица 3

Варианты комплексных типов занятости (ТЗ) персонала предприятия

Уровень удовлетворенности параметрами занятости	Уровень относительной значимости параметров занятости		
	1. Высокий	2. Средний	3. Низкий
1. Адекватный	ТЗ ₁₁ : значимо-эффективный	ТЗ ₂₁ : нормально-эффективный	ТЗ ₃₁ : незначимо-эффективный
2. Приемлемый	ТЗ ₁₂ : значимо-приемлемый	ТЗ ₂₂ : нормально-приемлемый	ТЗ ₃₂ : незначимо-приемлемый
3. Неадекватный	ТЗ ₁₃ : значимо-неэффективный	ТЗ ₂₃ : нормально-неэффективный	ТЗ ₃₃ : незначимо-неэффективный

В-седьмых, итоговая оценка занятости, обосновывающая диагностику кадровой безопасности (защищенности) предприятия, должна выполняться в соответствии с двумя критериями.

Первым критерием является *интегральный уровень удовлетворенности персонала занятостью*, рассчитанный по всем (высокозначимым, среднезначимым и малозначимым) параметрам:

$$y^{y3} = \sum_{i=1}^n (y_i^{y3} \times d_i),$$

где y^{y3} — интегральный (средневзвешенный) уровень удовлетворенности занятостью;

y_i^{y3} — частный (по i -му параметру) уровень удовлетворенности занятостью;

d_i — относительная значимость i -го параметра занятости.

Напомним, что величина интегрального уровня удовлетворенности персонала занятостью (y^{y3}) позволяет диагностировать тип (эффективный, приемлемый, неэффективный) занятости (табл. 1).

Вторым критерием выступает *структура комплексных типов занятости*, (сокращенно — структура занятости), для иллюстрации которой целесообразно использовать Матрицу занятости (табл. 4). Очевидно, что ее ячейки имеют условные оценки («отлично»; «хорошо»; «удовлетворительно»; «проблемно»), отражающие гипотетическую согласованность (логичность) возможных уровней удовлетворенности и значимости параметров занятости.

Таблица 4

Матрица занятости персонала предприятия

Уровень удовлетворенности параметрами занятости	Уровень относительной значимости параметров занятости		
	1. Высокий	2. Средний	3. Низкий
1. Адекватный	d_{11} (отлично)	d_{21} (хорошо)	d_{31} (удовлетворительно)
2. Приемлемый	d_{12} (хорошо)	d_{22} (хорошо)	d_{32} (удовлетворительно)
3. Неадекватный	d_{13} (проблемно)	d_{23} (проблемно)	d_{33} (удовлетворительно)

Структура занятости персонала предприятия может быть:

- *идеальной* (эталонной), если в Матрице занятости доля d_{11} составляет 100%, то есть все работники предприятия относятся к значимо-эффективному типу (ТЗ₁₁);
- *нормальной*, если в Матрице занятости заполнены ячейки с условными оценками «отлично» и «хорошо» (d_{11} ; d_{12} ; d_{21} ; d_{22});

— *удовлетворительной*, если в Матрице занятости заполнены ячейки с положительными оценками («отлично», «хорошо», «удовлетворительно») и пустуют «проблемные ячейки» (d_{13} ; d_{23});

— *неудовлетворительной*, если в Матрице занятости заполнена хотя бы одна из проблемных ячеек.

Итоговая (по результатам комплексной оценки) ситуация в сфере занятости персонала пред-

приятия (табл. 5) позволяет диагностировать четыре уровня кадровой безопасности (U^{KB}):

- *высокий* уровень, обеспечиваемый адекватным уровнем удовлетворенности (эффективной занятостью) и преимущественно нормальной (поскольку на практике идеальная структура встречается крайне редко) структурой занятости;
- *средний* уровень, обеспечиваемый приемлемым уровнем удовлетворенности (при-

емлемой занятостью) и нормальной структурой занятости;

- уровень *ниже среднего*, обеспечиваемый приемлемой занятостью и удовлетворительной структурой занятости;
- *критично низкий* уровень кадровой безопасности, указывающий на неэффективную (неудовлетворенную) занятость и ее неудовлетворительную структуру.

Таблица 5

Диагностика уровня кадровой ситуации предприятия по ситуации в сфере занятости

Уровень удовлетворенности занятостью (тип занятости)	Структура занятости	Ситуация в сфере занятости	Уровень кадровой безопасности
Адекватный (эффективная)	Нормальная, идеальная	Благополучная	Высокий
Приемлемый (приемлемая)	Нормальная	Нормальная	Средний
	Удовлетворительная	С элементами проблемности	Ниже среднего
Неадекватный (неэффективная)	Неудовлетворительная	Проблемная	Критично низкий

Акцентированные моменты положены в основу методики комплексной (удовлетворенно-структурной) оценки ситуации в сфере занятости персонала предприятия. Подчеркнем, что основные параметрические характеристики любой методики аккумулируют ее. Визитная карточка, состав и ее структура определяются разработчиками. Накопленный опыт показывает, что, как правило, ко-

личество параметров (иллюстраторов методики) находится в интервале от 5 до 10. Нетрудно подсчитать, что Визитная карточка представляемой методики (табл. 6) аккумулирует 7 параметров. В дальнейшем их количество может увеличиться за счет дополнения, например, параметрами, отражающими уровень практической апробации и уровень тиражирования методики в профильных изданиях.

Таблица 6

Визитная карточка методики комплексной оценки ситуации в сфере занятости персонала предприятия

Параметры	Характеристика параметров
Тип методики	Универсальный
Вид методики	Количественно-качественный
Концептуальная основа	Занятость персонала предприятия представляет систему социально-трудовых отношений (СТО) между людьми, включенными в конкретную кооперацию труда; определяется степенью удовлетворенности работников составляющими СТО и обуславливает уровень кадровой безопасности (защищенности) хозяйствующего субъекта
Информационная база	Материалы опросной статистики (анкетирования) работников предприятия; результаты экспертных оценок
Диагностируемые уровни удовлетворенности занятостью	— <i>Частные</i> уровни, рассчитанные по отдельным параметрам занятости ($U_i^{Y^3}$); — <i>групповые</i> уровни, исчисленные как среднеарифметические величины высокозначимых ($U_{B^3}^{Y^3}$), среднезначимых ($U_{C^3}^{Y^3}$), малозначимых ($U_{M^3}^{Y^3}$) параметров занятости; — <i>интегральный</i> уровень, представляющий средневзвешенную величину всех параметров занятости или трех групповых уровней (U^{Y^3})
Результаты реализации методики	В разрезе функциональных категорий и персонала предприятия в целом: — <i>уровень удовлетворенности занятостью</i> (тип занятости); — <i>структура занятости</i> (по комплексным типам); — <i>матрица занятости</i>
Целевое предназначение методики (табл. 5)	— <i>Комплексная</i> (удовлетворенно-структурная) <i>диагностика ситуации в сфере занятости</i> персонала предприятия; — <i>выявление уровня кадровой безопасности</i> (защищенности) предприятия; — <i>обоснование адресных управленческих решений</i> в сфере занятости персонала и кадровой безопасности предприятия

Алгоритм реализации методики комплексной оценки ситуации в сфере занятости персонала предприятия предполагает последовательное выполнение следующих 10 этапов:

Первый этап — формирование экспертной комиссии.

Второй этап — анализ стратегических приоритетов развития социально-трудовых отношений на предприятии; обоснование по его результатам уровневых градаций занятости (эффективной, приемлемой, неэффективной).

Третий этап — обоснование (формирование) перечня параметров, всесторонне характеризующих социально-трудовые отношения (СТО) в рамках конкретной кооперации труда. Подчеркнем, что в качестве базового, при необходимости подлежащего корректировке (как в сторону замещения, так и в сторону удлинения или сокращения), может быть использован перечень параметров СТО, предложенный коллективом исследователей [12].

Четвертый этап — разработка опросной Анкеты (Анкеты респондента), предназначенной для выявления индивидуальных уровней удовлетворенности параметрами занятости и их относительной значимости.

Пятый этап — обоснование объема, состава и структуры выборки респондентов. Опыт показывает, что чаще всего структура выборки соответствует функционально-категориальной структуре персонала предприятия (руководители, специалисты, рабочие).

Шестой этап — анкетирование респондентов; аккумулирование и систематизация материалов опросной статистики.

Седьмой этап — обработка материалов опросной статистики в разрезе функциональных категорий и персонала предприятия в целом, сопряженная:

- с разграничением перечня анализируемых параметров социально-трудовых отношений на три уровня значимости (высокозначимые, среднезначимые, малозначимые);

- с определением средних балльных оценок параметров занятости;
- с расчетом частных, групповых и интегрального уровней удовлетворенности занятостью;
- с разработкой матриц занятости персонала;
- с выявлением структуры занятости персонала предприятия.

Восьмой этап — диагностика ситуации в сфере занятости персонала предприятия, базирующаяся на результатах комплексной (удовлетворенно-структурной) оценки параметров СТО (табл. 5).

Девятый этап — диагностика уровня кадровой безопасности (защищенности) предприятия (табл. 5).

Десятый этап — обоснование адресных управленческих решений, направленных на нормализацию ситуации в сфере занятости персонала и повышение уровня и кадровой безопасности предприятия.

В заключение подчеркнем, что кризисные явления в российской экономике, усиленные в последние годы пандемией коронавируса, существенно актуализировали потребность в анализе занятости персонала предприятия (организации) — важнейшей социально-экономической категории, во многом определяющей уровень кадровой безопасности хозяйствующего субъекта. Целям и задачам современного этапа исследования в полной мере соответствует представленная в работе методика комплексной (удовлетворенно-структурной) оценки ситуации в сфере занятости персонала предприятия, позволяющая диагностировать достигнутый уровень кадровой безопасности, выявить проблемные моменты и обосновать адресные управленческие решения, нацеленные на их нормализацию. Представляется, что наглядность, относительная простота реализации и типовой характер методики обосновывают правомерность ее тиражирования в профильных изданиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузнецова Н. В. Понятийный анализ кадровой безопасности // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2011. № 4. С. 22.
2. Сафиуллина А. И. Современные подходы к определению понятия «кадровая безопасность» // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 1 (35). С. 102–104.
3. Миляева Л. Г. Теоретико-методические аспекты экспресс-диагностики кадровой безопасности предприятия // Экономика Профессия Бизнес. 2020. № 3. С. 59–66.
4. Фурсов В. А., Лазарева Н. В., Куц Е. Н., Аветова К. Г. Кадровая безопасность предприятия: подходы, диагностика, направления совершенствования // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 4–2. С. 270–276.

5. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцев Е. Б. Современный экономический словарь. М., 2005. 480 с.
6. Борисов А. Б. Большой экономический словарь. М., 2006. 860 с.
7. Котляр А. Э. Теоретические проблемы занятости остаются актуальными // Человек и труд. 1996. № 5. С. 9–11.
8. Миляева Л. Г., Маркелов О. И., Подольная Н. П. Комплексный анализ современных проблем занятости и безработицы: монография. Барнаул, 2002. 191 с.
9. Халиулина В. В., Груздев А. С. Управление занятостью на предприятии и проблемы мотивации персонала // Вестник КемГУ. 2009. № 1 (37). С. 103–106.
10. Ричи Ш. Управление мотивацией: учеб. пособие для вузов / Ш. Ричи, П. Мартин; пер. с англ. под ред. проф. Е. А. Климова. М., 2004. 399 с.
11. Миляева Л. Г. Методические аспекты выявления профиля приоритетности параметров качества трудовой жизни персонала предприятий // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2018. № 5 (ч. 1). С. 51–54.
12. Беляев В. И., Кузнецова О. В., Пяткова О. Н. Социально-трудовые отношения: современное состояние и направления развития концептуальной модели // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 42. С. 41–60.

REFERENCES

1. Kuznetsova N. V. Conceptual analysis of personnel security // Izvestia of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law). 2011. No. 4. P. 22.
2. Safiullina A. I. Modern approaches to the definition of the concept of «personnel security» // Scientific electronic journal Meridian. 2020. No. 1 (35). Pp. 102–104.
3. Milyaeva L. G. Theoretical and methodological aspects of express diagnostics of personnel safety of the enterprise // Economics Profession Business. 2020. No. 3. Pp. 59–66.
4. Fursov V. A., Lazareva N. V., Kushch E. N., Avetova K. G. Personnel safety of the enterprise: approaches, diagnostics, areas of improvement // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020. No. 4–2. Pp. 270–276.
5. Sorted B. A., Lozovsky L. Sh., Starodubtsev E. B. Modern economic dictionary. Moscow, 2005. 480 p.
6. Borisov A. B. Big economic dictionary. Moscow, 2006. 860 p.
7. Kotlyar A. E. Theoretical problems of employment remain relevant // Man and labor. 1996. No. 5. Pp. 9–11.
8. Milyaeva L. G., Markelov O. I., Podolnaya N. P. Comprehensive analysis of modern problems of employment and unemployment: monograph. Barnaul, 2002. 191 p.
9. Khaliulina V. V., Gruzdev A. S. Employment management at the enterprise and problems of staff motivation // Bulletin of KemSU. 2009. No. 1 (37). Pp. 103–106.
10. Ritchie S. Motivation Management: Study Manual for Universities / S. Ritchie, P. Martin; trans. from English to ed. Prof. E. A. Klimova. Moscow, 2004. 399 p.
11. Milyaeva L. G. Methodological aspects of identifying the priority profile of the quality of working life parameters of employees of enterprises // Competitiveness in the global world: economics, science, technology. 2018. No. 5 (Part 1). Pp. 51–54.
12. Belyaev V. I., Kuznetsova O. V., Pyatkova O. N. Social and labor relations: the current state and directions of development of the conceptual model // Bulletin of Tomsk State University. Economics. 2018. No. 42. Pp. 41–60.

Поступила в редакцию: 20.08.2021.

Принята к печати: 23.09.2021.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМАТА ТРЕБОВАНИЙ К ОХРАНЕ ТРУДА В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРИВЫЧЕК ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ

В. А. Сенченко¹, Т. Т. Каверзнева², С. В. Китаев³, Н. Х. Абдрахманов⁴

¹ПАО «Ростелеком» Волгоградский филиал (Волгоград, Россия)

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

³Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС (Волгоград, Россия)

⁴Уфимский государственный нефтяной технический университет (Уфа, Россия)

Инструкции по охране труда в сегодняшнем виде существуют с прошлого века. За это время появились мобильные телефоны, появился Интернет, люди высадились на Луну. Инструкции по охране труда остались в своем неизменном состоянии.

Поколение Z все активнее начинает вступать в трудовую деятельность. Его представителей отличает от предыдущего поколения то, что они фактически «родились с планшетами, мобильными телефонами и смартфонами». С рождения они окружены «цифровой паутиной», поскольку интернет-технологии являются неотъемлемой частью жизни их родителей. Это первое поколение, глубоко вовлеченное в цифровые технологии, поэтому архаичный формат донесения требований охраны труда по форме и содержанию для новых поколений становится малоэффективным.

В статье приводится исторический экскурс законодательной базы регулирующих правовой статус инструкций по охране труда. Проведен расчет экономической эффективности бумажного и цифрового варианта их размещения. Обоснован переход к цифровому формату инструкций по охране труда на основе изменения потребительских привычек восприятия информации. Для удобства использования инструкций предложено использование QR-кода с ссылкой на место их размещения.

Ключевые слова: инструкция по охране труда, цифровая экономика, поведенческие паттерны, цифровые технологии, требования охраны труда, потребительское поведение, поколение Z, восприятие информации, эффективность обучения.

TRANSFORMATION OF THE FORMAT OF LABOR PROTECTION REQUIREMENTS IN CONNECTION WITH CONSUMER HABITS OF INFORMATION PERCEPTION

V. A. Senchenko¹, T. T. Kaverzneva², S. V. Kitaev³, N. Kh. Abdrakhmanov⁴

¹PAO "Rostelecom" Volgograd branch (Volgograd, Russia)

²Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

³Volgograd Institute of Management — branch of RANEPa (Volgograd, Russia)

⁴Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russia)

Instructions on labor protection in today's form have existed since the last century. During this time, mobile phones and the Internet appeared, people landed on the moon. The occupational safety instructions remained unchanged.

Generation Z is increasingly beginning to enter the workforce. It's representatives are distinguished from the previous generation by the fact that they were actually "born with tablets, mobile phones and smartphones." From birth, they are surrounded by a "digital web", since Internet technologies are an integral part of their parents' lives. This is the first generation deeply involved in digital technologies, so the archaic format of reporting labor protection requirements in form and content for new generations becomes ineffective.

This article provides a historical digression of the legislative framework regulating the legal status of labor protection instructions. The calculation of the economic efficiency of paper and digital versions of their placement has been carried out. The transition to the digital format of labor protection instructions based on changes in consumer habits of information perception is justified. For the convenience of using the instructions, it is proposed to use a QR-code with a link to the location of the place of their placement.

Keywords: labor protection instructions, digital economy, behavioral patterns, digital technologies, labor protection requirements, consumer behavior, generation Z, information perception, training efficiency.

Введение. Инструкции по охране труда (далее — Инструкции) в течение многих лет, десятилетий остаются в неизменном состоянии. По своей сути область охраны труда традиционно консервативна. В обычном сознании людей инструкции должны существовать только на бумажном носителе. Парадигма мышления пока не подразумевает цифровой формат доступа к инструкциям. Однако содержать их на бумажном носителе для компаний с множеством удаленных рабочих мест — это дополнительная нагрузка на бизнес.

Теоретической и методологической основой проведенного исследования являются статьи и монографии российских и зарубежных ученых и данные, полученные в ходе мониторинга системы управления охраной труда в ПАО «Ростелеком». В ходе исследования авторами использованы общенаучные и специальные методы, такие как наблюдение, анализ и синтез, системный подход, сравнительный метод.

Законодательные аспекты инструкций по охране труда. Инструкция по охране труда — это важный и нужный документ в системе обеспечения безопасности труда. В нем излагаются все необходимые меры безопасности для отдельных профессий и видов выполняемых работ. По своей сути инструкции содержат в себе все требования охраны труда на рабочем месте или по виду работ.

Трудовой кодекс Российской Федерации возлагает обязанности по обеспечению безопасных условий и охраны труда на работодателя. Он обязан обеспечить разработку и утверждение инструкций по охране труда для работников с учетом мнения уполномоченного органа.

Стоит отметить, что первоначальная формулировка в Трудовом кодексе РФ при принятии этого документа в 2001 г. концептуально практически не изменилась. Более того, если мы возьмем Кодекс законов о труде РСФСР в редакции от 9 декабря 1971 г., то в ст. 145 «Инструкции по охране труда, обязательные для рабочих и служащих» мы увидим, что и 50 лет назад работники были обязаны соблюдать инструкции по охране труда, а администрация предприятий должна была их разра-

батывать. Типовые инструкции разрабатывались соответствующими министерствами и ведомствами по согласованию с центральными комитетами профессиональных союзов. В Кодексе законов о труде 1918 г. и 1922 г. прямых указаний о необходимости разработки инструкций по охране труда самими предприятиями нет, но, однако, имеются инструкции по охране труда тех времен, утвержденные органами Советской власти. Таким образом, первые инструкции по охране труда в России появились около 100 лет назад, а организационные требования к разработке и использованию инструкций концептуально не менялось более 50 лет.

В настоящее время действуют методические рекомендации по разработке инструкций по охране труда [1]. В соответствии с рекомендациями они разрабатываются с учетом должности, профессии или вида выполняемой работы. Местонахождение инструкций по охране труда рекомендуется размещать в легко доступном для работников месте.

Приложение 4 методических рекомендаций содержит образцы инструкций по охране труда. Их образцы включают титульный лист и текст инструкции, который состоит из 5 разделов: 1. Общие требования; 2. Требования перед началом работы; 3. Требования во время работы; 4. Требования в аварийных ситуациях; 5. Требования по окончании работы. Другими словами, методические рекомендации являются действующим нормативным документом, который определяет форму и содержание инструкции по охране труда.

Типовые положения о системе управления охраной труда [2] содержат структуру и основные ее положения (далее — СУОТ). Функционирование СУОТ осуществляется работодателем посредством соблюдения требований охраны труда с учетом специфики своей деятельности, в том числе установленными правилами и инструкциями. Таким образом, СУОТ опирается, в том числе, и на инструкции по охране труда.

Цифровизация экономики и поколение Z. Тенденция к цифровизации экономики и общества в целом наблюдается во всем мире и является глобальной. Мы находимся сейчас в цифровой эре и информационные технологии каждый день

стремительно сменяют друг друга. На федеральном уровне принимаются меры для развития цифровой экономики в РФ [3, 4].

Цифровизация государственных и коммерческих услуг, финансовых услуг для населения страны стала обычным и привычным делом. Сегодня совершить перевод в Сбербанк онлайн в несколько сот тысяч рублей можно за несколько секунд. Подписать договор долевого участия в строительстве жилья с применением электронно-цифровой подписи стало обычным делом. Электронные сделки с недвижимостью в ряде регионов становятся традиционными. Цифровизация процессов

позволяет сократить время, расстояние, ресурсы и силы [5, 6].

Меняются не только технологии, но и парадигма мышления [7]. Безусловно, при цифровизации всей экономики парадигма мышления будет меняться у всего населения страны, в том числе и в профессиональных сообществах, не связанных с цифровизацией. Концепции поколений изложены в работах многих авторов. Существуют несколько их классификаций в контексте исторического развития России [8]. Наиболее распространенные названия поколений и их основные черты приведены в таблице 1.

Таблица 1

Классификация поколений в контексте исторического развития

Названия поколений	Годы рождения	Основные черты поколений
Бэби-бумеры (поколение эпохи застоя)	1944–1963	Оптимизм, заинтересованность в личном росте и вознаграждении. Наличие коллективизма и командного духа, взаимовыручка, культ молодости
Поколение X (реформенное поколение)	1964–1984	Готовность к изменениям, возможность выбора, глобальная информированность, техническая грамотность, индивидуализм, стремление учиться в течение всей жизни, неформальность взглядов, поиск эмоций, прагматизм, надежда на себя, равноправие полов
Поколение Y (поколение миллениумы)	1985–2003	Гражданский долг и мораль, ответственность. Психологи отмечают скептицизм и неумение подчиняться, ожидание немедленного эффекта и вознаграждения
Поколение Z	2004+	Отмечается интернет-зависимость. Значительную часть жизни проводят в Интернете, многозадачность, практичность, техническая и информационная грамотность

Молодое поколение работников, которые заканчивают обучение — поколение Z, все активнее начинает вступать в трудовую деятельность. К 2025 г. поколение Z будет составлять около 25% всей рабочей силы [9]. Представители поколения Z рождены в мире массового распространения цифровых технологий. В их представлении реальный и цифровой миры связаны очень тесно: виртуальный мир — неотъемлемая часть реального мира [10]. В отличие от предыдущих поколений, Интернет — неотъемлемая часть жизни самих представителей поколения и их родителей. Их культура и жизненные принципы ощутимо отличаются от предыдущих поколений, что логично отражается и на их потребительских привычках [11–15].

Интернет сегодня является главным источником медиапотребления для поколения Z. В режиме онлайн его представители проводят в среднем около 35 часов в неделю, чаще всего для выхода в Интернет используют смартфон, через который заходят в социальные сети, смотрят видео, слушают музыку. Для эффективной коммуникации с поколением Z важно использовать удобный сервис, яркий видеоряд, переключение внимания. Кроме

того, «Номо medium» не только потребляют контент, но и его генерируют. Каждый «Я» активен в виртуальном пространстве [16]. Для поколения Z важна зрелищность, чтобы контент был интересным, интерактивным, учитывающим индивидуальные потребности потребителей. Им важно делиться своими знаниями и успехами, получать обратную связь, знать конечную цель обучения.

В настоящее время в учебных заведениях все активнее внедряются образовательные методики с использованием облачных технологий, которые являются основой для инновационного развития учебного заведения и дают положительные результаты [17–20]. Поэтому вчерашние выпускники учебных заведений не воспринимают бумажный формат инструкций и не усваивают надлежащим образом те знания, которые в них содержатся. Архаичный формат донесения требований охраны труда по форме и содержанию для новых поколений становится малоэффективным и проблематичным, так как выпадает из их внимания.

Инструкции по охране труда при цифровой трансформации. Если мы говорим об инструкции как документе, содержащем правила, указания

или руководства, устанавливающие порядок и способ безопасного выполнения определенного вида работ или осуществления определенной трудовой функции, то данный документ должен быть доступен и понятен для всех социальных групп работников, для кого он предназначен. Если этот документ будет не понят и не востребован, то эффективность указанных требований охраны труда будет стремиться к нулю. Ценность приносят не сами бумажные инструкции по охране труда, а требования охраны труда, в результате изучения которых работник соблюдает эти требования [21, 22]. Поэтому с цифровизации общества возникает необходимость менять подход в вопросах обеспечения инструкциями.

Законодатель с 2004 г. рекомендует местонахождение инструкций для работников определять с учетом обеспечения доступности и удобства ознакомления с ними. Если мы говорим про поколение Z, которое больше общается с смартфоном и другими гаджетами, то им будет более привыч-

ный формат размещения инструкций по охране труда на сетевом диске предприятия или в облачном хранилище. Для удобства мы размещаем в нужном месте QR-код с ссылкой на место размещения необходимой инструкции. Считыватель QR-кода есть во всех смартфонах. Таким образом, инструкцию по охране труда не надо искать. Она находится в том месте, где она требуется. На рисунке 1 изображена электродрель. На боковой стороне размещен QR-код для перехода по ссылке на инструкцию по охране труда. Если что-то не знаешь или забыл, меры безопасности при работе с электродрелью находятся на самой электродрели. По QR-коду переходишь по ссылке, где размещена инструкция по эксплуатации и инструкция по охране труда. На рисунке 2 размещена фотография аккумуляторного помещения. На стене размещен QR-код для перехода по ссылке на инструкцию по охране труда при выполнении работ в аккумуляторной с указанием всех необходимых мер безопасности.

Рис. 1. Дрель с QR-кодом

Мобильные телефоны в настоящий момент есть практически у всех людей. У более чем 90% россиян есть смартфон. Поэтому большая часть трудоспособного населения может перейти по QR-коду и прочитать инструкцию по охране труда. Для поколения Z это будет даже привычнее, чем читать ее на бумажном носителе.

Размещение инструкций по охране труда в цифровом формате крупному работодателю может сэкономить значительное количество денежных средств, так как привычный формат инструкций

Рис. 2. Аккумуляторная с QR-кодом

по охране труда — распечатывание на бумажном носителе — стоит дороже. Это расходы на бумагу, принтер и ксерокс при распечатывании инструкций. А также место, которое они должны занимать. Если учитывать эти расходы в размере больших корпораций, то это будут значительные средства. В таблице 2 приведено несколько типовых подразделений компании в отрасли «Связь», а также данные по количеству инструкций по охране труда в этих подразделениях и количество листов бумаги, содержащихся в них.

Таблица 2

**Количество инструкций по охране труда в типовых подразделениях
компании отрасли «Связь»**

Подразделение	Подразделения / Места расположения рабочих мест	Количество действующих инструкций по охране труда в подразделении	Количество страниц в этих инструкциях	Количество комплектов инструкций по охране труда на этих рабочих местах	Общее количество страниц в инструкциях
Транспортный центр (80 человек)	Линейный участок № 1	62	1054	4	4216
	Линейный участок № 2	62	1054	3	3162
	Линейный участок № 3	62	1054	2	2108
	Участок обслуживания операторов связи	54	918	3	2754
	Участок обслуживания беспроводных сетей	54	918	1	918
	Энергетический участок	47	818	2	1636
	Станционный участок	56	952	2	1904
ИТОГО Транспортный центр				17	16698
Межрегиональный центр р. п. Городище (76 человек)	Городищенский	66	1176	2	2352
	Дубовский	66	1176	2	2352
	Иловлинский	66	1176	1	1176
	Светлоярский	66	1176	1	1176
	Клетский	66	1176	1	1176
	Фроловский	66	1176	2	2352
ИТОГО Межрегиональный центр р. п. Городище				9	10584
Межрегиональный центр г. Калач — на-Дону (58 человек)	Калачевский	66	1176	2	2352
	Сувоикинский	66	1176	1	1176
	Чернышковский	66	1176	1	1176
	Октябрьский	66	1176	1	1176
	Котельниковский	66	1176	1	1176
ИТОГО Межрегиональный центр Калач-на-Дону				6	7056

Из данных таблицы 2 получается, что количество необходимых комплектов инструкций по охране труда должно быть для:

- 1) транспортного центра — 17 комплектов на 16698 страницах;
- 2) межрегионального центра р. п. Городище необходимо 9 комплектов на 10584 страницах;

3) межрегионального центра г. Калач-на-Дону необходимо 6 комплектов на 7056 страницах.

Таким образом, для обеспечения трех типовых подразделений в общем количестве 214 человек надо иметь 32 комплекта инструкций по охране труда на 34338 страницах.

Таблица 3

Затраты на тиражировании инструкций по охране труда

Затраты	Стоимость, руб.	Единица измерений
Бумага офисная 500 листов формата А4, тип покрытия — офсетная, плотность — 80 г/м ²	220–250 (берем 230)	500 листов
Картридж для печати	350–500 (берем 400)	Ресурс 2000 листов
Трудовые затраты на размножение, передачу и сортировку документов	200	1 комплект инструкций по охране труда

На основании данных таблицы 2 и 3 мы можем посчитать экономическую составляющую тиражирования в бумажном виде инструкций перед цифровым форматом.

На бумажном носителе и в цифровом формате контрольный экземпляр инструкций по охране труда с оригинальными подписями должен быть, то здесь у нас затратная часть одинаковая. При тиражировании в цифровом формате у нас затраты на тиражирование отсутствуют. Затратами на содержание файла-хранилища мы можем пренебречь, так как эти затраты с учетом занимаемой памяти будут очень малы. Тогда получаем затраты на тиражирование инструкций по охране труда для 32 подразделений компании, в которой размещены рабочие места:

$$34338 / 500 * 230 + 34338 / 2000 * 400 + 32 * 200 = \\ = 15795,48 + 6867,6 + 6400 = 29063,08 \text{ руб.}$$

Мы получили затраты на 32 комплекта инструкции по охране труда для обеспечения подразделений в общем количестве 214 человек. Средние затраты на один комплект инструкций по охране труда составят $29063,08 / 32 = 908,22$ руб. Из вышеуказанных данных можно вычислить среднее количество человек в подразделении и таким образом ввести коэффициент территориальной распределенности рабочих мест на одном участке в компании. В нашем случае он получается $214 / 32 = 6,68$ человек/участок. Чем он меньше, тем меньше территориально удаленных друг от друга различных по своему назначению участков компании. И, наоборот, чем больше, тем меньше участков. Данный коэффициент может дать нам понимание о порядке затрат на содержание инструкций по охране труда в целом по компании.

В ПАО «Ростелеком» ориентировочная численность сотрудников составляет 126,9 тыс. человек. Эту численность мы делим на коэффициент территориальной распределенной рабочих мест на одном участке в компании и умножаем на стоимость одного комплекта инструкций. У нас получатся ориентировочные совокупные затраты на инструкции по охране труда в целом: $126900 \text{ человек} / 6,68 * 908,22 \text{ руб.} = 17253460,0 \text{ руб.}$ Конечно же, эти цифры ориентировочные, но для того чтобы повысить достоверность данных, придется в разы увеличить затраты на сбор информации.

Поэтому для больших компаний с разветвленной филиальной сетью и удаленными друг от друга рабочими местами — эти затраты составляют в абсолютном значении огромную сумму. Учитывая, что инструкции по охране труда должны пересматриваться при изменении требований не реже 1 раза в 5 лет, то эти затраты будут регулярными для компании. Однако практика показывает,

что в условиях динамических изменений требований охраны труда инструкции по охране труда меняются не реже 1 раза в 3 года.

Формат содержания инструкций по охране труда. Одной из самых выраженных тенденций в последнее время является рост популярности потребления населением видеоконтента из сети Интернет. Существуют «объективные» причины для увеличения видеоконтента. Во-первых, это возможность воздействовать на несколько точек восприятия потребителя сразу. Этот принцип отлично работает в случае игры на когнитивной лениности человека. Гораздо проще вбить в поисковую строку запрос и посмотреть руководство, нежели читать инструкции. Наглядно, быстро, эффективно. При потреблении видеоконтента пользователем можно рекламировать продукцию и услуги, релевантные интересу пользователя контента.

Данная тенденция соотносится с экспериментальными исследованиями компонента педагогической технологии визуализации учебной информации [23]. Реализация такой технологии подтвердила, что обучение с их использованием положительно сказывается на учебном процессе высшего образования. Студенты старших курсов показывают большую активность и заинтересованность в освоении учебной информации, а руководители образовательных учреждений констатируют повышение общих показателей успеваемости в экспериментальных группах [14, 24–27].

Получается, что видеоконтент проще потребить и через него проще воздействовать. Поэтому и инструкции по охране труда было бы проще посмотреть, чем читать. На уровне паттерного поведения молодого поколения уже формируется формат потребления информации. Он находится не на бумажном носителе, а в форме видеоконтента.

Видеоинструкции по охране труда в настоящий момент законодательством не предполагаются. Но со сменой парадигмы мышления и сменой паттерного поведения восприятия информации у большей части населения это время уже скоро наступит.

Выводы. Культура и жизненные принципы нового поколения ощутимо отличаются от предыдущих поколений, что логично отражается и на их потребительских привычках и восприятии информации.

В настоящий момент становится актуальной задача донесения информации о требованиях безопасности труда в цифровом формате для нового молодого поколения, так как это более привычный формат восприятия.

Экономика тиражирования инструкций на бумажном носителе говорит о том, что это — затратная часть, которая не несет никакой ценности для компании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Методические рекомендации по разработке инструкций по охране труда, утвержденные Министерством труда Российской Федерации от 13.05.2004. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200114334/> (дата обращения: 03.10.2021).
2. Типовое положение о системе управления охраной труда, утвержденное Приказом Министерством труда Российской Федерации от 19.08.2016 № 438н. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420376480/> (дата обращения: 03.10.2021).
3. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/557309575/> (дата обращения: 03.10.2021).
4. Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»». URL: <https://docs.cntd.ru/document/553834855/> (дата обращения: 03.10.2021).
5. Лапидус Л. В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией: монография. М., 2019. 381 с.
6. Лапидус Л. В. Стратегии цифрового лидерства и запрос на новые компетенции цифровой экономики: основа для сотрудничества Россия — Болгария // Теория и практика проектного образования. 2019. № 3 (11). С. 51–57.
7. Трубникова Н. В., Порудчикова А. В. О равнозначности познавательных систем: парадигма коммуникативного континуума // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 3. С. 93–103.
8. Зимовина Е. П., Щекотуров А. В., Кришталь М. И. Пространственная мобильность и миграционные установки реформенного поколения и поколения миллениалов Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2. С. 86–105.
9. Лапидус Л. В., Гостилович А. О., Омарова Ш. А. Особенности проникновения цифровых технологий в жизнь поколения Z: ценности, поведенческие паттерны и потребительские привычки интернет-поколения // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. Вып. 83. С. 271–293. DOI: 10.24411/2070–1381–2020–10119.
10. Generation Z. Zombies, Popular Culture and Educating Youth / ed. by V. Carrington, J. Rowsell, E. Priyadharshini, R. Westrup. Singapore, 2016. DOI: 10.1007/978–981–287–934–9.
11. Curtis B. L., Ashford R. D., Magnuson K. I., Ryan-Pettes S. R. Comparison of smartphone ownership, social media use, and willingness to use digital interventions between generation Z and millennials in the treatment of substance use: cross-sectional questionnaire study // Journal of Medical Internet Research. 2019. Vol. 21 (4). Pp. 1–15.
12. Ng A., Hong H., Saleem A. etc. The influence of electronic word of mouth in social media on generation Z' purchase intentions: a review // INTI Journal. 2019. Vol. 4. Pp. 1–6.
13. Turner A. Generation Z: technology and social interest // The Journal of Individual Psychology. 2015. Vol. 71 (2). Pp. 103–113.
14. Gamaldo C. E., Aly F. F., Curren C. Overview of generations in the workplace // Mind the Gap: Generational Differences in Medical Education. North Syracuse, 2017. Pp. 151–158.
15. Talmon G. A. Generation Z: what's next? // Medical Science Educator. 2019. Vol. 29. Pp. 9–11.
16. Ребязина В. А., Збандут Н. Г. Поведение представителей поколения Z в условиях экономики совместного потребления в России // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2020. № 1. С. 22–27.
17. Мудракова О. А., Ачапкин С. А. Современные коммуникации на основе использования электронных образовательных ресурсов // Педагогический журнал. 2021. Т. 11. № 1А. С. 59–67. DOI: 10.34670/AR.2021.35.86.007.
18. Скрипник И. Л., Воронин С. В. Современные альтернативные подходы обучения в сравнении с традиционными // Научно-аналитический журнал. Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2017. № 4 (37). С. 46–50.
19. Акользина Е. А. Использование электронных образовательных ресурсов в процессе обучения: достоинства, недостатки // Гаудеамус. 2013. № 2 (22). С. 95–97.
20. Шорина Т. В., Кирилова Г. И., Липатова И. А. Развитие информационной среды высшей школы в условиях реализации сетевой формы // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2017. № 3 (35). С. 146–152.

21. Вумек Дж., Джонс Д. Бережливое производство: Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. М., 2018. 472 с.
22. Ротер М., Шук Дж. Учитесь видеть бизнес-процессы. Практика построения карт потока создания ценности. М., 2017. 144 с.
23. Шорина Т. В. Обоснование визуального компонента информационных образовательных ресурсов высшего образования // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 2. DOI: 10.17513/srno.30720.
24. Шорина Т. В. Взаимосвязь компонентов педагогической технологии визуализации учебной информации высшего образования // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 4. С. 251–255. DOI: 10.17513/snt.38649.
25. Сенченко В. А., Пушенко С. Л., Стасева Е. В., Каверзнева Т. Т., Румянцева Н. В. Научно-методические основы проведения дистанционного обучения и проверки знаний по безопасности труда в строительстве // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. 2020. Вып. 2 (79). С. 126–137.
26. Сенченко В. А., Каверзнева Т. Т., Салкуцан В. И., Скрипник И. Л., Воронин С. В. Оптимизация обучения и проверки знаний требований охраны труда с помощью интернет-технологий // Безопасность жизнедеятельности. 2020. № 8 (236). С. 49–55.
27. Макаров А. И. Массовое дистанционное обучение как глобальный социальный эксперимент по разобщению людей // Logos et Praxis. 2021. Т. 20. № 1. С. 31–35. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.1.4.

REFERENCES

1. Methodological recommendations for the development of labor protection instructions approved by the Ministry of Labor of Russia dated 13.05.2004. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200114334> / (date of access: 03.10.2021).
2. Model regulations on the occupational safety management system, approved by the Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated 19.08.2016 N 438n. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420376480> / (date of access: 03.10.2021).
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 N 204 “On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”. URL: <https://docs.cntd.ru/document/557309575> / (date of access: 03.10.2021).
4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 234 dated 02.03.2019 “On the management system for the implementation of the national program “Digital Economy of the Russian Federation”. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553834855> / (date of access: 03.10.2021).
5. Lapidus L. V. Digital economy: e-business and e-commerce management: monograph. Moscow, 2019. 381 p.
6. Lapidus L. V. Digital leadership strategies and the demand for new competencies of the digital economy: the basis for cooperation between Russia and Bulgaria // Theory and practice of project education. 2019. No.3 (11). Pp. 51–57.
7. Trubnikova N. V., Porudchikova A. V. On the equivalence of cognitive systems: the paradigm of the communicative continuum // Communicology. 2018. Iss. 6. No. 3. Pp. 93–103.
8. Zimovina E. P., Shchekoturov A. V., Krishtal M. I. Spatial mobility and migration attitudes of the reform generation and millennials of the Kaliningrad region // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Ser. Humanities and Social Sciences. 2020. No. 2. Pp. 86–105.
9. Lapidus L. V., Gostilovich A. O., Omarova S. A. Features of the penetration of digital technologies into the life of Generation Z: values, behavioral patterns and consumer habits of the Internet generation // Public administration. Electronic bulletin. December 2020. Iss. 83. Pp. 271–293. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10119.
10. Generation Z. Zombies, Popular Culture and Educating Youth / ed. by V. Carrington, J. Rowsell, E. Priyadharshini, R. Westrup. Singapore, 2016. DOI: 10.1007/978-981-287-934-9.
11. Curtis B. L., Ashford R. D., Magnuson K. I., Ryan-Pettes S. R. Comparison of smartphone ownership, social media use, and willingness to use digital interventions between generation Z and millennials in the treatment of substance use: cross-sectional questionnaire study // Journal of Medical Internet Research. 2019. Vol. 21 (4). Pp. 1–15.
12. Ng A., Hong H., Saleem A. etc. The influence of electronic word of mouth in social media on generation Z' purchase intentions: a review // INTI Journal. 2019. Vol. 4. Pp. 1–6.

13. Turner A. Generation Z: technology and social interest // *The Journal of Individual Psychology*. 2015. Vol. 71 (2). Pp. 103–113.
14. Gamaldo C. E., Aly F. F., Curren C. Overview of generations in the workplace // *Mind the Gap: Generational Differences in Medical Education*. North Syracuse, 2017. Pp. 151–158.
15. Talmon G. A. Generation Z: what's next? // *Medical Science Educator*. 2019. Vol. 29. Pp. 9–11.
16. Rebyazina V. A., Zbandut N. G. Behavior of representatives of generation Z in the conditions of the economy of joint consumption in Russia // *Marketing and marketing research*. 2020. No. 1. Pp. 22–27.
17. Mudrakova O. A., Achapkin S. A. Modern communications based on the use of electronic educational resources // *Pedagogical Journal*. 2021. Vol. 11. No. 1A. Pp. 59–67. DOI: 10.34670/AR.2021.35.86.007.
18. Skripnik I. L., Voronin S. V. Modern alternative approaches of teaching in comparison with traditional ones // *Scientific and analytical journal. Psychological and pedagogical problems of human and social security*. 2017. No. 4 (37). Pp. 46–50.
19. Akolzina E. A. The use of electronic educational resources in the learning process: advantages, disadvantages // *Gaudeamus*. 2013. No. 2 (22). Pp. 95–97.
20. Shorina T. V., Kirilova G. I., Lipatova I. A. Development of the information environment of higher education in the conditions of the implementation of the network form // *Bulletin of the Kazan State Energy University*. 2017. No. 3 (35). Pp. 146–152.
21. Vumek J., Jones D. *Lean manufacturing: How to get rid of losses and achieve prosperity of your company*. Moscow, 2018. 472 p.
22. Rother M., Shuk J. *Learn to see business processes. The practice of building value stream maps*. Moscow, 2017. 144 p.
23. Shorina T. V. Substantiation of the visual component of information educational resources of higher education // *Modern problems of science and education*. 2021. №2. DOI: 10.17513/spno.30720.
24. Shorina T. V. Interrelation of components of pedagogical technology of visualization of educational information of higher education // *Modern high-tech technologies*. 2021. No. 4. Pp. 251–255. DOI: 10.17513/snt.38649.
25. Senchenko V. A., Pushenko S. L., Staseva E. V., Kaverzneva T. T., Rumyantseva N. V. Scientific and methodological foundations of distance learning and knowledge testing on labor safety in construction // *Bulletin of the Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Construction and Architecture*. 2020. Issue 2 (79). Pp. 126–137.
26. Senchenko V. A., Kaverzneva T. T., Salkutsan V. I., Skripnik I. L., Voronin S. V. Optimization of training and testing of knowledge of labor protection requirements using Internet technologies // *Life safety*. 2020. No. 8 (236). Pp. 49–55.
27. Makarov A. I. Mass distance learning as a global social experiment on the separation of people // *Logos et Praxis*. 2021. Vol. 20. No. 1. Pp. 31–35. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.1.

Поступила в редакцию: 08.10.2021.

Принята к печати: 29.10.2021.

ОБРАБАТЫВАЮЩИЕ ПРОИЗВОДСТВА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ: СТРАТЕГИИ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ¹

А. В. Соколов^{1,2}, В. А. Бажанов¹

¹Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)

²Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

В статье рассматриваются состояние и тенденции развития обрабатывающих производств Азиатской части Российской Федерации. Под Азиатской частью России подразумевается совокупность субъектов федерации Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, а также Тюменская область. Обрабатывающие производства представлены в статье двенадцатью группами, соответствующие позициям в таблицах статистического справочника «Регионы России: социально-экономические показатели». Анализ тенденций развития обрабатывающих производств проводился по текстам, действующим на момент написания статьи, Стратегий социально-экономического развития до 2030–2035 гг. 22 регионов Азиатской части России. Для анализа тренда выпуска обрабатывающих производств были использованы модели панельных данных с фиксированными и случайными эффектами. Результаты расчетов показали разный уровень развития обрабатывающих производств в субъектах федерации. Анализ региональных стратегий выявил общность намерений и возможностей развития обработки в Азиатской части России, особенно в части инвестиционного обеспечения достижения стратегических целей.

Ключевые слова: обрабатывающие производства, Азиатская часть России, субъекты федерации, стратегии социально-экономического развития, виды обрабатывающих производств.

MANUFACTURING INDUSTRIES IN THE ASIAN PART OF RUSSIA: STRATEGIES AND DEVELOPMENT OPPORTUNITIES

A. V. Sokolov^{1,2}, V. A. Bazhanov¹

¹Institute of Economics and Organization of Industrial Production SB RAS
(Novosibirsk, Russia)

²Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

The article examines the state and development trends of manufacturing industries in the Asian part of the Russian Federation. The Asian part of Russia means the totality of the subjects of the federation of the Siberian and Far Eastern federal districts, as well as the Tyumen region. Manufacturing industries are presented in the article by twelve groups, corresponding to the positions in the tables of the statistical reference book «Regions of Russia: socio-economic indicators». The analysis of trends in the development of manufacturing industries was carried out according to the texts of the Strategies of socio-economic development until 2030–2035 in force at the time of writing. 22 regions of the Asian part of Russia. To analyze the trend in manufacturing output, panel data models with fixed and random effects were used. The calculation results showed a different level of development of manufacturing industries in the constituent entities of the Federation. Analysis of regional strategies revealed a commonality of intentions and opportunities for the development of processing in the Asian part of Russia, especially in terms of investment support for achieving strategic goals.

¹ Статья подготовлена по результатам исследования, проводимого при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Министерства науки и высшего образования России в рамках крупного научного проекта «Социально-экономическое развитие Азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природно-ресурсном потенциале, расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий», Соглашение № 075–15–2020–804 от 02.10.2020 (грант № 13.1902.21.0016).

Keywords: manufacturing, The Asian part of Russia, subjects of the federation, strategies of socio-economic development, types of manufacturing industries.

Под Азиатской частью России подразумевается совокупность субъектов федерации Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, а также традиционно включавшаяся в состав географической Сибири, но теперь входящая в Уральский федеральный округ Тюменская область. Данные регионы, как будет показано дальше, имеют разный уровень экономического развития, определяемый во многом специализацией их экономик. Проанализируем состояние и тенденции

развития, сформулированные в Стратегиях социально-экономического развития субъектов федерации, такой важной группы видов экономической деятельности, как обрабатывающие производства, в которых, в частности, сосредоточено все высокотехнологичное производство страны.

В статье используется видовой состав обрабатывающих производств, указанный в статистических сборниках «Регионы России: социально-экономические показатели» (табл. 1).

Таблица 1

Группы видов экономической деятельности обрабатывающих производств

№	Наименование
ОП 1	Производство пищевых продуктов; производство напитков; производство табачных изделий
ОП 2	Производство текстильных изделий; производство одежды; производство кожи и изделий из кожи
ОП 3	Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения
ОП 4	Производство бумаги и бумажных изделий; деятельность полиграфическая и копирование носителей информации
ОП 5	Производство кокса и нефтепродуктов; производство резиновых и пластмассовых изделий
ОП 6	Производство химических веществ и химических продуктов; производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях
ОП 7	Производство прочей неметаллической минеральной продукции
ОП 8	Производство металлургическое; производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования
ОП 9	Производство компьютеров, электронных и оптических изделий; производство электрического оборудования
ОП 10	Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; производство прочих транспортных средств и оборудования
ОП 11	Производство мебели; производство прочих готовых изделий
ОП 12	Ремонт и монтаж машин и оборудования

Для удобства изложения показатель, используемый в статистических справочниках как «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду «Обрабатывающие производства», в дальнейшем сокращенно будет именоваться как «Выпуск обрабатывающих производств».

На рисунке 1 представлена сравнительная динамика темпов прироста выпуска обрабаты-

вающих производств (к предыдущему году) в РФ и в Азиатской части России в 2001–2019 гг. Как видно из представленных данных, эта динамика близка; в 2005–2007 гг. наметилось некоторое отставание Азиатской части России, однако в кризисный 2009 г. в целом по России дела обстояли хуже; в дальнейшем динамика развития обрабатывающих производств в Азиатской части идентична общероссийской.

Рис. 1. Темпы прироста выпуска обрабатывающих производств (к предыдущему году) в РФ и в Азиатской части России в 2001–2019 гг., %

Источник: Статистический сборник «Регионы России:

социально-экономические показатели», 2020. С. 692; 2010. С. 459; 2016. С. 647; 2008. С. 445.

Росстат. URL: <http://rosstat.gov.ru/>

Рассмотрим подробнее тенденцию изменения прироста выпуска обрабатывающих производств в Азиатской части России. При этом одним из самых важных вопросов является следующий: как согласуются между собой эти тенденции для разных субъектов федерации, можно ли говорить о какой-то единой тенденции (с отклонениями в рамках статистической погрешности) для всей Азиатской части России? В этом случае для анализа тренда выпуска обрабатывающих производств были использованы модели панельных данных, позволяющие анализировать данные для разных объектов (21 субъект федерации) за определенный период времени (в нашем случае — 2001–2019 гг.).

В случае предполагаемой неоднородности объектов общая совокупность разделяется методами

кластерного анализа на группы (кластеры). В нашем исследовании признаками, по которым проводился кластерный анализ, являлись: во-первых, средний за рассматриваемый период объем выпуска обрабатывающих производств в субъекте федерации, во-вторых — средний за период темп прироста выпуска. Из совокупности субъектов федерации методами кластерного анализа были выделены 5 групп (кластеров), при этом в два кластера вошло по два объекта (Тюменская и Омская области; Республика Бурятия и Приморский край), в два других — по одному (Забайкальский край; Красноярский край).

В таблицах 2 и 3 приведены результаты моделей с фиксированными и случайными эффектами соответственно.

Таблица 2

**Результаты регрессионного анализа модели с фиксированными эффектами
(зависимая переменная — натуральный логарифм выпуска обрабатывающих производств)**

Независимая переменная	Значение коэффициента регрессии	t-статистика	Значимость t-статистики
Константа	10,930		
Год	0,039		
Проверка значимости уравнения регрессии (F-статистика)		F=412,941	Значимость F-статистики: 0,000
Проверка значимости индивидуальных эффектов (F-статистика)		F=1392,31	Значимость F-статистики: 0,000

Таблица 3

**Результаты регрессионного анализа модели с фиксированными эффектами
(зависимая переменная — натуральный логарифм выпуска обрабатывающих производств)**

	Коэффициент регрессии	t-статистика	Значимость t-статистики	χ^2	Значимость χ^2
Константа	10,531	21,52	0,000		
Год	0,039	20,32	0,000		
Кластер 1	2,626	1,842	0,066		
Проверка значимости уравнения регрессии (тест Вальда)				418,844	0,000
Проверка значимости индивидуальных эффектов (тест Бреша-Пагана)				3843,92	0,000

Как следует из приведенных данных, обе модели имеют высокое качество и дают идентичные результаты (что подтверждает тест Хаусмана): темп прироста в год в среднем составляет 3,9%, но при этом наблюдается значимое различие в индивидуальных эффектах, что и определяет разный уровень развития обрабатывающих производств в субъектах федерации. В модели со случайными эффектами значимой оказалась только одна из включенных фиктивных переменных — «Кластер 1»; в него входят Тюменская и Омская области.

Несмотря на то, что темпы прироста выпуска, как было показано на рисунке 1, в Азиатской части России близки к общероссийским, отметим, что ее доля в обрабатывающих производствах РФ несколько снизилась, начиная с 2007 г. она стабильно держалась на уровне 12–13% (рис. 2). Значение данного показателя указывает на диспропорцию в развитии Европейской и Азиатской частей; тем не менее, отметим, что в Азиатской части России сосредоточен ряд крупных ключевых производств — например, таких как цветная металлургия, ОПК, нефтепереработка.

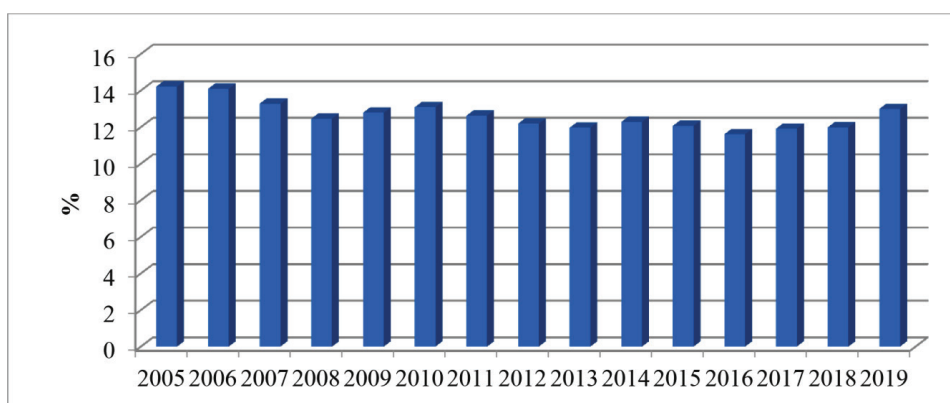

Рис. 2. Доля обрабатывающих производств Азиатской части России в РФ в 2005–2019 гг., %
 Источник: Статистический сборник «Регионы России: социально-экономические показатели», 2020. С. 682; 2010. С. 449; 2016. С. 637; 2008. С. 435. Росстат. URL: <http://rosstat.gov.ru/>

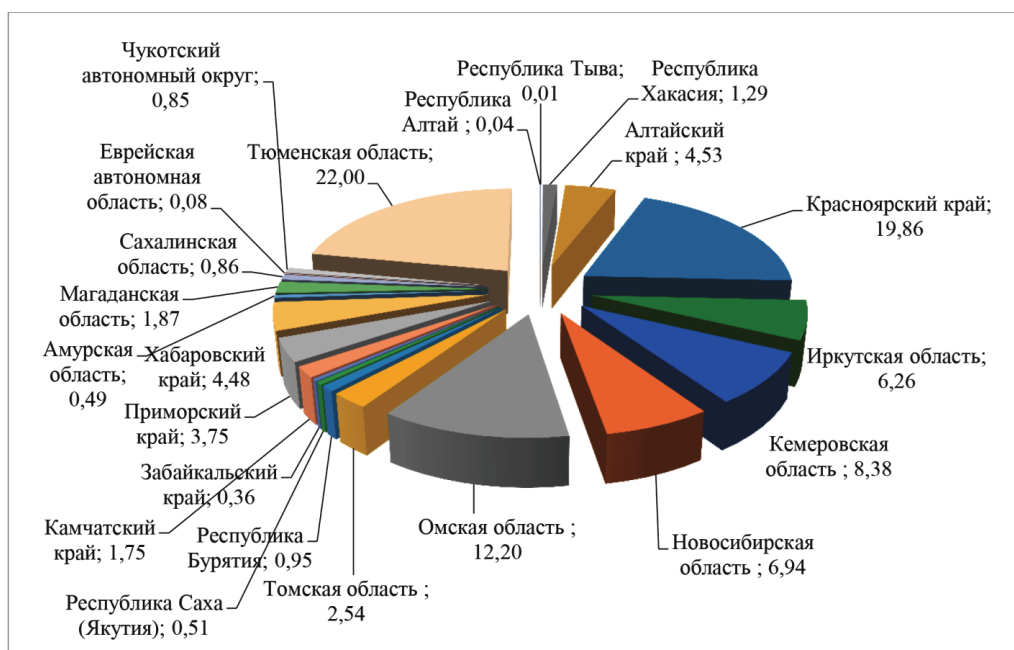

Рис. 3. Доли регионов в выпуске обрабатывающих производств Азиатской части России в 2019 г., %
 Источник: Статистический сборник «Регионы России: социально-экономические показатели», 2020. С. 684. Росстат. URL: <http://rosstat.gov.ru/>

Следующим этапом анализа является рассмотрение структуры отдельных показателей обрабатывающих производств Азиатской части России, позволяющее дать качественные характеристики отдельным субъектам федерации, определить лидеров и аутсайдеров по этим показателям, найти взаимосвязь между характеристиками (рис. 3).

В общем объеме выпуска обрабатывающих производств Азиатской части России лидируют два

региона, на долю которых в 2019 г. приходилось почти 42% — Тюменская область (нефтепереработка) и Красноярский край (цветная металлургия). Из остальных субъектов федерации в большей степени обрабатывающие производства сосредоточены в Сибири — Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская области, Алтайский край; из регионов Дальнего Востока с ними сравним только Хабаровский край (рис. 4).

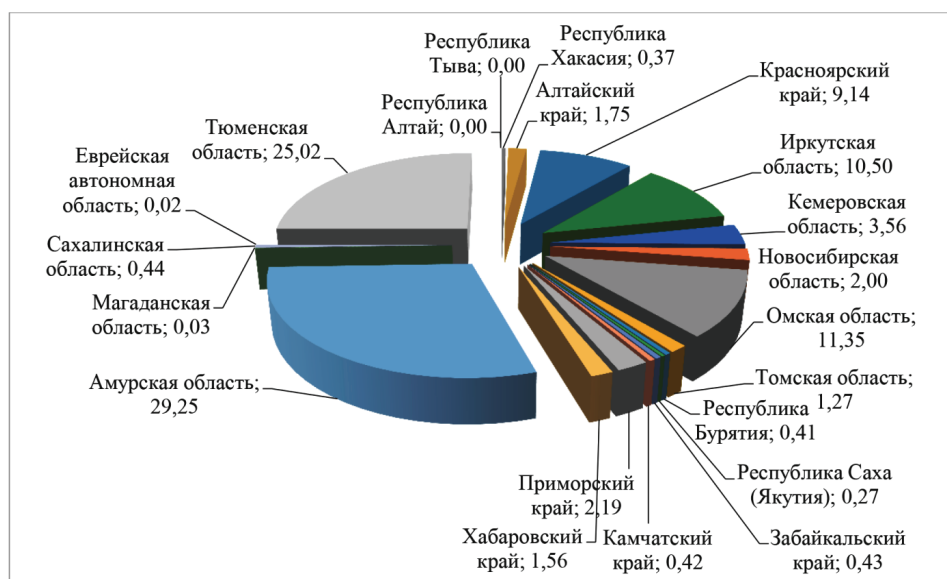

Рис. 4. Структура инвестиций в обрабатывающие производства Азиатской части России в 2019 г., %

Источник: Статистический сборник «Регионы России: социально-экономические показатели», 2020. С. 574. Росстат. URL: <http://rosstat.gov.ru/>

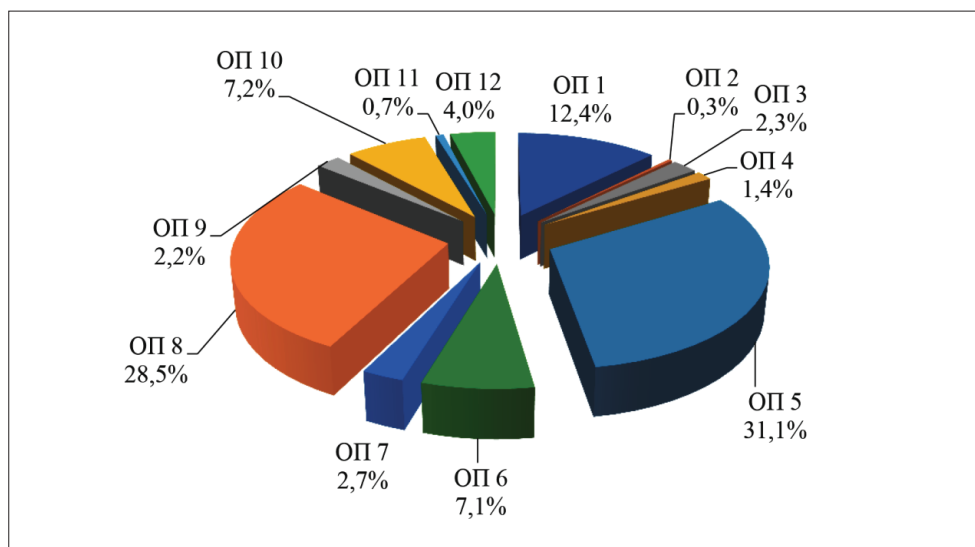

Рис. 5. Доли видов экономической деятельности в общем выпуске обрабатывающих производств Азиатской части России в 2019 г., %

Источник: Статистический сборник «Регионы России: социально-экономические показатели», 2020. С. 702–703. Росстат. URL: <http://rosstat.gov.ru/>

Уровень развития экономики определяется, что логично, уровнем инвестиций, однако во многом инвестиций предыдущих лет. Сравнив данные рисунки 3 и 4, отметим, что Амурская область, занимающая в выпуске обрабатывающих производств малую долю (0,5%), является лидером по объему инвестиций, обгоняя лидера по объему выпуска Тюменскую область. Из сибирских регионов наибольший объем инвестиций в Иркутской области и в Красноярском крае.

В отраслевой структуре выпуска обрабатывающих производств, как следует из рисунка 5, лидирующие позиции занимает нефтепереработка (ОП 5), а также металлургия (ОП 8) — что логично вытекает из специализации крупнейших по выпуску субъектов федерации, представленной на рисунке 3. Из других групп обрабатывающих произ-

водств отметим пищевую промышленность (ОП 1), производство машин и оборудования, а также атомную промышленность, составляющую часть ОП 6.

На рисунке 6 представлены данные о рентабельности производства. Отметим, что этот показатель в Азиатской части России (27,8%) значительно превышает средний по стране (11,5%). Во многом это объясняется запредельно высоким значением показателя в Красноярском крае (81,8%), где сосредоточены два гиганта отечественной (и мировой) цветной металлургии — ПАО «ГМК «Норильский никель» и Объединенная компания РУСАЛ. Отметим, что высокие значения (больше 20%) следуют за Красноярским краем регионов у тех, кто занимает небольшую долю в выпуске обрабатывающих производств.

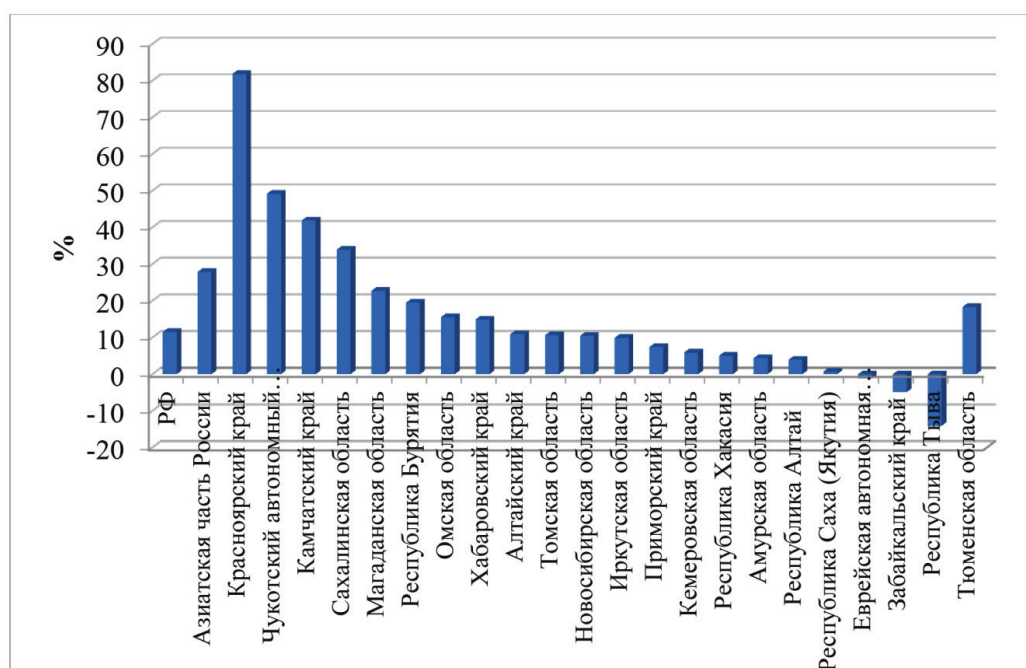

Рис. 6. Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций обрабатывающих производств РФ и Азиатской части России в 2019 г., %
 Источник: Статистический сборник «Регионы России: социально-экономические показатели», 2020 г. С. 725. Росстат. URL: <http://rosstat.gov.ru/>

Государственные прогнозы, определяющие развитие обрабатывающих производств Азиатской части России на перспективу, сосредоточены в следующих основных документах стратегического планирования¹: Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года и в региональных Стратегиях социаль-

но-экономического развития на период до 2030–2035 гг. Так, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, целью которой является «обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического разви-

¹ В соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ФЗ-172).

тия...»¹, указаны виды обрабатывающих производств, которые определены как отрасли перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации. В Стратегии дается перечень таких видов обрабатывающих производств для всех регионов. Развитие этих производств связано с задачей повышения конкурентоспособности региональных экономик путем обеспечения условий для развития производства соответствующих товаров и услуг. Как справедливо отмечено Н. Н. Михеевой [1], Стратегия не содержит обосновывающих ее долгосрочных прогнозных расчетов.

В региональных Стратегиях направления развития обрабатывающих производств обозначаются в стратегических приоритетах и целевых задачах. В подавляющем большинстве региональных Стратегий либо вообще не приводятся прогнозныe параметры развития видов обрабатывающих производств, либо показываются отдельные показатели (например, прогнозныe стоимостные объемы производства, темпы роста). Однако в Стратегиях приводятся перечни и паспорта ключевых инвестиционных проектов и инвестиционных программ, обеспечивающих реализацию стратегических приоритетов.

По Стратегии пространственного развития РФ в Азиатской части России можно считать, что отраслевое (продуктовое) ядро обрабатывающих производств (более половины регионов размещения), составленное из перспективных экономических специализаций, состоит из шести видов обрабатывающих производств:

- пищевое и перерабатывающее производство, сосредоточенное в 15 из 22 регионов;
- деревообрабатывающее производство — в 16 из 22 регионов;
- производство резиновых и пластмассовых изделий, кокса и нефтепродуктов — в 11 из 22 регионов;
- химическое производство и производство лекарственных средств и материалов — в 13 из 22 регионов;
- металлургическое производство — в 14 из 22 регионов;
- машиностроительное производство — в 14 из 22 регионов.

Играют ли какую-либо роль в общероссийском разделении труда выделенные виды обрабатывающих производств Азиатской части в прогнозах развития обработки в России? Для ответа на этот вопрос воспользуемся показателем объема

отгруженной продукции собственного производства. По этому показателю за 2019 г. по сборнику Росстата «Регионы России: социально-экономические показатели» за 2020 г. пищевая промышленность Азиатской части в основном была сосредоточена в трех регионах — Алтайском и Камчатском краях, Новосибирской области, в сумме составляющих 42% от суммарного объема по всей Азиатской России. Можно считать, что эти регионы составляли в ней внутреннюю картину межрегиональных связей в производстве продовольствия. В масштабе российского производства пищевой и перерабатывающей промышленности азиатские производители занимали в 2019 г. всего 13%.

Деревообработка сосредоточена в двух регионах — Красноярском крае и Иркутской области, в сумме занимающих почти 58% всего объема отгруженной продукции Азиатской части. Вместе с производством бумаги азиатская часть обеспечивает 34% всего производства продукции деревообработки России.

81% производства нефтепродуктов в Азиатской части в стоимостном выражении было отгружено с нефтеперерабатывающих производств Тюменской и Омской областей, что составляет вместе с производством резиновых и пластмассовых изделий почти 22% всего объема отгруженной продукции этого вида по России в целом.

Химическое производство и производство лекарственных средств и материалов в основном сосредоточено в Тюменской области (более 35% в общем объеме отгруженной продукции в Азиатской части) и с более 10-процентной долей в Иркутской, Кемеровской и Омской областях. Доля химической и фармацевтической промышленности азиатской части в общероссийском объеме составляла немногим более 14%.

Красноярский край являлся абсолютным лидером в металлургическом производстве Азиатской части с долей 55%. Вместе с Кемеровской областью оба региона сосредотачивали две трети металлургического производства (включая производство готовых металлических изделий). Весомой была в 2019 г. доля этого вида обработки в общероссийском объеме отгруженной продукции — 23%.

Гражданские отрасли машиностроения Азиатской части, по существу, сосредоточены в 5 регионах, общая доля которых составляет 70% производства электронных и электротехнических изделий и 54% производства машин, оборудования и транспортных средств всех видов: в Приморском и Хабаровском краях и в Новосибирской, Омской и Томской областях. В общероссийском гражданском машиностроении Азиатская часть занимает менее 16%. С учетом наличия в СФО и ДФО значимого количества оборонных предприятий можно

¹ Распоряжение Правительства РФ № 207-Р от 13.02.2019 «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения 05.07.2021)

эту долю повысить на несколько п. п. Считается, что оборонные предприятия играют в последние годы стабилизирующую роль для экономики регионов Сибири. Так, по данным официального сайта полномочного представителя Президента России в Сибирском федеральном округе², по итогам 9 месяцев 2020 г. общий объем производства предприятий ОПК округа вырос на 6,9%; в том числе объем производства гражданской продукции — на 9,5%, доля этой продукции в общем объеме выпуска составила около 30%. Для прогнозов развития машиностроения Азиатской части необходимо учитывать государственные намерения по диверсификации оборонного производства, предусматривающие рост доли гражданской продукции в общем его объеме: от 16 до 30% к 2025 году; до 50% к 2030 году³.

Как следует из вышеизложенного, в ядре обрабатывающих производств Азиатской части России заметную роль в развитии отечественных обрабатывающих производств могут сыграть виды, так или иначе связанные с сырьевыми ресурсами — лесными, нефтегазовыми, угольными, металлургическими. Высокотехнологичные (химические и машиностроительные производства) виды обработки могут не оказать серьезного влияния на общероссийские прогнозы. Тем не менее значимая часть высокотехнологичной продукции предприятий обрабатывающих производств Азиатской части полностью вписывается во внутриотраслевые приоритеты в рамках «Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года» [2] в приоритетные направления развития авиационной, судостроительной, фармацевтической промышленности, транспортного машиностроения, химического и нефтехимического комплекса, черной и цветной металлургии, промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов.

Естественно, что в региональных Стратегиях социально-экономического развития все виды обрабатывающих производств показаны в более детализированном виде. Рассмотрим направления развития ядра обрабатывающих производств в этих стратегиях. Во всех без исключения стратегиях азиатских регионов в тексте приоритетных задач употребляются понятия «глубокой и безотходной пере-

работки» и т. п. Интересно отметить, что подобные понятия использовались в государственных программах и стратегиях более 30 лет назад. Так, в последней Комплексной программе научно-технического прогресса СССР (КП НТП) на 1991–2010 годы [3] указывалось, что для достижения главной цели развития АПК необходимо решить крупные научно-технические проблемы, в числе которых стоит проблема освоения и распространения **безотходных технологий переработки**, транспортировки, хранения сырья и продовольственной продукции. «Основным направлением обеспечения народного хозяйства лесными ресурсами является ускоренное развитие мощностей по **глубокой химико-физической обработке древесины**» [3]. В КП НТП считалось, что решение этой задачи позволит преодолеть «2–3-кратное отставание СССР по выходу продукции на единицу заготавливаемой древесины от уровня передовых стран». В настоящее время, заметим, на Иркутскую область приходится около 12% древесины, заготовленной в России по санитарным рубкам за последние 10 лет, а в отдельные годы этот показатель достигал 17% [4]. Как отмечается в [4], львиная доля из них потреблялась известной фирмой Икеа, продукция которой успешно реализуется в России. Именно с этим связаны проблемы использования лесных ресурсов России. Сибирская древесина, а не продукты переработки, составляет основу российского лесного экспорта в Китай. (По данным Стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2036 г. около 7% заготавливаемого круглого леса (2,2 млн куб. м) не перерабатывается и экспортируется в Китай только в рамках квот [5]. Таким образом, до сих пор не решена проблема деревообработки в стране. Как замечено в диссертации С. О. Медведева, эффективная переработка древесных ресурсов и в середине второго десятилетия текущего века имела статус первоочередной задачи перехода лесной промышленности России к высокодоходному устойчивому развитию. В России вовлечение древесной биомассы в производство в среднем составляло 50% и сопровождалось в лучшем случае малоэффективным потреблением оставшейся части отходов [6]. Так, производство мебели вместе с производством прочих готовых изделий в Азиатской части России составляли в 2019 г. менее 10% от общероссийского производства, а в целом по России этот вид обработки занимал 1,2% в общей структуре отечественных обрабатывающих производств. В лесопромышленных комплексах в Республиках Бурятия и Тыва, в Забайкальском, Красноярском, Приморском, Хабаровском краях, Амурской, Иркутской, Сахалинской, Томской, Тюменской областях по соответствующим стратегиям прогнозируется создание

² Официальный сайт полномочного представителя Президента России в Сибирском федеральном округе/ 21 января 2021. URL: <http://sfo.gov.ru/press/novosti/11210/>

³ Официальный портал Министерства промышленности и торговли. РФ. URL: http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#lfond_razvitiya_promyshlennosti_gotovit_specprogrammu_po_podderzhke_diversifikacii_opk

производства продукции деревообработки глубокой степени переработки и конкурентоспособной на мировом и межрегиональном рынках в третьем-четвертом десятилетиях текущего века.

Глубокая переработка в пищевой и перерабатывающей промышленности предусмотрена также в перспективе практически во всех региональных стратегиях. Для примера укажем, что в Стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2030 г. стратегическая задача развития пищевой и перерабатывающей промышленности края заключается в создании условий для комплексной и более глубокой переработки всего товарного сельскохозяйственного сырья, производимого в регионе.

Развитие металлургического производства в Азиатской части (в Республике Хакасия и в Красноярском крае) предусматривается на основе создания сектора передельных производств в виде алюминиевого кластера, включающего существующие и новые производственные мощности по выпуску алюминиевых сплавов с новыми физическими характеристиками и готовой продукции из алюминия, а также создания производства передельного чугуна и электролитического металлического марганца. Необходимо отметить, что идея создания алюминиевого кластера обсуждалась еще в середине второго десятилетия текущего века. В 2016 г. представители Правительства края и ученые экономисты СФУ в статье «Предпосылки создания алюминиевого кластера в Красноярском крае» обосновали актуальность создания этого кластера в регионе, показали имеющиеся для этого нормативно-правовые и инфраструктурные предпосылки [7].

Машиностроение, как уже было сказано, сосредоточено в Азиатской части в 14 регионах. В стратегиях этих регионов стратегические цели (направления) развития машиностроения сводятся к следующему:

- обеспечение регионального и межрегионального спроса на машиностроительную продукцию (сервисное машиностроение в Красноярском крае), комплектующие и оборудование для пищевой и перерабатывающей промышленности (ряд регионов), нефтегазовое машиностроение в Тюменской области, гражданское судостроение в Камчатском и Приморском краях, машиностроение для горнодобывающей промышленности в Магаданской области и др.);
- обновление ассортимента выпускаемой продукции с учетом требований рынков (например, создание и развитие экологического машиностроения в Кемеровской области);

- максимально возможная локализация производства импортного оборудования на территории регионов;
- продолжение реализации планов импортозамещения (реализация части этих планов перенесена на 2030 г.);
- освоение мировых рынков оборудования и развитию международной кооперации и экспорта в машиностроении.

Машиностроение Азиатской части России в силу своей удаленности от центра и исторически сложившейся специализации в большей степени страдает от современных вызовов, чем машиностроение в западных регионах. В силу своих компетенций региональные власти могут способствовать развитию машиностроительных предприятий:

- частично через механизмы прямого или косвенного влияния (региональные заказы на выпуск продукции, контракты, иницирование и поддержка интеграционных процессов и т. п.);
- прямой поддержкой в виде бюджетных субсидий, в том числе целевых региональных программ, регионального законодательства для активизации частно-государственного партнерства и др.), особенно малых и средних инновационных предприятий, в том числе сервисного обслуживания, ремонтных и инструментальных [8].

Химическая и фармацевтическая промышленность представлена в разных масштабах в 13 регионах. Стратегические намерения сводятся к следующему:

- замещение импортных лекарственных средств отечественными, создание производств по выпуску сырья для местных производителей фармацевтической продукции;
- эффективное использование уникальной базы для создания и развития фармацевтического комплекса;
- расширение ассортимента производимой продукции, формирование новых цепочек, развитие крупнотоннажных, среднетоннажных и малотоннажных производств, малотоннажной химии (например, моющих и косметических средств);
- экологизация угольной отрасли на основе развития углехимического комплекса;
- создание и развитие производства отечественных импортозамещающих катализаторов для нефтепереработки, в производстве резиновых и пластмассовых изделий.

Будущий диверсифицированный образ обрабатывающих производств Азиатской части России

по региональным стратегиям представлен широким ассортиментом продуктов обрабатывающих производств, включающим: ракетно-космическую и авиационную технику; широкий спектр продуктов нефте-, газо-, углехимии, лекарственных препаратов, в том числе уникального противотуберкулезного препарата; продукты деревообработки, включая мебель; машины, технику и оборудование для нефтегазовой, горнодобывающей, пищевой и перерабатывающей промышленности, лесного и сельского хозяйства, транспорта.

К сожалению, содержание большинства региональных стратегий не включает количественные характеристики развития обрабатывающих производств, тем более по их отдельным видам. Поэтому построить сводный количественный прогноз по развитию обрабатывающих производств Азиатской части России по стратегиям не представляется возможным. Естественно, что для реализации стратегий потребуются значительные финансовые ресурсы. Так, суммарные инвестиции по оптимистическим сценариям в целом по стратегиям 22 азиатских регионов должны составить примерно 32–35 трлн руб. Если учесть, что в структуре инвестиций в основной капитал региональных экономик обрабатывающие производства занимают в сумме по Азиатской части России в среднем около 12% (в структуре ВРП — 11%) и предположительно по стратегиям эта доля не уменьшится к 2030–2035 гг., то в развитие обрабатывающих производств должно быть инвестировано не менее 4–5 трлн руб.

Во всех стратегиях содержатся разделы, посвященные инвестиционной политике, содержащей перечень мер по привлечению инвестиций для их реализации. Красной нитью во всех стратегиях проходит положение о возможной недостаточности бюджетных ресурсов для реализации стратегий. Поэтому кроме бюджетных ресурсов важными должны стать источники внебюджетных средств, привлекаемых от юридических и физических лиц, на основе государственно-частного и муниципально-частного партнерства, международных финансовых институтов и иностранных инвестиций. От государства регионы также ждут принятия необходимых нормативных правовых актов в сфере привлечения инвестиций, развития системы мер государственной поддержки инвесторов, кластерной политики государственного сопровождения реализации проектов, упрощение процедур регистрации прав на имущество, предоставления земельных участков. Кроме того, в Стратегиях считают, что для успешной реализации необходимы льготы по налогу на прибыль, возмещение части затрат на приобретение нового оборудования, выплата процентной ставки по банковским кредитам,

лизинговых платежей. Важным считается также создание условий для привлечения в регионы инвестиций крупных международных компаний вплоть до прямых контактов с инвесторами и т. п.

Для регионов Азиатской части России необходимо использование всех известных мер привлечения инвестиций в силу существенного воздействия пространственных и инфраструктурных условий. Пока инвестиционная картина складывается не в пользу азиатских регионов. Так, по данным портала «Сделано у нас», в Азиатской части России начато строительство, введено новых заводов, цехов, производств, технологических линий: в 2019 г. — 24 из 219 в целом по России; в 2020 г. — 25 из 172 в целом по России; в январе-апреле 2021 г. — 10 из 70 в целом по России¹.

Наиболее крупными (более 50 млрд руб.) в 2020–2021 г. можно считать следующие проекты: вышел на полную мощность «ЗапСибНефтехим» (Тюменская область) — 550 млрд руб.; «Иркутская нефтяная компания» начала фактическое строительство крупного завода полимеров — 168 млрд руб.; в Амурской области «Сибур» начал строительство самого большого в мире газохимического комплекса — \$ 10–11 млрд [9], в Кемеровской области запущена вторая очередь Яйского нефтеперерабатывающего завода — 54 млрд руб.

Отметим одну особенность региональных стратегий до 2030–2035 гг. Как справедливо отмечает Н. Н. Михеева [1], современная региональная политика не нацелена на системное решение проблем пространственного развития. Проведенный ею анализ разработанных ранее региональных прогнозов показал на существенное отличие прогнозов по оптимистическим сценариям от фактических темпов роста. Оказалось, что количественные оптимистические прогнозы в стратегиях до 2030–2035 гг. не соответствуют прогнозам по оптимистическим сценариям предыдущих стратегий, так как меры, на которых базировались оптимистические сценарии предыдущих стратегий, не были реализованы. Покажем это на примере Стратегий социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 г., утвержденной постановлением Алтайского краевого Законодательного Собрания от 19 ноября 2012 года № 569 и на период до 2035 г.² Из-за ограниченности статейного размера сравним прогнозы только по одному показателю — валовому региональному продукту. Отметим, что Стратегия до 2035 г. на момент написания статьи существовала в виде уточненного второго варианта проекта. Первый проект был

¹ Портал «Сделано у нас». URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/?id=74>

² Проект Стратегии социально-экономического развития Алтайского края на период до 2035 г.

принят в ноябре 2019 г. в первом чтении в Алтайском краевом Законодательном Собрании и прошел согласование в Министерстве экономического развития РФ. Но в связи с пандемией этот проект был откорректирован и в марте 2021 г. был снова обсужден на заседании Правительства Алтайского края¹. Генеральной целью стратегии является развитие человеческого капитала на основе устойчивого экономического роста. Эта цель предусматривает три стратегических приоритета — качество жизни, благосостояние, экология. Направления развития обрабатывающих производств раскрываются в Стратегии в приоритете «благосостояние». Стратегические цели и задачи в рамках этого приоритета обозначены по отраслям — агропромышленный комплекс, промышленность, каждая из которых раскрывается по видам деятельности —

пищевая и обрабатывающая промышленность, машиностроение и др. В соответствии с целевым (умеренно оптимистичным) сценарием Стратегии определены целевые индикаторы реализации генеральной цели стратегии: темп роста ВРП (в ценах 2019 г.) к уровню 2020 г.: 2024 г. — в 1,1 раза; 2035 г. — в 1,8 раза. После согласования проекта Стратегии в Минэкономразвития РФ он будет принят законом Алтайского края.

По Стратегии Алтайского края до 2025 г., в которой за базовый был принят 2011 г., по прогнозируемым среднегодовым темпам прироста ВРП края по форсированному сценарию должен был увеличиться в 2,6 раза относительно 2011 г. (табл. 4). По проекту Стратегии края до 2035 г., как уже было сказано выше, рост валового регионального продукта (в сопоставимых ценах) к уровню 2020 года прогнозируется в 2024 г. в 1,1 раза. Фактический среднегодовой рост ВРП края по данным Росстата за 2012–2019 гг. составил 101,4, то есть ВРП к 2020 г. возрос в 1,12 раза, что говорит об инерционности прогнозов.

¹ Официальный сайт Алтайского края. URL: https://www.altairregion22.ru/region_news/v-pravitelstve-altaiskogo-kрая-obsuzhdayut-strategiyu-razvitiya-regiona-do-2035-goda_907384.html

Таблица 4

Сравнение прогнозов ВРП по Стратегиям социально-экономического развития Алтайского края на периоды до 2025 и 2030 гг.

	2011 г.	2011–2015 гг.	2016–2020 гг.	2021–2025 гг.	2025–2030 гг.	2031–2035 гг.
Среднегодовые темпы роста ВРП в форсированном сценарии Стратегии Алтайского края до 2025 г. по периодам, %		1,07	1,07	1,07		
Значения ВРП на конечные годы периодов по форсированному сценарию Стратегии Алтайского края до 2025 г., в ценах 2011 г. млрд руб.	336,2	441,7	621,4	874,1		
Фактические значения ВРП Алтайского края по данным Росстата, рассчитанные в ценах 2011 г. млрд руб.	336,2	361,5	376,1*	566,3**		
Среднегодовые темпы роста ВРП по целевому сценарию Стратегии Алтайского края до 2035 г. по периодам, %				103	104,2	104,6
Значения ВРП на конечные годы периодов по целевому сценарию Стратегии Алтайского края до 2035 г., в ценах 2019 г. млрд руб.			615,0*	721,3	886,1	1109,5
Значения ВРП на конечные годы периодов по целевому сценарию Стратегии Алтайского края до 2035 г., в ценах 2011 г. млрд руб.			366,7	430,0	528,3	661,5

*Значение ВРП в 2019 г. в ценах 2011 г. и в ценах 2019 г.

**Значения ВРП по темпам прироста в Стратегии Алтайского края до 2025 г.

*** Значения ВРП по темпам прироста в Стратегии Алтайского края до 2035 г.

Как следует из таблицы 4, максимальные сценарии (форсированный в Стратегии до 2025 г. и целевой в Стратегии до 2035 г.) не совпадают по Стратегиям. Как оказалось, фактические значения ВРП в период действия Стратегии 2025 г. оказались ниже прогнозных по Стратегии, то есть Стратегия до 2025 г. к 2020 г. была не реализована. Интересно

отметить, что если значение ВРП в базовом 2019 г. измерить в ценах 2011 г., то прогнозные значения ВРП в 2025 г. по целевому сценарию Стратегии до 2035 г. будут ниже значений в прогнозах Стратегии до 2025 г. То есть в конечном итоге выводы Н. Н. Михеевой подтвердились на примере стратегий одного региона.

Подводя итоги анализа региональных прогнозов развития обрабатывающих производств Азиатской части России, можно сделать некоторые выводы о будущем этих производств. Исторически в Азиатской части России образовался довольно развитый комплекс обрабатывающих производств, отдельные виды которого полноценно вписываются в приоритетные направления стратегического развития промышленного потенциала России. Как уже было сказано, обрабатывающие производства Азиатской части России отличаются широким ассортиментом продукции — от ракетно-космической и авиационной техники до продуктов нефте-, газо-, углекислотной, деревообработки, лекарственных препаратов. Главная проблема — недостаточность инвестиционных ресурсов. Развитие обра-

ботки в Азиатской части России возможно только при условии хотя бы сохранения сложившейся динамики инвестиций в их основной капитал.

Обрабатывающая промышленность Азиатской части, как и всей России в целом, хотя и продолжает играть важнейшую роль в промышленном развитии, но по доле высокотехнологичных производств к концу второго десятилетия текущего века значительно отставала от развитых стран и была не готова к будущей конкуренции в условиях Индустрии 4.0 [10].

Тем не менее при любых сценариях будущего развития обрабатывающие производства должны рассматриваться как основа инновационно-ориентированного развития минерально-сырьевого комплекса Сибири и Дальнего Востока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Михеева Н. Н. Пространственные аспекты разработки экономических прогнозов: научный доклад / под ред. члена-корреспондента РАН А. А. Широга. М., 2021. 120 с. URL: <https://ecfor.ru/publication/prostranstvennye-aspekty-razrabotki-ekonomicheskikh-prognozov/>
2. Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 июня 2020 г. № 1512-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/Qw77Aau6IOSEluQqYnvR4tGMCy6rv6Qm.pdf/>
3. Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы. ИНИП РАН. URL: <https://ecfor.ru/publication/kompleksnaya-programma-nauchno-tehnicheskogo-progressa-sssr/>
4. Приперли к шведской стенке // Новая газета. 16.15.2021. № 77. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/15/priperli-k-shvedskoi-stenke>
5. Официальный портал Министерства экономического развития РФ. Стратегия социально-экономического развития Иркутской области на период до 2036 г. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/f6a0ffcdb4a24f5820251593766271a7/irk_obl.pdf
6. Медведев С. О. Организационно-экономический механизм управления переработкой древесных ресурсов на предприятиях лесопромышленного комплекса: дисс. ... канд. экон. наук. Красноярск, 2014. URL: <http://elibr.sfu-kras.ru/handle/2311/141200>
7. Бородкина В. В., Васильева З. А., Климин А. А., Хегай Ю. А. Предпосылки создания алюминиевого кластера в Красноярском крае // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10–3. С. 150–154. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27211409>
8. Веселая Л. С., Бажанов В. А. Машиностроение Сибири: возможности развития в условиях современных вызовов // Мир экономики и управления. 2018. Т. 18. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mashinostroenie-sibiri-vozmozhnosti-razvitiya-v-usloviyah-sovremennyh-vyzovov>
9. Амурский ГХК (СИБУР) Описание проекта. URL: <https://www.nipigas.ru/services/our-projects/amurskiy-gazokhimicheskiy-kompleks/>
10. Доржиева В. В. Современные тенденции развития обрабатывающей промышленности России и ее конкурентоспособность в условиях новой промышленной революции // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2019. Vol. 9. Is. 5A. Pp. 194–202. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2019-5/20-dorzheva.pdf>

REFERENCES

1. Mikheeva N. N. Spatial aspects of the development of economic forecasts: scientific report / ed. Corresponding Member of the RAS A. A. Shirova. Moscow, 2021. 120 p.

2. Consolidated strategy for the development of the manufacturing industry of the Russian Federation until 2024 and for the period until 2035. Approved by the order of the Government of the Russian Federation dated June 6, 2020 No. 1512-r. URL: <http://static.government.ru/media/files/Qw77Aau6IOSEIuQqYnvR4tGMCy6rv6Qm.pdf/>

3. Comprehensive program of scientific and technological progress of the USSR for 1991–2010. INP RAS. URL: <https://ecfor.ru/publication/kompleksnaya-programma-nauchno-tehnicheskogo-progressa-sssr/>

4. We pinned them to the Swedish wall // Novaya Gazeta. 16.15.2021. No. 77. URL: <https://novyagazeta.ru/articles/2021/07/15/priperli-k-shvedskoi-stenke>

5. Official portal of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. The strategy of social and economic development of the Irkutsk region for the period up to 2036. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/f6a0ffcdb4a24f5820251593766271a7/irk_obl.pdf

6. Medvedev S. O. Organizational and economic mechanism for managing the processing of wood resources at the enterprises of the timber industry complex: diss. ... cand. of econ. sc. Krasnoyarsk, 2014. URI: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/141200>

7. Borodkina V. V., Vasilyeva Z. A., Klimin A. A., Khagai Yu. A. Prerequisites for the creation of an aluminum cluster in the Krasnoyarsk Territory // Economy and entrepreneurship. 2016. No. 10–3. Pp. 150–154. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27211409>

8. Veselaya L. S., Bazhanov V. A. Mechanical engineering of Siberia: development opportunities in the context of modern challenges // The World of Economics and Management. 2018. Vol. 18, No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mashinostroenie-sibiri-vozmozhnosti-razvitiya-v-usloviyah-sovremennyh-vyzovov>

9. Amur Gas Chemical Complex (SIBUR) Description of the project. URL: <https://www.nipigas.ru/services/our-projects/amurskiy-gazokhimicheskiy-kompleks/>

10. Dorzhieva V. V. Modern trends in the development of the manufacturing industry in Russia and its competitiveness in the context of the new industrial revolution // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2019. Vol. 9. Is. 5A. Pp. 194–202. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2019-5/20-dorzhieva.pdf>

Поступила в редакцию: 30.08.2021.

Принята к печати: 04.10.2021.

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ТУРИСТСКОЙ ОТРАСЛИ И ОЦЕНКА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЕЕ РАЗВИТИЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

А. А. Титков¹, С. Ж. Ибраимова², С. С. Донцов¹

¹Торайгыров университет (Павлодар, Казахстан)

²Казахский университет технологии и бизнеса (Нур-Султан, Казахстан)

В статье рассмотрены современное состояние и экономические тенденции функционирования туристской отрасли Казахстана. Объектом исследования выступает экономика Павлодарской области. Предметом исследования является туристская отрасль и стратегические инвестиции в ее поступательное развитие. В ходе исследования особое внимание было акцентировано на динамику номинального и реального вклада туристской отрасли в экономику Павлодарской области, территориальное распределение туристских услуг и их структуру в разрезе укрупненных видов, тенденции занятости и производительности труда, производственные мощности туристских организаций и состояние их основного капитала. При оценке реального вклада туристской отрасли в развитие экономики Павлодарской области исследована динамика спроса на туристские услуги со стороны физических и юридических лиц. Для развития туристской отрасли выполнена укрупненно-аналитическая оценка стратегических инвестиций на основе прогнозирования валового регионального продукта и его темпов роста, удельного веса туристской отрасли в экономике региона, динамики объемов туристских услуг, фондоотдачи туристских организаций. Стратегические инвестиции в развитие туристской отрасли диверсифицированы по двум приоритетам — основной капитал и человеческие ресурсы, включая бизнес-процессы. Реализация выработанной инвестиционной политики позволяет значительно увеличить объемы оказания туристских услуг в регионе, утроить производительность труда в туристской отрасли, усилить положительные тенденции ее вклада в экономику региона. Проведенное исследование носит практико-ориентированный характер. Результаты исследования будут использованы в системе деятельности регионального управления туризма и спорта.

Ключевые слова: туристская отрасль, туристские услуги, рынок туристских услуг, валовый региональный продукт, спрос, производственные мощности, инвестиции.

THE CURRENT ECONOMIC STATE OF THE TOURISM INDUSTRY IN KAZAKHSTAN AND THE ASSESSMENT OF STRATEGIC INVESTMENTS IN ITS DEVELOPMENT (BASED ON MATERIALS FROM THE PAVLODAR REGION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

A. A. Titkov¹, S. Zh. Ibraimova², S. S. Dontsov¹

¹Toraigyrov University (Pavlodar, Kazakhstan)

²Kazakh University of Technology and Business (Nur-Sultan, Kazakhstan)

The article examines the current state and economic trends in the functioning of the tourism industry in Kazakhstan. The object of the research is the economy of the Pavlodar region. The subject of the research is the tourism industry and strategic investments in its development. In the course of the study, special attention was

focused on the dynamics of the nominal and real contribution of the tourism industry to the regional economy, the territorial distribution of tourism services and their structure, trends in employment and labor productivity, the production capacity of tourism organizations and the state of their fixed capital. When assessing the real contribution of the tourism industry to the development of the economy of the Pavlodar region, the dynamics of demand for tourist services from individuals and legal entities was investigated. For the development of the tourism industry, an integrated analytical assessment of strategic investments was carried out on the basis of forecasting the gross regional product and its growth rates, the share of tourism in the region's economy, the dynamics of the volume of tourism services, and the return on assets of tourism organizations. Strategic investments in the development of the tourism industry are diversified in two priorities — fixed assets and human resources, including business processes. Implementation of the developed investment policy makes it possible to significantly increase the volume of tourism services in the region, triple labor productivity in the tourism industry, and strengthen the positive trends in the contribution of the tourism industry to the regional economy. The research carried out has a practice-oriented character. The research results will be used in the system of activities of the Regional Department of Tourism and Sports.

Keywords: tourism industry, tourist services, market of tourist services, gross regional product, demand, production capacity, investments.

Введение. Туристская отрасль относится к сфере услуг с высокой добавленной стоимостью, которые направлены непосредственно на удовлетворение духовно-нравственных потребностей человека и общества, позволяют изучать культуру различных стран мира и тенденции развития цивилизации в целом. В условиях перехода экономики многих развитых и развивающихся стран мира к научно-техническому прогрессу на принципах «Индустриализация 4.0» туристская отрасль не остается в стороне. В сфере туристских услуг генерируются инновационные решения на основе ряда инструментов, таких как экономика впечатлений, инновационный маркетинг, инновационный менеджмент туристских кластеров, современные инновационные системы управления транспортным сообщением и пассажиропотоком. Республика Казахстан как центр Евразии обладает значительным туристским потенциалом, который при правильном использовании может позволить диверсифицировать экономику страны, развивать экспортоориентированный сырьевой сектор. Для развития туристской отрасли в Республике Казахстан разработана и принята целевая ведомственная Государственная программа «Развитие туристской отрасли Республики Казахстан на 2019–2025 годы». В реализации данной программы должны быть в максимальной степени задействованы все регионы страны.

Значительным туристским потенциалом в Республике Казахстан обладает Павлодарская область, в которой находится Национальный парк-заповедник «Баянаул». Также область обладает широкими возможностями развития сакрального и духовного, спортивного, сельского, промышленного туризма. Актуальность вопросов развития туристской от-

расли Павлодарской области требует углубленного экономического анализа ее состояния, с одной стороны, и комплексной оценки стратегический инвестиций в ее развитие — с другой.

Обзор публикаций по теме исследования.

Теоретическо-методические и прикладные аспекты развития регионального туризма широко освещаются казахстанскими учеными, учеными ближнего и дальнего зарубежья. Казахстанский ученый Ш. У. Уакбаев отмечает, что туристский регион представляет собой обособленную территорию, в рамках которой сосредоточены различные туристские ресурсы. Туристские регионы в рамках экономического анализа актуально систематизировать на микро-, мезо- и макрорегионы. Туристские макрорегионы охватывают туристскую отрасль страны в целом. Системный экономический анализ и моделирование процессов в региональной туристской отрасли основываются на ретроспективном анализе, который охватывает период от 5 до 15 лет. При этом учитываются социально-экономические факторы, особенности региональной экономики [1].

Ученым-исследователем М. Perelygina из Политехнического университета Гонк-Конга в вопросах развития регионального туризма акцентируется внимание на тенденции въездного и выездного туризма, при этом вводится понятие «культурная дистанция» [2].

Учеными-исследователями из Российской Федерации. Н. Г. Новиковой, К. А. Лебедевым, О. Е. Лебедевой отмечается, что развитие регионального туризма предполагает создание специальных малых и средних туристских предприятий, при этом наблюдается мультипликативный эффект за счет развития сопряженных отраслей экономики: строи-

тельства, торговли, сельского хозяйства, транспорта, связи, культуры и искусства. Региональная инвестиционная поддержка туристской отрасли носит системно-комплексный характер и предполагает:

- государственные инвестиции;
- средства иностранных инвесторов, в том числе в рамках создания совместных туристских предприятий;
- объединение акционерных капиталов и создание крупных региональных туристских корпораций;
- банковское кредитование и лизинговое обеспечение [3].

В исследованиях ученых дальнего зарубежья при рассмотрении вопросов развития регионального туризма акцент делается на приоритеты инвестиций в построение туристских кластеров. Наравне с денежными инвестициями аккумулируется интеллектуальный потенциал исследовательских организаций, организаций образования, туристских фирм [4]. Также рассматривается корреляционная взаимосвязь развития туристской отрасли и роста региональной экономики. При этом должна иметь место паритетная политика инвестиций как в развитие городского, так и сельского туризма [5].

Отдельными учеными-исследователями в рамках поиска оптимальных приоритетов инвестиционной политики развития туристской отрасли установлены закономерности, что инвестиции будут носить эффективный характер, при условии роста доходов населения и более близком их расположении к местам отдыха. Данные аспекты рассмотрены в научных изысканиях португальских ученых S. Cro, A. M. Martins [6].

Роль инвестиций в туристскую отрасль, ориентированных на количественный рост туристских услуг и создание новых рабочих мест, рассматривались ученым из Румынии G. Ilie [7].

Непосредственно зависимость инвестиций в туристскую отрасль и валовой добавленной стоимостью рассмотрена в научном исследовании учеными из Казахстана, Хорватии, Индии, Индонезии [8–11].

Методы исследования. В качестве основных методов исследования использовались аналитический и синтетический, статистический, расчетно-аналитический. Был также применен метод проектирования гипотез. В рамках аналитического метода исследования проанализированы в отдельности все составные элементы туристской отрасли Павлодарской области, такие как номинальный и реальный объем туристских услуг; объем туристских услуг в разрезе территорий региона; занятость, заработная плата и производительность труда; динамика организаций туристской отрасли; состояние основного капитала и производственных мощностей. Аналитический метод позволил определить проблемные точки функционирования туристской отрасли региона. На основании аналитического метода применен метод гипотез. В рамках основной гипотезы определено, что туристская отрасль региона нуждается в инвестиционных вложениях: инвестиции в инфраструктурное развитие (основной капитал) и инвестиции в человеческие ресурсы. На основании метода гипотез для достижения результирующих показателей был использован синтетический метод исследования, в рамках которого также применен расчетно-аналитический метод.

Результаты и обсуждение. Туристская отрасль и туристские услуги в Павлодарской области, несмотря на значительный период времени становления рыночных отношений в регионе, находится на этапе развития. Функционирование туристской отрасли сопровождается незначительными экономическими циклами, а ее номинальный вклад в развитие экономики региона за 2015–2019 гг. варьировал в пределах от 0,55 до 0,3% (табл. 1, рис. 1).

Функционирование туристской отрасли сосредоточено на предоставлении широкого спектра услуг, таких как:

- гостиничный бизнес (услуги по размещению);
- отдых, развлечения;
- спорт.

Таблица 1

Номинальная динамика оценки вклада туристской отрасли в валовый региональный продукт Павлодарской области

Наименование показателя	Годы				
	2015	2016	2017	2018	2019
Валовый региональный продукт (ВРП), млрд тенге	1736,2	1975,5	2369,3	2746,7	2805,9
Номинальные туристские услуги (полный комплекс услуг прямо и косвенно связанных с туризмом), млрд тенге	9,6	8,7	9,9	7,9	8,5
Номинальный вклад туристской отрасли в ВРП, %	0,55	0,44	0,42	0,29	0,30

Источник: составлено авторами [12, 13].

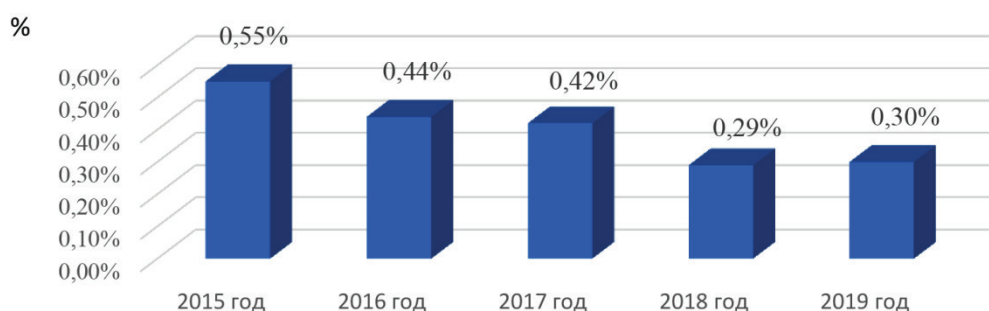

Рис. 1. Динамика номинального вклада туристской отрасли в ВРП Павлодарской области
Источник: составлено авторами [12, 13]

В данных направлениях Павлодарская область обладает определенным потенциалом. Максимальные объемы оказания услуг, связанных с туристской деятельностью, и максимальные темпы их роста приходились на 2017 и 2019 гг. Темпы роста услуг в данные периоды времени составили 114,1 и 107% соответственно (табл. 2, рис. 2).

Основной спектр услуг, связанных с туристской деятельностью, приходится на города Павлодарской области (Павлодар, Экибастуз, Аксу). Минимальные объемы услуг приходятся на сельские территории региона.

Все услуги от туристской деятельности в разрезе укрупненных видов, сосредоточены по двум направлениям:

- услуги по размещению (гостиничные услуги);
- прочие услуги по организации отдыха.

Исследование динамики укрупненных видов услуг, связанных с туристской деятельностью, показывает, что наблюдается положительная динамика услуг по размещению при одновременной отрицательной динамике услуг по организации отдыха (табл. 3). Тем не менее с 2015 по 2019 г. в структуре услуг туристской деятельности преобладали услуги по организации отдыха (рис. 3).

Таблица 2

Динамика туристических услуг в разрезе городов и районов Павлодарской области, тыс. тенге

Наименования городов, районов	Годы				
	2015	2016	2017	2018	2019
Павлодарская область	9 592 200	8 668 100	9 886 100	7 989 000	8 544 400
г. Павлодар	6 323 200	5 007 300	5 598 400	3 168 600	3 845 900
г. Аксу	401 200	406 500	563 300	625 900	632 200
г. Экибастуз	731 800	956 900	1 203 700	1 093 500	1 217 800
Актогайский район	139 200	225 800	198 200	209 700	220 900
Баянаульский район	238 000	341 100	279 100	329 800	375 800
Железинский район	81 900	163 500	216 900	228 700	269 200
Иртышский район	145 600	176 000	240 000	195 000	208 000
Район Тереңкөл	153 600	204 800	218 400	243 400	275 800
Район Аққулы	132 600	149 900	121 200	135 900	163 500
Майский район	144 300	171 500	188 700	203 700	253 800
Павлодарский район	199 400	321 900	348 100	389 800	366 800
Успенский район	149 400	181 500	211 600	238 200	234 300
Щербактинский район	169 300	225 900	220 000	318 800	285 900

Источник: составлено авторами [13].

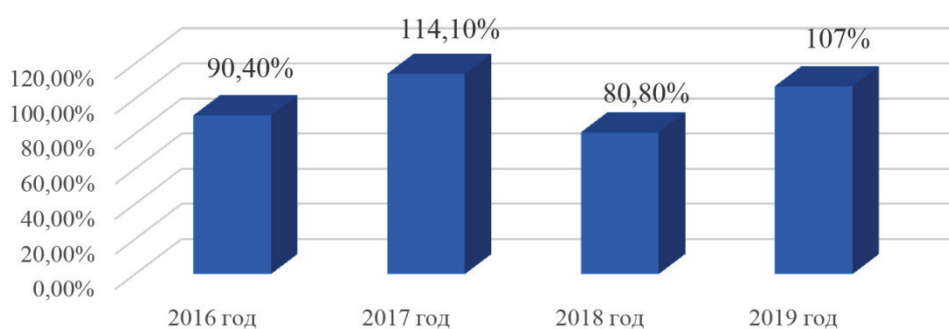

Рис. 2. Динамика туристических услуг
Источник: составлено авторами [13]

Таблица 3

**Динамика структуры туристических услуг, оказываемых
в Павлодарской области, в разрезе их укрупненных видов, тыс. тенге**

Наименование показателя	Годы				
	2015	2016	2017	2018	2019
Услуги по размещению	324 833,4	1 591 832,4	1 852 259,7	2 130 571,5	3 367 502,4
Прочие услуги по организации отдыха	9 267 366,6	7 076 267,6	8 033 840,3	5 858 428,5	5 176 897,6
Итого	9 592 200	8 668 100	9 886 100	7 989 000	8 544 400

Источник: составлено авторами [13–18].

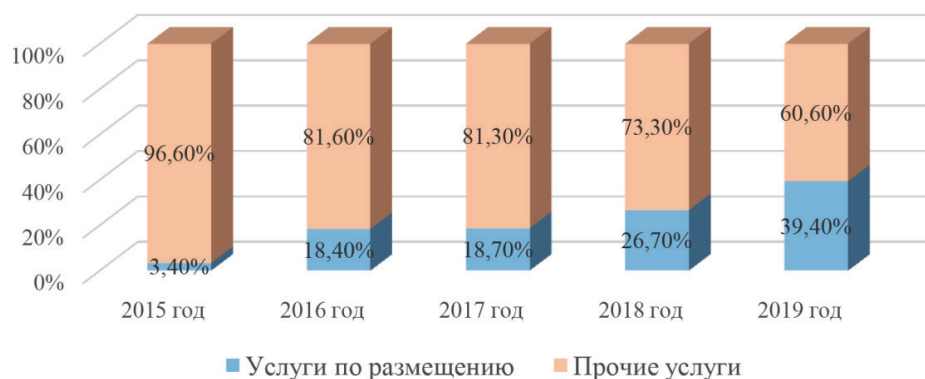

Рис. 3. Динамика структуры туристических услуг, оказываемых в Павлодарской области
в разрезе их укрупненных видов
Источник: составлено авторами [13–18]

В рамках динамики роста услуг по размещению, положительная динамика приходится на следующие районы Павлодарской области:

- город Павлодар;
- города Аксу и Экибастуз;
- Баянаульский район.

Хорошая положительная динамика услуг по размещению была характерна для Баянаульского района. Темпы роста данного вида услуг составили:

- 2017 г. — 105,4%;
- 2018 г. — 111,8%;
- 2019 г. — 114% (рис. 4).

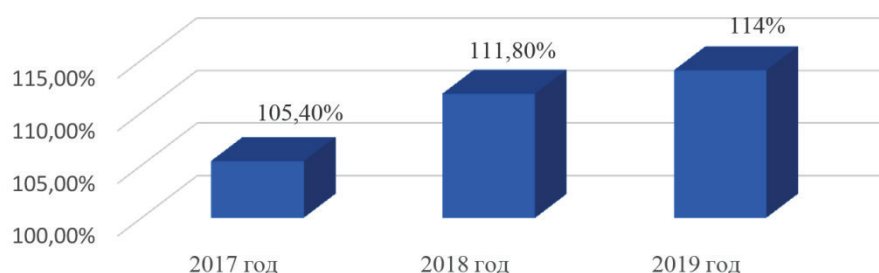

Рис. 4. Темпы роста услуг по размещению в Баянаульском районе
Источник: составлено авторами [14–18]

На региональном уровне спрос на туристические услуги формируют два типа субъектов рыночных отношений:

— физические лица (население);

— юридические лица.

Следует отметить, что наблюдается снижение спроса на туристские услуги со стороны физических лиц (табл. 4).

Таблица 4

Динамика туристических услуг, оказываемых в Павлодарской области, в разрезе основных потребителей, тыс. тенге

Наименование показателя	Годы				
	2015	2016	2017	2018	2019
Физические лица (население)	3 044 400	1 665 100	2 017 800	1 843 100	1 644 900
Юридические лица	6 547 800	7 003 000	7 868 200	6 145 900	6 899 400
Итого	9 592 200	8 668 100	9 886 100	7 989 000	8 544 400

Источник: составлено авторами [13].

Туризм как отрасль экономики, занимающаяся в первую очередь организацией свободного времени, может успешно существовать при наличии двух условий:

— свободное время граждан;
— достаточные материальные средства, доходы физических лиц.

Таким образом, необходимыми предпосылками возникновения массового спроса на туризм и поддержания его на высоком уровне являются увеличение свободного времени и рост благосостояния граждан Павлодарской области и Рес-

публики Казахстан в целом. Потребность в отдыхе относится к верхнему уровню пирамиды потребностей человека [19].

С учетом вышеизложенного следует полагать, что в качестве реальных услуг, непосредственно относящихся к туризму, следует рассматривать услуги, спрос на которые предъявляется со стороны физических лиц. Последнее позволяет осуществить сопоставимую оценку номинального и реального вклада туристской отрасли в развитие экономики Павлодарской области (табл. 5, рис. 5).

Таблица 5

Динамика оценки номинального и реального вклада туристской отрасли в ВРП Павлодарской области

Наименование показателя	Годы				
	2015	2016	2017	2018	2019
Валовый региональный продукт, млрд тенге	1 736,2	1 975,5	2 369,3	2 746,7	2 805,9
Номинальные туристские услуги (полный комплекс услуг прямо и косвенно связанных с туризмом), млрд тенге	9,6	8,7	9,9	7,9	8,5
Реальные туристские услуги (услуги, непосредственно связанные с туристской деятельностью), млрд тенге	3,04	1,7	2,02	1,84	1,64
Номинальный вклад туристской отрасли в ВРП, %	0,55	0,44	0,42	0,29	0,30
Реальный вклад туристской отрасли в ВРП, %	0,18	0,09	0,09	0,07	0,06

Источник: составлено авторами [12, 13].

Рис. 5. Динамика оценки номинального и реального вклада туристской отрасли в развитие экономики Павлодарской области
Источник: составлено авторами [12, 13]

В целом на современном этапе вклад туристской отрасли в развитие региона как с номинальной, так и с реальной точки зрения, остается на весьма невысоком уровне.

В качестве результирующих основ экономических результатов функционирования туристской отрасли Павлодарской области выступают:

- занятость населения в сфере туризма;
- средняя заработная плата работников туристской сферы;
- производительность труда в туристской сфере.

Занятость населения в туристской сфере носит циклический характер (рис. 6).

Рис. 6. Динамика занятости населения в туристской отрасли Павлодарской области
Источник: составлено авторами [14–18]

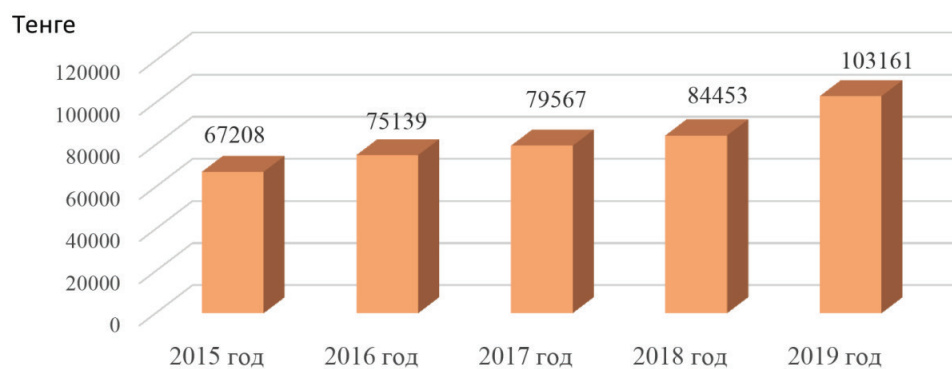

Рис. 7. Динамика средней заработной платы в туристской отрасли Павлодарской области
Источник: составлено авторами [20]

Максимальный пик занятости в туристской сфере приходился на 2016–2017 гг. В данные периоды в туристской сфере было занято 9200 и 9100 человек соответственно.

В туристской отрасли наблюдался рост средней заработной платы, которая за последние пять лет выросла с 67,2 тыс. тенге до 103,2 тыс. тенге (рис. 7).

Сопоставляя динамику занятости и номинальные объемы производства услуг, связанных с ту-

ристской деятельностью, можно определить динамику производительности труда в туристской отрасли (рис. 8).

Сравним теперь динамику производительности труда к занятости населения в туристской отрасли. Видно, что с определенной степенью вероятности имеет место интенсификация трудовых процессов. Тем не менее величина производительности остается на весьма низком уровне.

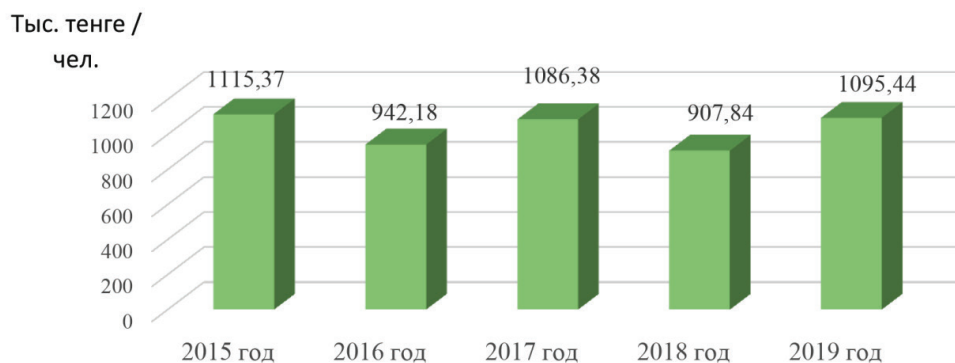

Рис. 8. Динамика производительности труда в туристской отрасли Павлодарской области
Источник: составлено авторами [20]

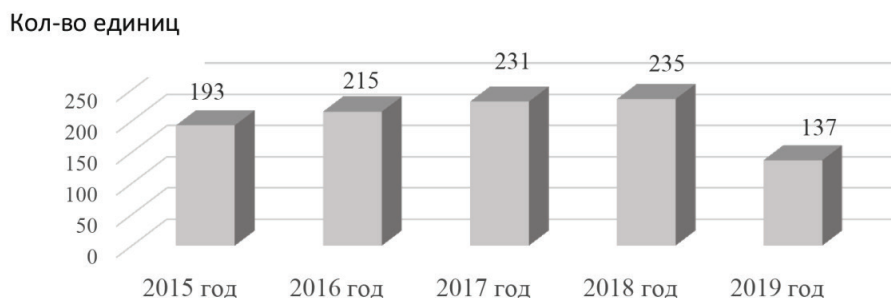

Рис. 9. Динамика организаций Павлодарской области, оказывающих туристические услуги
Источник: составлено авторами [13]

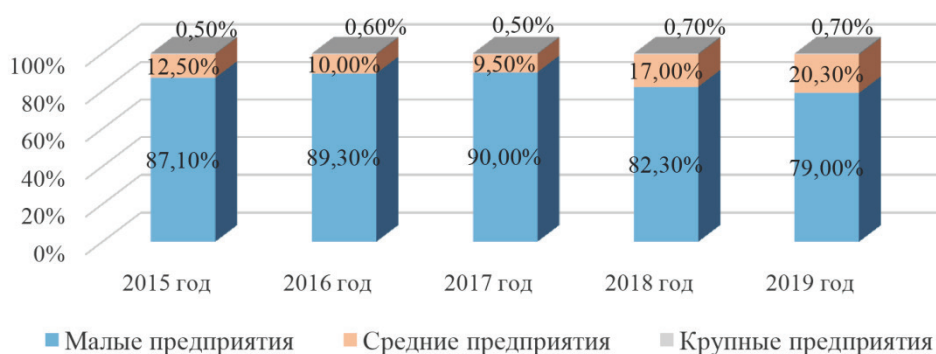

Рис. 10. Динамика структуры организаций, оказывающих туристские услуги в Павлодарской области, в зависимости от их правового статуса
Источник: составлено авторами [13]

В качестве исходных инфраструктурных организационно-экономических основ функционирования туристской отрасли выступают:

- организации, предоставляющие спектр услуг, связанных с туристской деятельностью;
- производственные мощности гостиничного бизнеса;
- наличие основного капитала (основных фондов).

Динамика организаций, оказывающих услуги, связанные с туристской деятельностью, носит циклический характер. Общее количество организаций, оказывающих услуги, связанные с туристской деятельностью с 2015 по 2019 гг., сократилось с 193 единиц до 137 единиц (рис. 9).

Основной объем оказываемых услуг приходится на малые предприятия (рис. 10).

В качестве ведущих производственных мощностей в туристской сфере Павлодарской области следует рассматривать:

- количество номеров размещений в гостиничных комплексах;
- потенциальное количество гостей для одномоментного размещения.

Динамика количества гостей для одномоментного размещения представлена в таблице 6.

Максимальные производственные мощности туристской деятельности по одномоментному размещению гостей приходятся на город Павлодар и Баянаульский район.

В Павлодарской области имеется положительная динамика уровня капитализации туристской отрасли.

Таблица 6

Динамика производственных мощностей туристской отрасли Павлодарской области по одномоментному размещению гостей, человек

Наименование городов, районов	Годы				
	2015	2016	2017	2018	2019
Павлодарская область	4 648	5 800	5 620	5 584	6 116
г. Павлодар	1 708	1 996	1 976	1 718	-
г. Аксу	338	362	330	330	-
г. Экибастуз	450	488	344	344	348
Актогайский	0	6	6	14	14
Баянаульский район	1 676	2 494	2 520	-	2 964
Железинский район	6	8	8	-	6
Иртышский район	24	44	44	44	68
Район Тереңкөл	-	0	0	14	44
Район Аққұлы	-	10	0	0	-
Майский	-	2	2	0	-
Павлодарский район	254	198	198	198	-
Щербактинский район	192	192	192	202	210

Источник: составлено авторами [14–18].

По состоянию на 2019 г. стоимость основных фондов в туристской сфере составляет 24,9 млрд тенге. При этом имеют место нарастающие тен-

денции износа основных фондов. По состоянию на 2019 г. степень износа основных фондов в туристской отрасли составила 46,2% (табл. 7).

Таблица 7

Динамика состояния основного капитала туристской отрасли Павлодарской области

Наименование показателя	Годы				
	2015	2016	2017	2018	2019
Первоначальная стоимость основного капитала, млн тенге	21 929,7	22 351,4	22 513,3	21 636,0	24 968,4
Балансовая стоимость основного капитала, млн тенге	12 750,0	13 001,5	12 343,7	11 157,5	13 428,9
Степень износа основных фондов, %	41,9	41,8	45,2	48,4	46,2

Источник: составлено авторами [21].

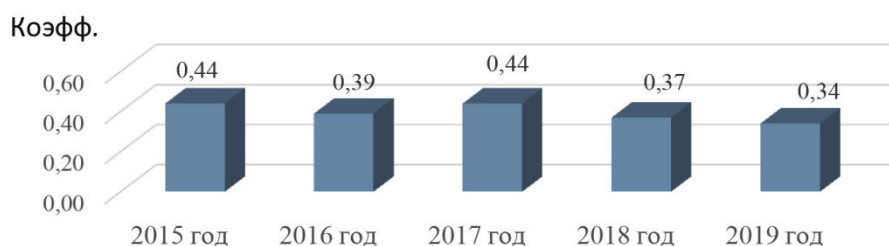

Рис. 11. Динамика фондоотдачи в туристской отрасли Павлодарской области
Источник: составлено авторами [21]

Уровень эффективности основных фондов в туристской отрасли может быть охарактеризован показателем фондоотдачи (рис. 11).

Исследование и анализ общих экономических тенденций функционирования туристской отрасли в Павлодарской области позволяет выполнить укрупненно-аналитическую оценку среднесрочных инвестиций на основании следующих оценок:

- прогнозирование среднесрочной динамики вклада туристской отрасли в ВРП Павлодарской области;
- прогнозирование инвестиций в развитие туристской отрасли в рамках государственной поддержки;

- прогнозирование инвестиций в развитие туристской отрасли в рамках государственной поддержки и привлечения частных инвестиций;
- прогнозирование занятости и производительности труда в туристской отрасли;
- прогнозирование результирующих показателей развития туристской отрасли Павлодарской области.

Прогнозы валового регионального продукта и удельного веса туристской отрасли в экономике региона позволяют прогнозировать совокупный объем туристских услуг до 2025 г. (табл. 8).

Таблица 8

Прогноз среднесрочной динамики вклада туристской отрасли в ВРП Павлодарской области

Наименование показателя	Годы					
	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Валовый региональный продукт (ВРП), млрд тенге (прогноз)	2867,63	2982,33	3039,69	3191,10	3282,86	3510,21
Темп роста ВРП, % (прогноз)	102,2	104	106	107	108	110
Реальный удельный вес туристской отрасли в ВРП (план), %	0,06	0,16	0,26	0,36	0,46	0,56
Туристские услуги, млрд тенге (план)	1,72	4,77	7,90	11,49	15,10	19,66

Источник: составлено авторами.

Таблица 9

Прогнозирование инвестиций в развитие туристской отрасли Павлодарской области с учетом государственной поддержки

Наименование показателя	Годы					
	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Туристские услуги, млрд тенге (план)	1,72	4,77	7,90	11,49	15,10	19,66
Фондоотдача, коэф.	0,34	0,38	0,42	0,46	0,5	0,54
Динамика инвестиций в основной капитал, тыс. тенге	-	1812600	3318000	5285400	7550000	10616400
Инвестиции в HR и администрирование процессов, тыс. тенге (1%)	-	9063,00	16590,00	26427,00	37750,00	53082,00
Итого инвестиций, тыс. тенге	-	1821663	3334590	5311827	7587750	10669482

Источник: составлено авторами.

Сопоставление прогноза объемов туристских услуг с прогнозом роста фондоотдачи позволяет сделать прогноз инвестиций в основной капитал данной отрасли, а также необходимый объем минимальных инвестиций в человеческие ресурсы и процессы администрирования (табл. 9).

Расчеты показывают, что общая потребность в инвестициях для развития туристской отрасли Павлодарской области составляет около 28,7 млрд тенге на стратегический период в 5 лет. Данные инвестиции могут финансироваться из всех потенциальных возможных источников (государственный бюджет, частные и иностранные инвестиции, инвестиции корпорации).

Запланированные и реализованные на практике инвестиции в развитие туристской отрасли Павлодарской области позволяют интенсифицировать тенденции ее развития, создать новые качественные условия для экономического роста региона.

Представленная методика планирования инвестиций играет исключительно важную роль в научном обосновании путей развития туристской отрасли во всех регионах Республики Казахстан. Инвестиции, объем туристских услуг должны развиваться не только с количественных позиций, но и оказывать ка-

чественное влияние на экономику региона (рост валового регионального продукта, рост производительности труда и занятости населения).

Заключение. Исследование и анализ общих экономических тенденций функционирования туристской отрасли в Павлодарской области показывает, что туристская деятельность и отрасль в целом находятся на начальном этапе становления и развития, несмотря на достаточно длительный период эволюции рыночных отношений в Республике Казахстан. Туристская отрасль функционирует циклично, что свидетельствует о системных проблемах ее развития, интенсификации. Несмотря на это, использование целевых программных инструментов реформирования туристской отрасли позволяет в стратегическом периоде значительно улучшить качественные результаты ее функционирования. К 2025 г. за счет целевого привлечения инвестиций в туристскую отрасль региона ее удельный вес в экономике может вырасти до 0,56%, а общий объем туристских услуг — увеличиться в 11,4 раза. Как следствие, будет наблюдаться постепенная диверсификация экономики области от промышленности в сторону услуг с высокой добавленной стоимостью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уакбаев Ш. У. Туризм как фактор регионального и межрегионального развития. URL: <https://articlekz.com/article/19846>.
2. Perelygina M. Cultural distance: visa accessibility approach // Regional tourism: experience, problems, prospects. Collection of scientific articles. Iss. 7. (Materials of the V International Scientific Conference «Regional Tourism: Experience, Problems, Prospects», September 27, 2018, Izhevsk). Izhevsk, 2018. 184 p.
3. Новикова Н. Г., Лебедев К. А., Лебедева О. Е. Региональный туризм как фактор социально-экономического развития экономики // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2016. Т. 10. № 2. С. 15–21.
4. Doina D. F. Innovative regional cluster, model of tourism development // Procedia economics and finance. 2015. Vol. 23. Pp. 744–749. URL: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00501-8](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00501-8).
5. Calero C., Turner L. W. Regional economic development and tourism: A literature review to highlight future directions for regional tourism research // Tourism Economics. 2019. Vol. 26. (1). Pp. 3–26. URL: <https://doi.org/10.1177/1354816619881244>.
6. Cro S., Martins A. M. Foreign Direct Investment in the tourism sector: The case of France // Tourism Management Perspectives. 2020. Vol. 33. Pp. 11–18. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2019.100614>.
7. Ilie G. Foreign direct investment in tourism sector // Knowledge Horizons — Economics. 2015. Vol. 7. Pp. 9–13. URL: http://orizonturi.ucdc.ro/arhiva/khe-vol7-nr3-2015/Georgeta_Ilie.pdf.
8. Bezic H., Radic M. N. Tourism foreign direct investment led tourism gross value added: a co-integration and causality analysis of Croatian tourism // Economic Research-Ekonomska Istraživanja. 2017. Vol. 30. No. 1. Pp. 1443–1460. URL: <https://doi.org/10.1080/1331677X.2017.1340173>.
9. Ohlan R. The relationship between tourism, financial development and economic growth in India // Future Business Journal. 2017. Vol. 3 (1). Pp. 9–22. URL: <https://doi.org/10.1016/j.fbj.2017.01.003>.
10. Suhel S., Bashir A. The role of tourism toward economic growth in the local economy // Economic Journal of Emerging Markets. 2018. № 10 (1). Pp. 32–39. URL: <https://journal.uui.ac.id/JEP/article/view/7714>.
11. Tulbayeva A., Abdikarimova M., Ganitayev M., Imangulova T., Pestova A. Optimization problems distribution of investments for the implementation strategy of domestic tourism in Kazakhstan // Revista Espacios. 2017. Vol. 38. No. 47. P. 37. URL: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n47/a17v38n47p37.pdf>.

12. Павлодарская область в 2019 году // Статистический сборник. 2020. 233 с.
13. Услуги и культура в Павлодарской области // Статистический сборник. 2020. 74 с.
14. О деятельности мест размещения в Павлодарской области // Статистика туризма. 2015. 13 с.
15. О деятельности мест размещения в Павлодарской области // Статистика туризма. 2016. 14 с.
16. О деятельности мест размещения в Павлодарской области // Статистика туризма. 2017. 16 с.
17. О деятельности мест размещения в Павлодарской области // Статистика туризма. 2018. 16 с.
18. О деятельности мест размещения в Павлодарской области // Статистика туризма. 2019. 17 с.
19. Квартальнов В. А. Туризм. Маркетинг рынка потребителей туристских услуг. URL: https://tourlib.net/books_tourism/kvartalnov_tourism14.htm
20. Занятость и оплата труда в Павлодарской области // Статистический сборник. 2020. 140 с.
21. Основные фонды Павлодарской области // Статистический сборник. 2020. 65 с.

REFERENCES

1. Uakbaev Sh. U. Tourism as a factor of regional and interregional development. URL: <https://articlekz.com/article/19846>.
2. Perelygina M. Cultural distance: visa accessibility approach // Regional tourism: experience, problems, prospects. Collection of scientific articles. Iss. 7. (Materials of the V International Scientific Conference “Regional Tourism: Experience, Problems, Prospects”, September 27, 2018, Izhevsk). Izhevsk, 2018. 184 p.
3. Novikova N. G., Lebedev K. A., Lebedeva O. E. Regional tourism as a factor of socio-economic development of the economy // Vestnik SUSU. Series “Economics and Management”. 2016. T. 10. No. 2. Pp. 15–21.
4. Doina D. F. Innovative regional cluster, model of tourism development // Procedia economics and finance. 2015. Vol. 23. Pp. 744–749. URL: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00501-8](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00501-8).
5. Calero C., Turner L. W. Regional economic development and tourism: A literature review to highlight future directions for regional tourism research // Tourism Economics. 2019. Vol. 26. Iss. 1. Pp. 3–26. URL: <https://doi.org/10.1177/1354816619881244>.
6. Cro S., Martins A. M. Foreign Direct Investment in the tourism sector: The case of France // Tourism Management Perspectives. 2020. Vol. 33. Pp. 11–18. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2019.100614>.
7. Ilie G. Foreign direct investment in tourism sector // Knowledge Horizons — Economics. 2015. Vol. 7. Pp. 9–13. URL: http://orizonturi.ucdc.ro/arhiva/khe-vol7-nr3-2015/Georgeta_Ilie.pdf.
8. Bezic H., Radic M. N. Tourism foreign direct investment led tourism gross value added: a co-integration and causality analysis of Croatian tourism // Economic Research-Ekonomska Istraživanja. 2017. Vol. 30. No. 1. Pp. 1443–1460. URL: <https://doi.org/10.1080/1331677X.2017.1340173>.
9. Ohlan R. The relationship between tourism, financial development and economic growth in India // Future Business Journal. 2017. Vol. 3. Iss. 1. Pp. 9–22. URL: <https://doi.org/10.1016/j.fbj.2017.01.003>.
10. Suhel S., Bashir A. The role of tourism toward economic growth in the local economy // Economic Journal of Emerging Markets. 2018. No. 10 (1). Pp. 32–39. URL: <https://journal.uui.ac.id/JEP/article/view/7714>.
11. Tulbayeva A., Abdikarimova M., Ganitaev M., Imangulova T., Pestova A. Optimization problems distribution of investments for the implementation strategy of domestic tourism in Kazakhstan // Revista Espacios. 2017. Vol. 38. No. 47. P. 37. URL: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n47/a17v38n47p37.pdf>.
12. Pavlodar region in 2019 // Statistical collection. 2020. 233 p.
13. Services and culture in Pavlodar region // Statistical collection. 2020. 74 p.
14. On the activities of placements in the Pavlodar region // Tourism statistics. 2015. 13 p.
15. On the activities of placements in the Pavlodar region // Tourism statistics. 2016. 14 p.
16. On the activities of placements in the Pavlodar region // Tourism statistics. 2017. 16 p.
17. On the activities of placements in the Pavlodar region // Tourism statistics. 2018. 16 p.
18. On the activities of placements in the Pavlodar region // Tourism statistics. 2019. 17 p.
19. Kvartalnov V. A. Tourism. Marketing of the market of consumers of tourism services. URL: https://tourlib.net/books_tourism/kvartalnov_tourism14.htm
20. Employment and wages in Pavlodar region // Statistical collection. 2020. 140 p.
21. Fixed assets of Pavlodar region // Statistical collection. 2020. 65 p.

Поступила в редакцию: 16.07.2021.

Принята к печати: 12.10.2021.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ «ИНФРАСТРУКТУРА ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР» В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ

Е. Н. Чернавских

Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург, Россия)

Системным ограничением дальнейшего развития российского предпринимательства выступает его инфраструктурное обеспечение. В условиях объявленной трансформации институтов развития предпринимательства недостаточная развитость инфраструктуры поддержки остается актуальной научной и практической проблемой. Цель статьи — выявление и систематизация теоретических подходов к содержанию понятия «инфраструктура поддержки предпринимательских структур» для их комплексного учета при последующей оценке адаптационных возможностей инфраструктуры к новым условиям экономической политики. Авторский анализ исследований показал, что за последние десятилетия сложился набор терминов, с различной точностью определяющих понятие «инфраструктура поддержки предпринимательских структур». Благодаря применению контент-анализа установлено, что категория «инфраструктура поддержки предпринимательских структур» формулируется в рамках функционального, объектного и территориального подходов. Впервые выделенные таким образом составляющие данного понятия, а также классификация его элементов способны стать основой для теоретической систематизации и комплексной оценки адаптационных возможностей инфраструктуры в трансформирующихся условиях.

Ключевые слова: инфраструктура поддержки, инфраструктурное обеспечение предпринимательской деятельности, предпринимательство, контент-анализ, типология.

SYSTEMATIZATION OF SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO CONTENT OF THE CONCEPT OF “INFRASTRUCTURE FOR SUPPORTING BUSINESS STRUCTURES” IN THE CONTEXT OF REFORMING OF DEVELOPMENT INSTITUTIONS

E. N. Chernavskih

Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

The systemic limitation of the further development of Russian entrepreneurship is its infrastructure support. Insufficient development of the support infrastructure remains an urgent scientific and practical problem in the context of the announced transformation of business development institutions. The purpose of the article is to identify and systematize theoretical approaches to the content of the concept “support infrastructure of business structures’ for their comprehensive consideration in the subsequent assessment of the adaptation capabilities of infrastructure to the new conditions of economic policy. The author’s analysis of the research has shown that over the past decades there has been a set of terms that define the concept of “support infrastructure of business structures’ with varying accuracy. Thanks to the application of content analysis, it is established that the category of “support infrastructure of business structures’ is formulated within the framework of functional, object and

territorial approaches. For the first time, the components of this concept, identified in this way, as well as the classification of its elements. This can become the basis for a theoretical systematization and a comprehensive assessment of the adaptive capabilities of the infrastructure in transforming conditions.

Keywords: support infrastructure, infrastructure support of entrepreneurial activity, entrepreneurship, content analysis, typology.

Введение. В экономических исследованиях сложилось устойчивое мнение, что инфраструктура является ключевым фактором развития предпринимательства как процесса в целом [1, 2; 3, с. 101; 4, с. 71; 5, с. 59]. Выделяется множество других факторов. Например, Е. Д. Рыжаков [6, с. 75–76] приводит следующие факторы:

- открытость рынка, сложность преодоления барьеров входа;
- финансовая поддержка;
- культурные и социальные нормы;
- государственная экономическая политика (программы и др. меры);
- образование и профессиональная подготовка;
- уровень инвестиционной активности предпринимателей;
- уровень внедрения научно-технических разработок;
- защита прав интеллектуальной собственности.

С. Н. Бочаров обосновывает важность личностных качеств в предпринимательской деятельности [7]. Стоит отметить, что выделенные выше факторы крайне тесно связаны и взаимовлияют на инфраструктуру поддержки предпринимательства, что подтверждает ее особую значимость. Поддержка предпринимательства традиционно выступает частым направлением исследований [8, с. 131]. В качестве причин значимости инфраструктуры для развития предпринимательских структур чаще всего указывают следующие:

- развитая инфраструктура может нейтрализовать негативное влияние на предпринимателей высоких трансформационных и транзакционных издержек [9, с. 189];
- исторически и логически инфраструктура появляется в процессе организации и развития предпринимательства через разделение деятельности на основную и вспомогательную (впоследствии может развиваться в самостоятельную инфраструктурную отрасль) [6, с. 74];
- неразвитость или недоступность инфраструктуры выступает важнейшей проблемой развития предпринимательства [9, с. 188];

- инфраструктура является частью экономической системы;
- инфраструктура способна выступить основой для появления и внедрения инноваций [9, с. 189] и др.

Значимость инфраструктуры поддержки предпринимательства усиливается в условиях пересмотра экономической политики, обусловленного реализацией национальных проектов. Переоценка привела к запуску в 2021 г. реформирования институтов развития предпринимательства. Данные обстоятельства усиливают проблему развитости его инфраструктуры поддержки. В этих условиях научная актуальность исследования состоит в необходимости уточнения теоретических подходов для оценки ее способности к адаптации. Поэтому цель работы — выявление и систематизация теоретических подходов к содержанию категории «инфраструктура поддержки предпринимательских структур» для их комплексного учета при последующей оценке адаптационных возможностей инфраструктуры к новым условиям экономической политики. Для реализации цели предлагается решение следующих задач: 1) научно-методический обзор терминов, описывающих инфраструктуру поддержки предпринимательских структур; 2) контент-анализ определений такой инфраструктуры и авторская группировка теоретических подходов к ее содержанию; 3) систематизация подходов к классификации элементов инфраструктуры поддержки предпринимательства.

Научно-методический обзор терминов, обозначающих инфраструктуру поддержки предпринимательских структур. Авторский анализ литературы по данной проблематике показал, что существует набор терминов, близких по смыслу к понятию «Инфраструктура поддержки предпринимательских структур». В отечественной экономической литературе данному понятию предшествовало рассмотрение других терминов. Например, Л. А. Ибрагимов использует термин «инфраструктура товарного рынка» [10, с. 12]. Позднее появились другие определения, более близкие к анализируемому, но притом достаточно обобщающие. Так, Е. Д. Рыжаков предлагает термин «предпринимательская инфраструктура» [6, с. 74]. Такой подход обуславливает широкую трактовку рассма-

триваемого определения. Этот же термин Н. Солодилова, Р. Маликов и Р. Сабирова [9, с. 188] также рассматривают широко и в определении отдельно не отражают задачу «поддержки», но в содержании указывают на функцию «обеспечение». Ряд более конкретизированных терминов уже содержит слово «обеспечение» в качестве уточняющего. Например, «инфраструктурное обеспечение предпринимательской деятельности». Так, А. Н. Макаревич и Т. Ю. Сазонова [11, с. 323] закладывают более комплексный подход, который развивается и другими исследователями. И. В. Стецык еще расширяет словосочетание и использует термин «система инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности» [12]. При всей широте тер-

мина данное определение отражает очень узкий отраслевой подход.

Наряду со смежными терминами в экономической литературе накопился ряд определений, целенаправленно описывающих инфраструктуру поддержки предпринимательских структур (табл. 1), несмотря на то, что исследователями сами субъекты называются по-разному:

- инфраструктура предпринимательской деятельности;
- инфраструктура малого бизнеса;
- инфраструктура предпринимательства;
- инфраструктура субъектов МСП (малого и среднего предпринимательства) и др.

Таблица 1

**Теоретический обзор определений понятия
«инфраструктура поддержки предпринимательских структур»**

Автор(ы), год	Содержание подхода
И. Г. Сиземов (2006)	«Система государственных, общественных и коммерческих организаций, обеспечивающих эффективное развитие малого предпринимательства в образовательной, консалтинговой, информационной, научно-технической, производственной, маркетинговой, финансовой сферах» [13, с. 32]
С. А. Сухова (2007)	«Система государственных и негосударственных органов, институтов, организаций, а также частных лиц, их взаимосвязь, деятельность которых тем или иным образом направлена на поддержку и обслуживание предприятий и предпринимателей, обеспечивающая устойчивое экономическое развитие и функционирование поселений и межселенных территорий» [14, с. 389]
Федеральный закон № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» (2007)	«Система коммерческих и некоммерческих организаций, которые создаются, осуществляют свою деятельность или привлекаются в качестве поставщиков (исполнителей, подрядчиков) для осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд при реализации государственных программ (подпрограмм) Российской Федерации, государственных программ (подпрограмм) субъектов Российской Федерации, муниципальных программ (подпрограмм), обеспечивающих условия для создания субъектов малого и среднего предпринимательства, и для оказания им поддержки» [15]
А. Н. Палагина (2012)	«Система коммерческих и некоммерческих организаций, которые создаются и осуществляют свою деятельность или привлекаются в качестве поставщиков (исполнителей, подрядчиков) услуг для государственных или муниципальных нужд при реализации федеральных, региональных и муниципальных программ развития субъектов малого и среднего предпринимательства» [16, с. 176]

Источник: составлено автором.

Проведенный анализ терминов, обозначающих как саму инфраструктуру поддержки предпринимательских структур, так ее надсистему и подсистемы, позволил систематизировать некоторые теоретические подходы (рис.).

Так, надсистемой для инфраструктуры поддержки выступает инфраструктурное обеспечение, включающее различные системы. Традиционно одним из факторов развития предпринимательства считается инфраструктура, которую, например, П. Х. Азимов, В. М. Каточков, И. П. Савельева разделяют на производственную и социальную [17, с. 7]. Близкое разделение инфраструктуры на соци-

альную и инженерную предлагается Н. М. Сурниной, А. А. Илюхиным, С. В. Илюхиной [18, с. 55]. Исходя из данного подхода к инфраструктуре, считаем обоснованным в качестве отдельного блока выделить «производственную инфраструктуру». Разделяем также подход по группировке инфраструктуры, предложенный М. Е. Косовым, что из категории «инфраструктура» обосновано выделить производственную инфраструктуру и инфраструктуру поддержки и развития [19]. За счет иной природы самостоятельный блок образует инфраструктура регулирования предпринимательской деятельности.

Структура понятия «инфраструктурное обеспечение предпринимательской деятельности»
Источник: составлено автором

Контент-анализ определений «инфраструктуры поддержки предпринимательских структур» и авторская группировка теоретических подходов. Проведенный контент-анализ позволяет в этой связи выделить несколько подходов.

1. Подробнее рассмотрим сущность первой составляющей, которую можно назвать «функциональной». При функциональном подходе в определении указывается одна или несколько функций инфраструктуры поддержки. Другими словами, основная смысловая часть определений, обозначающих инфраструктуру поддержки предпринимательских структур, содержит фрагмент, описывающий ее функцию, назначение (цель) — отвечает на вопрос «зачем нужна инфраструктура?». Согласно этому подходу определения рассматриваемого понятия можно разделить по типу выгодоприобрета-

теля функционирования инфраструктуры, а также наличие конкретных формулировок объектов и цели воздействия на них:

а) в качестве объекта воздействия указываются только сами предпринимательские структуры:

- «для функционирования и развития» [9, с. 188];
- «обеспечивающих эффективное развитие» [13, с. 32; 20, с. 377];
- «... создания ... и ... оказания ... поддержки» [15].

б) в качестве объекта воздействия указываются и сами предпринимательские структуры и системы большего порядка, то есть системы, элементом которой может выступать сама инфраструктура поддержки предпринимательских структур (табл. 2).

Таблица 2

Группировка назначения инфраструктуры поддержки предпринимательских структур в зависимости от объекта воздействия

Указанные системы большего порядка	Указанные предпринимательские структуры
«... воспроизводства предпринимательского типа» [6, с. 74]	«... обеспечивают поддержание процесса предпринимательства ...» [6, с. 74]
«... поселений и межселенных территорий» [14, с. 389]	«... на поддержку и обслуживание ...» [14, с. 389]

Источник: составлено автором.

Продолжением функционального подхода является выделение цели инфраструктуры поддержки. Так, И. Г. Сиземов указывает, что цель инфра-

структуры — создание благоприятных условий [13, с. 32]. Изученность сущности инфраструктуры создало условия для выделения принципов ее фор-

мирования. По мнению Е. Д. Рыжакова, это научность, системность, постепенность и многообразие [6, с. 74].

2. Подробнее рассмотрим сущность второй составляющей определений «инфраструктура поддержки предпринимательских структур». Все без исключения определения содержат информацию об объектах инфраструктуры, поэтому данную составляющую можно назвать «объектная». В рамках такого объектного подхода указываются агенты, институты, оказывающие необходимое содействие (система государственных и негосударственных органов, институтов, организаций, частных лиц [14, с. 389]; государственных организаций, общественных и коммерческих организаций [13, с. 32] и др.). Определения содержат как широкую трактовку (описание специфических характеристик объектов инфраструктуры), так и узкую (конкретные примеры объектов, формирующих инфраструктуру):

а) широкая трактовка объектов, формирующих инфраструктуру:

- ... элементов инфраструктуры, обеспечивающих ... [6, с. 74];
- ... совокупность условий и институтов ... [9, с. 188];
- ... совокупность взаимосвязанных объектов ... [11, с. 323];
- комплекс отраслей хозяйства ... [12].

б) узкая трактовка объектов инфраструктуры:

- Система государственных и негосударственных органов, институтов, организаций, частных лиц ... [14, с. 389];
- Система государственных, общественных и коммерческих организаций ... [13, с. 32].

Важно, что обозначение объектов состоит из двух частей: 1) наличие большой системы, только часть объектов которой относятся к инфраструктуре поддержки предпринимательства; 2) уточнение этой большой системы, чтобы описать только объекты предпринимательской инфраструктуры и исключить не относящиеся к ней объекты. Эту уточняющую роль часто выполняет функциональная составляющая, которая кроме непосредственного указания назначения еще выполняет в рамках объектной составляющей конкретизирующее назначение. Например, 1) ... условия и институты, 2) ... функционирования и развития ... [9, с. 188]; 1) Система государственных, общественных и коммерческих организаций, 2) ... эффективное развитие малого предпринимательства ... [13, с. 32].

3. Третьим подходом и значимой составляющей определений «инфраструктура поддержки предпринимательских структур» (наряду с функциональной и объектной) является территориальная (пространственная) принадлежность:

а) непосредственное указание территориальной составляющей:

- ... макро-, мезо- и микроэкономики [6, с. 74];
- ... поселений и межпоселенческих территорий [14, с. 389].

Причем в первом примере территориальная часть определения: совпадает с объектной составляющей, а вторая — с функциональной составляющей.

б) опосредованное указание территориальной составляющей:

- ... государственных и муниципальных нужд ... [15] и др.

Тем не менее большинство определений не содержат этой третьей территориальной составляющей, что снижает их качество, поскольку отсутствует ясность, какой уровень инфраструктуры описывает определение, а они существенно отличаются.

Систематизация подходов к классификации элементов инфраструктуры поддержки предпринимательства. Кроме непосредственных определений исследователи часто просто перечисляют объекты инфраструктуры поддержки предпринимательских структур или пытаются их классифицировать. Важность классификации заключается в ее способности наглядно показать иерархию элементов, образующих систему. В этом случае правомерно говорить, что составляющие инфраструктуры обладают встроенной структурой [21, с. 84]. И. Н. Дубина, О. В. Кожевина, А. А. Чуб обосновывают, что под влиянием различных факторов происходит «усложнение институциональной среды и инфраструктуры» предпринимательства [22, с. 7–8]. Применительно к региону А. Н. Макаревич и Т. Ю. Сазонова выделяют 3 типа инфраструктуры: институциональная, производственная и социальная [11]. И каждый тип описывают как систему, состоящую из собственных элементов: государственно-политическая и финансово-экономическая подсистемы, научно-техническая и социально-демографическая подсистема соответственно. На основе существующих подходов к описанию (например, А. В. Барышев, И. Л. Авдеева, А. В. Полянин [23, с. 90] и др.), группировке (В. А. Зимин [24, с. 92] и др.) и классификации (У. Г. Трибунская [25, с. 117]; Н. Солодилова, Р. Маликов, Р. Сабирова [9, с. 189] и др.) предпримем авторскую попытку систематизировать основные элементы инфраструктуры по разным признакам:

- по преобладающей функции объекта инфраструктуры группируют на [25, с. 117]: а) финансовые: микрофинансовые организации предпринимательского финансирования [15], коммерческие банки [26]; б) инсти-

- туциональные: органы власти [26], правовая и судебная система [11]; в) информационные: маркетинговые агентства, учебные центры [15], ассоциации предпринимателей [27], консультационные центры [15], информационные системы [9, с. 189], научно-технологический комплекс, телекоммуникация [9, с. 189]; г) внешнеэкономические: центры поддержки экспорта [15], торгово-промышленные палаты [15]; д) социальные: система образования [11], центры инноваций социальной сферы [15]; е) рыночные: лизинговые компании [15], коммерческие сервисы для предпринимателей [6], финансово-кредитные учреждения [27], аудит, консалтинговые, страховые компании» [26]; ж) инвестиционные: закрытые паевые инвестиционные фонды [15], инвестиционные фонды [27], биржи [11]; з) также отдельно выделяют организационный тип инфраструктуры [23, с. 92]: государственные программы развития предпринимательства [27], органы власти [26]; и) постепенно в дополнении к социальной функции начинает выделяться еще одна функция — наращивание кадровых ресурсов [9, с. 189]; к) с другой стороны, эта же функция формируется на стыке с информационной и позднее оформляется как самостоятельная образовательная (создание условий для подготовки кадров [15]): учебные центры [15], система образования [11], учебные структуры [13], система подготовки кадров и обучения [23, с. 92];
- по форме собственности: а) государственные: органы власти [26], государственные и муниципальные фонды предпринимательства [15], государственные и муниципальные многофункциональные центры [15]; б) частные: аудиторские, страховые и консалтинговые компании [26], инвестиционные фонды [15], коммерческие банки [26];
 - по уровню управления: а) федеральные: органы власти [26], государственные фонды научной и инновационно-технической деятельности [15]; б) региональные: гарантийные организации [15], микрофинансовые организации [15], госпрограммы (подпрограмм) развития предпринимательства субъекта РФ [15]; в) муниципальные: муниципальные фонды поддержки предпринимательства [15], муниципальные программы (подпрограммы) [15] и др.;
 - по характеру воздействия: а) инфраструктура, предоставляющая материальную поддержку: бизнес-инкубаторы [27], финансово-кредитные учреждения [27], микрофинансовые организации предпринимательского финансирования [15]; б) инфраструктура, оказывающая нематериальную поддержку: консультационные центры [23, с. 92], система образования [11], учебные структуры [13];
 - по количеству функций: а) многофункциональные: центры развития предпринимательства и агентства [15], бизнес-инкубаторы [15]; б) монофункциональные: гарантийные фонды [25, с. 117], лизинговые компании [15];
 - по адресности инфраструктуры: а) адресная инфраструктура (для определенного типа предпринимательства или отрасли [23, с. 92]): ассоциации предпринимателей [27], промышленные зоны [13], палаты и центры ремесел [15]; б) инфраструктура широкого назначения (оказывают опосредованное влияние на различные субъекты): государственные программы развития предпринимательства [27], многофункциональные центры [15].
- Заключение.** Обзор и анализ исследований понятия «инфраструктура поддержки предпринимательских структур» позволил сделать следующие выводы:
- инфраструктура содействия предпринимательской деятельности на протяжении нескольких десятилетий остается актуальной темой исследований;
 - инфраструктура предпринимательства — обширное понятие, раскрываемое во множестве разнообразных терминов, в частности: 1) инфраструктурное обеспечение и 2) инфраструктура поддержки;
 - как самостоятельное понятие «инфраструктура поддержки предпринимательских структур» формулируется в рамках функционального, объектного и территориального подходов;
 - существующие описания, группировки и классификации инфраструктуры поддержки предпринимательских структур, как показывает авторская попытка, могут быть систематизированы по разным признакам: по преобладающей функции объекта инфраструктуры, по форме собственности, по уровню управления, по характеру воздействия, по количеству функций, по адресности инфраструктуры;
 - большинство подходов к понятиям, описывающим инфраструктуру поддержки предпринимательских структур, лишены про-

- странственной привязки и не учитывают территориальную специфику региональной и муниципальной предпринимательской инфраструктуры;
- поддержка в сфере обучения предпринимателей и подготовки кадров (образовательная функция) лишь относительно недавно начали рассматриваться как один из элементов инфраструктуры предпринимательства.

Таким образом, впервые выделенные функциональная, объектная и территориальная составляющие определения «инфраструктура поддержки предпринимательских структур», а также классификация его элементов способны стать основой для комплексного учета при последующей оценке адаптационных возможностей инфраструктуры к новым условиям экономической политики. Такая оценка одно из направлений дальнейших исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Говорин А. А. Инфраструктура современного предпринимательства: проблемы теории и практики. М., 1999. 175 с.
2. Половинкин П. Д. Концептуальные основы инфраструктурного обеспечения современного предпринимательства // Организационно-экономический механизм стабилизации и повышения эффективности функционирования АПК. Воронеж, 2001. С. 11–15.
3. Ткаченко И. Н., Савельева И. Н. О роли малого инновационного предпринимательства в развитии экономики // Известия Уральского государственного экономического университета. 2010. № 6 (32). С. 98–104.
4. Межов С. И. Эффективность бизнеса в условиях инноваций // Экономика Профессия Бизнес. 2015. № 1. С. 67–72.
5. Мищенко В. В., Лапшин Е. А. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства: современное состояние и перспективы развития // Экономика Профессия Бизнес. 2017. № 4. С. 56–64.
6. Рыжаков Е. Д. Методология формирования системы инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности в регионах России // Экономические науки. 2012. № 96. С. 74–77.
7. Бочаров С. Н. Личностные факторы в предпринимательстве // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования: сборник научных статей Международной конференции. Барнаул, 2017. С. 2487–2490.
8. Орехова С. В., Кислицын Е. В. Малый бизнес и структурные сдвиги в промышленности // Terra Economicus. 2019. № 17 (4). С. 129–147. DOI: 10.23683/2073–6606–2019–17–4–129–147.
9. Солодилова Н., Маликов Р., Сабирова Р. Формирование инструментария инфраструктурного сопровождения предпринимательской активности // Общество и экономика. 2013. № 1–2. С. 188–200.
10. Ибрагимов Л. А. Инфраструктура товарного рынка. М., 2001. 255 с.
11. Макаревич А. Н., Сазонова Т. Ю. Сущность и оценка инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности в регионе // Вестник АПК Ставрополя. 2015. № 1 (17). С. 323–328.
12. Стецьк И. В. Функционирование системы инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности в России // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2011. № 10. С. 50–52.
13. Сиземов И. Г. Совершенствование инфраструктуры финансовой поддержки малого бизнеса в регионе // Региональная экономика: теория и практика. 2006. № 9. С. 32–36.
14. Сухова С. А. Инфраструктурное обеспечение предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Вестник ТГУ. 2007. № 12–2. С. 389–392.
15. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. 02.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru/ (дата обращения 16.07.2021).
16. Палагина А. Н. Проблемы оценки и повышения эффективности работы инфраструктуры поддержки предпринимательства на современном этапе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2012. № 2. С. 175–180.
17. Азимов П. Х., Каточков В. М., Савельева И. П. Стратегические приоритеты формирования транспортно-логистической системы Республики Таджикистан для развития предпринимательства // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2017. Т. 27. № 6. С. 7–13.
18. Сурнина Н. М., Илюхин А. А., Илюхина С. В. Развитие социальной и инженерной инфраструктуры региона: сущностный, институциональный, информационный аспекты // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 5 (67). С. 54–65.

19. Косов М. Е. Формирование инфраструктуры малого предпринимательства как необходимое условие его развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. Т. 5. № 4 (37). С. 67–71.
20. Тимофеев А. В. Основные функции, цели и задачи инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 376–378.
21. Шмарков М. С., Шмаркова Е. А., Шмаркова Л. И. Инфраструктурное обеспечение предпринимательской деятельности на рынке туризма // Вестник ОрелГИЭТ. 2016. № 3 (37). С. 84–89.
22. Дубина И. Н., Кожевина О. В., Чуб А. А. Инновационно-предпринимательские экосистемы как фактор устойчивости регионального развития // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 4 (451). С. 4–19.
23. Барышев А. В., Авдеева И. Л., Полянин А. В. Развитие информационного взаимодействия субъектов малого и среднего бизнеса в системе инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8. № 3 (28). С. 83–94.
24. Зимин В. А. Малое предпринимательство в регионе: состояние и перспективы. Самара, 2020. 180 с.
25. Трибунская У. Г. Система инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности: сущность, структура, основные элементы // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 12 (58). С. 115–118.
26. Алия З. З. Государственная поддержка инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности в России: современное состояние и проблемы // Инновационное развитие экономики. 2018. № 4 (46). С. 17–21.
27. Овешникова Л. В. Содержание стратегического планирования и прогнозирования инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: <http://www.scienceeducation.ru/109-9363/> (дата обращения: 16.07.2021).

REFERENCES

1. Govorin A. A. Infrastructure of modern entrepreneurship: problems of theory and practice. Moscow, 1999. 175 p.
2. Polovinkin P. D. Conceptual foundations of infrastructural support for modern entrepreneurship // Organizational and economic mechanism for stabilizing and improving the efficiency of the functioning of the agro-industrial complex. Voronezh, 2001. Pp. 11–15.
3. Tkachenko I. N., Savelyeva I. N. On the role of small innovative entrepreneurship in the development of the economy // Izvestiya Ural State University of Economics. 2010. No. 6 (32). Pp. 98–104.
4. Mezhev S. I. Business efficiency in the conditions of innovation // Economics Profession Business. 2015. No. 1. Pp. 67–72.
5. Mishchenko V. V., Lapshin E. A. State support of small and medium-sized businesses: current state and development prospects // Economics Profession Business. 2017. No. 4. Pp. 56–64.
6. Ryzhakov E. D. Methodology of formation of the system of infrastructure support of entrepreneurial activity in the regions of Russia // Economic sciences. 2012. No. 96. Pp. 74–77.
7. Bocharov S. N. Personal factors in entrepreneurship // Lomonosov readings in the Altai: fundamental problems of science and education. Collection of scientific articles of the international conference. Barnaul, 2017. Pp. 2487–2490.
8. Orekhova S. V., Kislitsyn E. V. Small business and structural shifts in industry // Terra Economicus. 2019. No. 17 (4). Pp. 129–147. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-129-147.
9. Solodilova N., Malikov R., Sabirova R. Formation of tools for infrastructure support of entrepreneurial activity // Society and economics. 2013. No. 1–2. Pp. 188–200.
10. Ibragimov L. A. Infrastructure of the commodity market. M., 2001. 255 p.
11. Makarevich A. N., Sazonova T. Yu. The essence and assessment of infrastructure support for entrepreneurial activity in the region // Vestnik AIC Stavropol. 2015. No. 1 (17). Pp. 323–328.
12. Stetsyk I. V. Functioning of the system of infrastructural support of entrepreneurial activity in Russia // FES: Finance. Economy. Strategy. 2011. No. 10. Pp. 50–52.
13. Sizemov I. G. Improving the infrastructure of financial support for small businesses in the region // Regional economy: theory and practice. 2006. No. 9. Pp. 32–36.
14. Sukhova S. A. Infrastructural support of entrepreneurial activity in the Russian Federation // Vestnik TSU. 2007. No. 12–2. Pp. 389–392.

15. On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation: Federal Law No. 209-FZ of 24.07.2007 (as amended on 02.07.2021) // Official Internet portal of legal information. URL: www.pravo.gov.ru/ (date of access: 16.07.2021).
16. Palagina A. N. Problems of evaluating and improving the efficiency of the entrepreneurship support infrastructure at the present stage // Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences. 2012. No. 2. Pp. 175–180.
17. Azimov P. Kh., Katochkov V. M., Savelyeva I. P. Strategic priorities of the formation of the transport and logistics system of the Republic of Tajikistan for the development of entrepreneurship // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. 2017. Vol. 27. No. 6. Pp. 7–13.
18. Surnina N. M., Ilyukhin A. A., Ilyukhina S. V. Development of social and engineering infrastructure of the region: essential, institutional, informational aspects // Proceedings of the Ural State University of Economics. 2016. No. 5 (67). Pp. 54–65.
19. Kosov M. E. The formation of the infrastructure of small business as a necessary condition for its development // National interests: priorities and security. 2009. Vol. 5. No. 4 (37). Pp. 67–71.
20. Timofeev A. V. The main functions, goals and objectives of infrastructure support for entrepreneurial activity // Bulletin of Omsk University. 2012. No. 1. Pp. 376–378.
21. Shmarkov M. S., Shmarkova E. A., Shmarkova L. I. Infrastructural support of entrepreneurial activity in the tourism market // Bulletin of OrelGIET. 2016. No. 3 (37). Pp. 84–89.
22. Dubina I. N., Kozhevina O. V., Chub A. A. Innovative and entrepreneurial ecosystems as a factor of regional development sustainability // Economic analysis: theory and practice. 2016. No. 4 (451). Pp. 4–19.
23. Baryshev A. V., Avdeeva I. L., Polyagin A. V. Development of information interaction of small and medium-sized businesses in the system of infrastructure support of entrepreneurial activity // Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2018. Vol. 8. No. 3 (28). Pp. 83–94.
24. Zimin V. A. Small entrepreneurship in the region: state and prospects. Samara, 2020. 180 p.
25. Tribunskaya U. G. The system of infrastructural support of entrepreneurial activity: the essence, structure, main elements // Socio-economic phenomena and processes. 2013. No. 12 (58). Pp. 115–118.
26. Aliya Z. Z. State support for infrastructure support of entrepreneurial activity in Russia: the current state and problems // Innovative development of the economy. 2018. No. 4 (46). Pp. 17–21.
27. Oveshnikova L. V. The content of strategic planning and forecasting of infrastructure support for entrepreneurial activity // Modern problems of science and education. 2013. No. 3. URL: <http://www.scienceeducation.ru/109-9363/> (date of access: 16.07.2021).

Поступила в редакцию: 23.07.2021.

Принята к печати: 10.09.2021.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КООПЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н. М. Шарнина

Казанский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации (Казань, Россия)

В статье изложены результаты анализа основных тенденций развития российской кооперации с точки зрения данных государственной статистики, мирового опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона, данных сайта одного из лидеров кооперативного движения — Татарского потребительского союза.

В качестве методов исследования применялись статистический анализ обобщающих показателей (абсолютные и относительные показатели динамики, показатели структуры) и графическое представление данных. Информационной базой послужили доступные ресурсы: опубликованные научные статьи, данные российской государственной статистики, цифровой контент сайта Татпотребсоюза.

В результате анализа выделены наиболее востребованные сферы кооперации в странах Азиатско-Тихоокеанского региона; обозначены направления российской динамики развития производственной кооперации (численность членства), потребительской кооперации (инвестиции в основной капитал), жилищно-строительной кооперации (ввод общей площади жилых помещений, сдача квартир, площадь сданных квартир); детализировано развитие Татарского потребительского союза; представлен вывод об этапе развития кооперации в России.

Ключевые слова: кооперация, Россия, Азиатско-Тихоокеанский регион, Татарский потребительский союз, структура, тенденции.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF COOPERATION IN MODERN RUSSIA

N. M. Sharnina

Kazan Cooperative Institute of the Russian University of Cooperation (Kazan, Russia)

The article presents the results of the analysis of the main trends in the development of Russian cooperation from the point of view of state statistics data, the world experience of the countries of the Asia-Pacific region, data from the website of one of the leaders of the cooperative movement — the Tatar Consumer Union.

Statistical analysis of generalizing indicators (absolute and relative indicators of dynamics, indicators of structure) and graphical representation of data were used as research methods. The available resources served as an information base: published scientific articles, data from the Russian state statistics, digital content of the Tatpotrebsoyuz website.

As a result of the analysis, the most popular areas of cooperation in the countries of the Asia-Pacific region are identified; the direction of the Russian dynamics of development in industrial cooperation (number of members), consumer cooperation (investment in fixed assets), housing and construction cooperation (commissioning of the total area of residential premises, delivery of apartments, the area of apartments rented) are outlined; detailed the development of the Tatar Consumer Union is detailed.

Keywords: cooperation, Russia, Asia-Pacific region, Tatar Consumer Union, structure, trends.

Сфера бизнеса впускает на свою территорию участников или в качестве наемного персонала (трудовой ресурс), или в качестве инвесторов, собственников, предпринимателей. Получить возможность стать распорядителями результатов труда могут те, кто имеет капитал для начала своего дела. Из множества активного трудоспособного населения единицы владеют предприятиями и снимают «прибавочную стоимость произведенного продукта» с эгоцентризмом капиталиста. Дифференциация населения по доходам увеличивается как в России, так и во многих странах мира. Но рост доходов и благосостояния широких масс населения возможен через совместную организацию бизнеса, организацию собственных обслуживающих предприятий, потребительскую и производственную кооперацию.

Цель предлагаемого исследования — проанализировать тенденции развития основных форм российской кооперации, в том числе рассмотреть их структуру по направлениям деятельности с оглядкой на мировой опыт и сделать соответствующие выводы и предложения по ее дальнейшему развитию.

Исследование проводилось с применением методов статистики (анализ статистических показателей, графическое представление данных). Информационной базой послужили сборники государственной статистики и научные статьи по проблематике с данными за 2017–2020 гг.

Основные вопросы производственной и потребительской кооперации активно обсуждаются учеными и практиками (как способ устойчивого роста хозяйства) со времен промышленной революции, породившей бурный рост смежных с сельским хозяйством отраслей и вместе с тем существенное ослабление позиций сельскохозяйственных товаропроизводителей и сельских жителей, как основных работников данной сферы экономики [1–5].

Однако на какой эволюционной стадии экономического развития сегодня находится кооперация, форма хозяйствования и интеграции мелких товаропроизводителей для противостояния политике крупной промышленности? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, на наш взгляд, во-первых, представить актуальную структуру видов деятельности кооператоров-лидеров; во-вторых, определить этап развития российской кооперации относительно кооператоров-лидеров; в-третьих, оценить современную стадию экономического развития кооперации.

В научной литературе обсуждение структуры кооперативной экономики представлено в ключе

обзора работающих кооперативов, анализа крупнейших мировых лидеров. Ю. Г. Марков, кроме сельского хозяйства, отмечает такие субъекты современной кооперации, как торговые сети, школы, детские сады, интернаты, больницы, столовые, газеты, издательства, производство, банки, машиностроение, строительство, страхование, научно-исследовательские и учебные организации. Укрупняясь, кооперативные организации образуют союзы (Центросоюз России, АККОР и т. п.), группы компаний («Кредит Агрикол групп», «Мандрагон» и т. п.) [6]. Исследователи О. С. Долгих, Т. Н. Вахнина, О. А. Кривдина изучили структуру кооперативных организаций стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе и помимо перечисленных направлений выделили кооперативы, оказывающие коммунальные услуги (сельские электрификационные, телекоммуникационные, водохозяйственные), жилищные, производственные по складированию оборудования, медицинские (медицинское обслуживание, уход на дому, фельдшерское обслуживание), кооперативы коренных народов, кооперативы по спорту и отдыху, в искусстве и культуре, по трудоустройству, экологические, информационные, религиозные, транспортные, пенсионные кооперативы [7]. О. С. Долгих с коллективом исследователей проанализировали структуру активных кооперативов стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), а именно: США, Канады, Австралии, Новой Зеландии по секторам экономики (рис. 1).

Наибольшее число кооперативов АТР занято, %: «жилищным строительством» (14,0), «спортом и отдыхом» (13,0). С долей выше среднего распространены кооперативы секторов «коммунальные услуги» (9,2), «медицинские услуги» (8,2), «образование, обучение, уход за детьми» и «агробизнес» (по 8,0), «розничная торговля» (7,3). Ниже среднего доля кооперативов, занятых в секторах «банковские и финансовые услуги» (6,0) и «искусство и культура» (4,7). Незначительная доля (суммарно 20,0) кооперативов заняты по направлениям «бытовые услуги» (2,7), «транспортные услуги» (2,2), «коллективное обслуживание» (2,0), «пенсионный фонд» (2,0), «здравоохранение» (1,7), «информация и СМИ» (1,5), «экология» (1,4), «рыбное хозяйство» (1,3), «медицинское страхование» (1,2), «профессиональные услуги» (1,1), «деловые услуги» (0,9), «услуги по трудоустройству» (0,9), «аренда жилья» (0,8), «закупочные услуги» (0,7), «промышленность» (0,5), «автомобильные услуги» (0,5), «оптовая торговля» (0,5), «религиозные услуги» (0,2), «телекоммуникации» (0,1%).

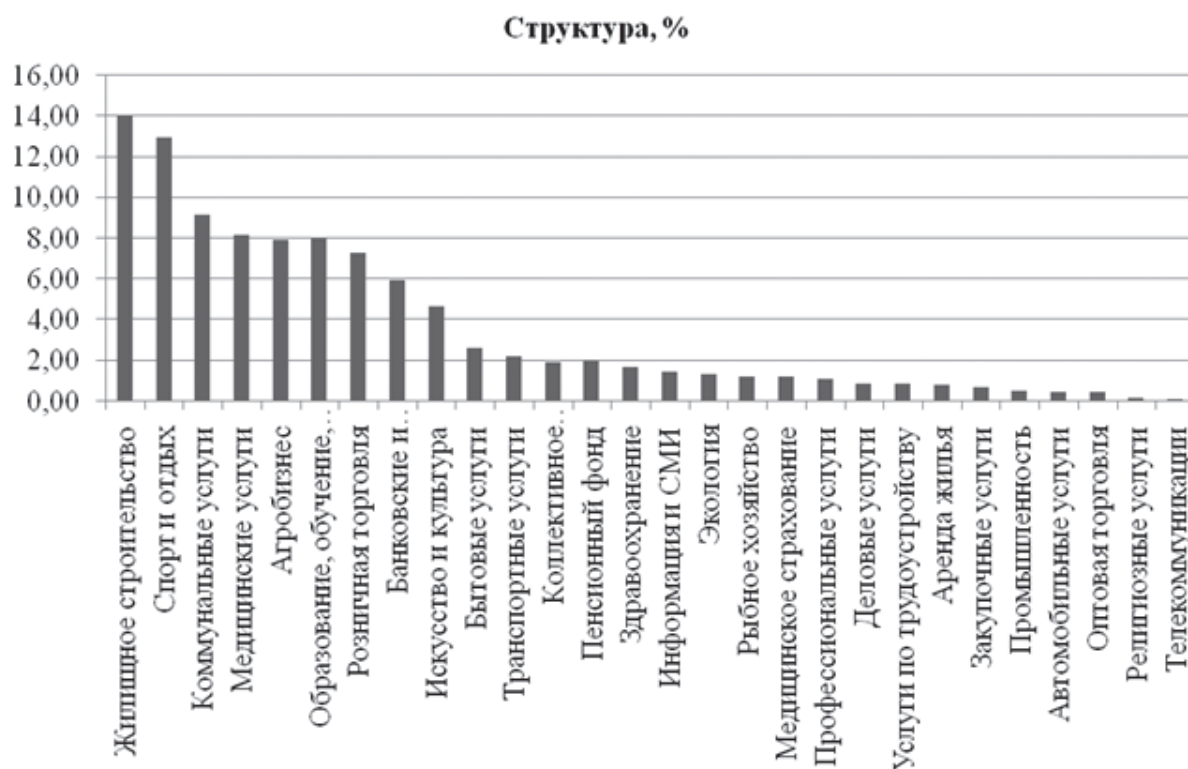

Рис. 1. Структура активных кооперативов по секторам экономики стран Азиатско-Тихоокеанского региона в 2018 г., %
Источник: составлено автором по данным [7]

Анализ данных зарубежной статистики показывает, что потребительская кооперация в Азиатско-Тихоокеанском регионе охватывает в своем большинстве сферы конечного потребления (64,0%, или 18 из 28 сфер), где помимо восьми направлений потребления товаров и услуг первой необходимости (жилищное строительство, коммунальные и медицинские услуги, здравоохранение, розничная торговля, аренда жилья), присутствуют десять сфер экономики вторичных потребностей (спорт и отдых; образование, обучение, уход за детьми; банковские и финансовые услуги; искусство и культура; бытовые услуги; коллективное обслуживание; информация и СМИ; экология; услуги по трудоустройству; религиозные услуги). Зарубежная кооперация имеет десять бизнес-направлений (36,0% от общего числа). Это три производственных вида деятельности (агробизнес, рыбное хозяйство и промышленность) и семь инфраструктурных направлений (транспортные, профессиональные, деловые, закупочные, автомобильные услуги, оптовая торговля и телекоммуникации).

Российская статистика по кооперации скупá вследствие малой доли вклада данной формы хо-

зяйствования в общие экономические результаты по стране. Основные показатели производственной, потребительской и жилищно-строительной кооперации представлены в таблице 1.

Из данных российского статистического сборника за 2017–2018 гг. можно увидеть, что вклад кооперации мал и сокращается. Численность занятых в производственных кооперативах снизилась в 2018 г. на 38,5%, или на 5,0 тыс. человек (с 13,0 до 8,0 тыс.). Из них число мужчин, работающих в производственной кооперации, уменьшилось на 44,4%, или 4 тыс. человек (с 9,0 до 5,0 тыс.), и их доля упала с 69,2 до 62,5%. Численность женщин в производственной кооперации меньше мужчин, но их доля за год выросла с 30,8 до 37,5% (на 6,7%).

Доля членов производственной кооперации в занятом не по найму населении мала и упала с 0,27 до 0,16% (на 0,11%). Доля мужчин-кооператоров среди занятых не по найму мужчин также незначительна и уменьшилась с 0,31 до 0,17% (на 0,14%). Удельный вес членов производственной кооперации в занятом населении снизился с 0,02 до 0,01% (на 0,01%).

Таблица 1

Показатели деятельности кооперации России за 2017–2018 гг.

Показатели	2017 г.	2018 г.	Абс. откл.	Отн. откл.,%
Занято население в производственных кооперативах, тыс. человек	13,00	8,00	-5,00	-38,46
в том числе: мужчин	9,00	5,00	-4,00	-44,44
Доля мужчин, занятых в производственных кооперативах, %	69,23	62,50	-6,73	x
Доля членов производственных кооперативов в числе населения работающего не по найму, %	0,27	0,16	-0,11	x
Доля мужчин-членов производственных кооперативов в числе мужчин, работающих не по найму, %	0,31	0,17	-0,14	x
Доля членов производственных кооперативов в числе занятого населения РФ, %	0,02	0,01	0,01	x
Инвестиции в основной капитал по потребительской кооперации, млрд руб.	1,90	1,30	-0,60	-31,58
Доля потребительской кооперации в инвестициях в основной капитал по РФ, %	0,01	0,01	0,00	x
Введено в действие общей площади жилых помещений жилищно-строительными кооперативами, млн кв.м	0,80	0,40	-0,40	-50,00
Доля введенных общей площади жилых помещений жилищно-строительными кооперативами, %	1,01	0,53	-0,48	x
Число квартир, сданных жилищно-строительными кооперативами, тыс. ед.	13,00	7,00	-6,00	-46,20
Доля квартир, сданных жилищно-строительными кооперативами, %	1,14	0,65	-0,49	x
Средний размер сданных квартир жилищно-строительными кооперативами, кв. м общей площади	61,30	57,50	-3,80	x

Источник: составлено автором по данным [8].

Инвестиции потребительской кооперации в основной капитал также уменьшились с 1,9 до 1,3 млрд руб. (на 31,58%, или 0,6 млрд руб.). Доля инвестиций потребительской кооперации в суммарных инвестициях по Российской Федерации не превышает 0,01%.

За анализируемый период жилищно-строительные кооперативы снизили ввод общей площади жилых помещений на 50% (с 0,80 до 0,40 млн кв.м). Их доля во введенных площадях сократилась с 1,01 до 0,53% (на 0,48%). При этом число квартир, сданных жилищно-строительными кооперативами, уменьшилось с 13,0 до 7,0 тыс. единиц (на 6,0 тыс. единиц, или 46,2%). Доля сданных кооперативами квартир от объема по стране упала с 1,14 до 0,65% (на 0,49%). Снизился и средний размер сданных кооператорами квартир с 61,3 до 57,5 кв.м общей площади (сокращение на 3,8 кв.м).

Одним из постоянных направлений хозяйственного сотрудничества является потребительская кооперация, действующая в сельских му-

ниципальных образованиях. Потребительская кооперация, реализующая свои интересы через потребительские союзы, осуществляет следующие виды деятельности: розничная торговля через стационарные и мобильные точки продаж; организация общественного питания в сельских кафе и столовых; оказание платных услуг населению; производственная и заготовительная деятельность.

По данным государственной статистики [9], число потребительских кооперативов на конец 2019 г. составило 82328 единиц, или 2,15% от общего числа предприятий и организаций Российской Федерации.

Анализ существующей структуры деятельности современных потребительских кооператоров можно рассмотреть на примере одного из лидеров кооперации — потребительского союза Республики Татарстан. По данным Татпотребсоюза основными видами деятельности кооператоров Республика Татарстан являются заготовка и торговля (табл. 2).

Таблица 2

**Выручка по направлениям деятельности потребительского союза
Республики Татарстан за 2018–2020 гг.**

Выручка	Оборот, млн руб.			Структура, %		
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Всего	13883	15389	16613	100,00	100,00	100,00
Заготовительная деятельность	7101	8159	8975	51,10	53,00	54,00
Розничная торговля	4568	4798	5049	32,90	31,20	30,40
Производство	1534	1693	1854	11,00	11,00	11,20
Общественное питание	562	612	602	4,00	4,00	3,60
Платные услуги населению	119	127	134	0,90	0,80	0,80

Источник: составлено автором по данным [10].

Больше половины товарного оборота кооператорами получено от заготовительной деятельности (в 2020 г. — 8975 млн руб., или 54,0%, в 2019 г. — 8159 млн руб. — 53,0%, в 2018 г. — 7101 млн руб., или 51,1%). Более 30,0% оборота выручено от розничных продаж (2020 г. — 5049 млн руб. — 30,4%). Остальные виды деятельности имеют незначитель-

ный удельный вес (2020 г.): 11,2%, или 1854 млн руб. доход от производства; 3,6%, или 602 млн руб. — от общественного питания; 0,8% — от оказания платных услуг населению.

Динамика оборота потребительской кооперации Татарстана по видам деятельности представлена на рисунке 2.

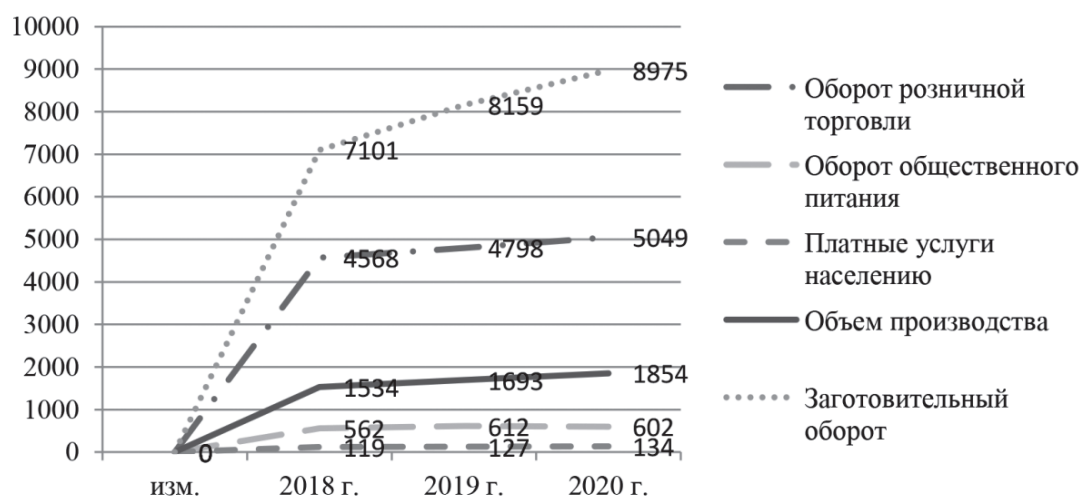

Рис. 2. Динамика оборота потребительской кооперации Татарстана по видам деятельности за 2018–2020 гг., млн руб.

Источник: составлено автором по данным [10]

На рисунке 2 можно увидеть увеличение оборота по всем направлениям деятельности кооператоров. За анализируемый период совокупный объем выручки кооператоров Татарстана вырос с 13883 до 16613 млн руб. Но чем меньше изначальная величина оборота по направлению деятельности, тем слабее наблюдается последующий прирост объемов. По годам изменяется и структура деятельности. Выросли доли заготовки (с 51,1% в 2018 г.

до 54,0% в 2020 г.) и производства — на 0,2%. Удельный вес остальных направлений деятельности сократился: платных услуг населения — с 0,90 до 0,8%; общественного питания — с 4,0 до 3,6%; розничной торговли — с 32,9 до 30,4%.

Рассмотрим результаты деятельности кооператоров более подробно.

Объемы заготовительной деятельности кооператоров Татпотребсоюза представлены в таблице 3.

Таблица 3

Заготовлено продукции Татарским потребительским союзом за 2018–2020 гг.

Показатели	Ед. изм.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Заготовительный оборот — всего	млн руб.	7101	8159	8975
Шерсть	центнер	9531	9486	11503
Кожсырье крупное	тыс. шт.	61	61	88
Кожсырье мелкое	тыс. шт.	39,6	28	30
Макулатура	тонн	7343	7372	7487
Мясо	тыс. тонн	14,5	16	16,8
Молоко	тыс. тонн	158	162	169
Яйцо	тыс. шт.	5148	7137	7142
Мед	тонн	131	161	172
Хлебопродукты	тонн	19371	20450	24290
Картофель	тонн	3719	5996	6051
Овощи	тонн	3309	3311	3956
Плоды и ягоды	тонн	1463	1469	1590
Лекарственное и техническое сырье	тонн	524	525	525

Источник: составлено автором по данным [10].

Анализ таблицы 3 отражает увеличение заготовительного оборота кооператоров Татпотребсоюза с 7101 до 8975 млн руб. 2020 г. Основными видами заготовки являются молоко, хлебопродукция, мясо. Наиболее крупные и стабильные объемы закупки у населения молока (169 тыс. тонн на 2020 г.). Темпы прироста небольшие (в 2019 г. прирост на 4 тыс. тонн, или 2,5%, в 2020 г. — на 7 тыс. тонн, или 4,3%), что указывает на максимально возможное на сегодня вовлечение в заготовку населения. Закупка хлебопродуктов (зерно, мука, крупа) также проводится в крупных объемах (в 2020 г. — 24450 тонн), опережающе растет по годам (в 2019 г. — на 1079 тонн, или на 5,6%, в 2020 г. — на 3840 тонн, или на 18,8%), остается перспективным по потенциалу роста направлением. Заготовка мяса является третьим по объемам видом кооперативной деятельности. По годам наблюдается прирост его закупок (с 14,5 тыс. тонн в 2018 г. до 16,8 тыс. тонн в 2020 г.), однако темпы прироста закупок по мясу замедляются, указывая на скорое достижение максимального вовлечения населения в откорм скота на продажу.

К средним по объемам направлениям можно отнести заготовку таких продуктов, как макулатура, картофель, овощи и яйцо. Несмотря на то, что прирост закупок наблюдается по всем видам сырья, наиболее крупными и стабильными остаются объемы заготовки макулатуры (в 2020 г. закуплено 7487 тонн), прирост заготовки которой по годам (в 2019 г. — на 0,4%, в 2020 г. — на 1,6%) указывает на достижение максимально возможного на современном этапе тоннажа закупок. Объемы

приемки картофеля, овощей и яиц за период нестабильны, что может отражать еще неисчерпанный закупочный потенциал. Они выросли по картофелю с 3719 тонн в 2019 г. до 6051 тонн в 2020 г. (на 62,7%), по овощам — с 3309 до 3956 тонн (на 19,6%), по яйцу — с 5148 до 7142 тыс. штук (на 38,7%).

Малые заготовительные объемы наблюдаются по плодам и ягодам, лекарственному и техническому сырью, меду, кожсырью. Наиболее стабильными являются заготовки плодов и ягод (2018 г. собрано 1463 тонн, в 2020 г. — 1590 тонн, прирост в 2019 г. составил 0,4%, в 2020 г. — 8,2%), а также лекарственного и технического сырья (сдано в 2018 г. 524 тонн, в 2020 г. — 525 тонн, прирост в 2019 г. — 0,2%, в 2020 г. — нет), что указывает на достижение на современном этапе экономики максимально возможного закупочного потенциала по данным видам продукции. Нестабильна по приросту и объемам заготовка кожсырья. Закуплено в 2020 г. крупного кожсырья 88 тыс. штук, мелкого кожсырья — 30 тыс. штук. Прирост приобретенного у населения крупного кожсырья за анализируемый период составил: в 2019 г. — нет, в 2020 г. — 44,3%. Заготовка кожсырья мелкого в 2019 г. сократилась на 29,3%, в 2020 г. — выросла на 7,1%. Заготовка меда является развивающимся заготовительным направлением, по которому существует нестабильный по годам прирост: в 2019 г. — на 38,6% (на 1989 тонн), в 2020 г. — на 6,8% (на 5 тонн).

Второе по значимости направление деятельности кооператоров — это розничная торговля, обо-

рот которой составляет более 30,0%, увеличился в стоимостном выражении с 4568 млн руб. (2018 г.)

до 5049 млн руб. (2020 г.). Темпы прироста стабильные: в 2019 г. — на 5,0%, в 2020 г. — на 5,2%.

Таблица 4

Произведено продукции Татарским потребительским союзом за 2018–2020 гг.

Показатели	Ед. изм.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Объем производства	млн руб.	1534	1693	1854
в том числе продукция хлебопечения	млн руб.	984	1066	1193
В ассортименте:				
Хлеб и хлебобулочные изделия	тонн	27195	27438	28365
Колбасные изделия	тонн	613	641	814
Кондитерские изделия	тонн	1636	2015	2092
Макаронные изделия	тонн	332	336	н.д.
Переработка рыбы	тонн	716	822	1028
Безалкогольные напитки	дал	461959	466380	504272

Источник: составлено автором по данным [10].

Третье по важности направление деятельности кооператоров – производство продукции (табл. 4).

Из таблицы 4 следует, что наиболее стабильными производственными ассортиментными группами являются выпечка хлеба и хлебобулочных изделий, а также розлив безалкогольных напитков. Объемы их производства высоки, стабильно растут, при этом изменения по годам не имеют сильных колебаний. Хлеб и хлебобулочные изделия увеличились на 243 тонн (0,9%) в 2019 г. и на 927 тонн (3,4%) в 2020 г. Розлив безалкогольных напитков повысился, соответственно, на 4421 дал (1,0%) в 2019 г. и на 37892 дал (8,1%) в 2020 г. Кроме того, в стоимостном выражении хлеб и хлебопродукция стабильно дает кооперации 63,0–64,0% выручки от реализации продукции и услуг (в 2020 г. — 64,3%).

Нестабильный прирост по годам наблюдается по колбасным и кондитерским изделиям. Объем колбасных изделий кооператоров с 2018 г. вырос с 613 тонн до 814 тонн в 2020 г., а прирост составил в 2019 г. 4,60% (+28 тонн), в 2020 г. — 27,0% (+173 тонн). Объем кондитерских изделий за два года увеличился с 1636 до 2092 тонн: в 2019 г. — на 379 тонн (23,20%), в 2020 г. — на 77 тонн (3,8%).

Перспективным производственным направлением является переработка рыбы, где стабильно большие годовые приросты: в 2019 г. — на 14,8% (+106 тонн), в 2020 г. — на 25,1% (+206 тонн).

Сократилось в Татпотребсоюзе в 2020 г. производство макаронных изделий. Из отчетности за 2020 г. данное направление удалено. По данным производства союза, за 9 месяцев 2020 г. макаронных изделий произведено всего 162 тонны.

Четвертое направление деятельности кооператоров (общественное питание) дает 3,6–4,0% совокупного оборота. При этом продукция собственного производства составляет 85,7–86,8% оборота общественного питания. В 2020 г. объемы обще-

ственного питания сократились на 1,6% (на 10 млн руб.), в том числе объем продукции собственного производства снизился на 2,8% (15 млн руб.).

Самый незначительный доход получен кооператорами при предоставлении платных услуг: 119 млн руб. — в 2018 г., 134 млн руб. — в 2020 г. Изменение оборота имеет положительную тенденцию. Прирост в 2019 г. составил 6,7% (8 млн руб.), в 2020 г. — 5,5% (7 млн руб.).

Однако стоимостные показатели не являются сопоставимыми для характеристики эффективности деятельности кооператоров, поэтому рассмотрим разницу изменения оборота по деятельности членов Татпотребсоюза в действующих и сопоставимых ценах (табл. 5) на примере данных за первый квартал 2019–2021 гг.

Из данных таблицы 5 можно увидеть, что изменения объемов деятельности в 1 квартале 2019–2021 гг. различаются как в действующих и сопоставимых ценах, так и по годам. Если прирост совокупного объема деятельности Татпотребсоюза в 2019 г. в действующих ценах составил 12,0%, то в сопоставимых ценах рост скромнее — всего 10,0% с разницей «–2,0%». В 2020 г. совокупный прирост в действующих ценах был 9,0%, а в сопоставимых ценах еще меньше — всего 2,0%, при этом разница в оценке прироста «–7,0%», что указывает на повышение в 2021 г. темпов инфляции. В 2020 г. величина прироста в действующих и совокупных ценах имеет по всем направлениям разницу «–2,0%». В 2021 г. разница прироста в действующих и сопоставимых ценах была максимальной в производственной деятельности, в том числе хлебопечения («–8,0%»); на среднем уровне — в розничной торговле и общественном питании («–7,0%»); минимальная разница («–6,0%») при обороте продукции собственного производства общественного питания.

Таблица 5

**Основные показатели оборота кооператоров Татарского потребительского союза
за 1 квартал 2019–2021 гг. в действующих и сопоставимых ценах**

Показатели	1 квартал, млн руб.			Прирост в действующих ценах, %		Прирост в сопоставимых ценах, %	
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2020 г.	2021 г.	2020 г.	2021 г.
Совокупный объем деятельности	3569	3999	4351	12,00	9,00	10,00	2,00
Оборот розничной торговли	994	1019	1069	3,00	5,00	1,00	-2,00
Оборот общественного питания	123	136	150	10,00	10,00	8,00	3,00
из него продукция собственного производства	110	121	126	10,00	4,00	8,00	-2,00
Объем производства	367	393	451	7,00	15,00	5,00	7,00
в том числе продукция хлебопечения	232	252	310	8,00	23,00	6,00	15,00

Источник: составлено автором по данным [10].

Анализ современного развития российской кооперации позволяет сделать следующие выводы:

- число членов производственных кооперативов по России сокращается высокими темпами (спад на 38,46% в 2018 г.);
- доля занятого населения страны в производственной кооперации мала (в 2018 г. — 0,01%) и сокращается;
- доля потребительской кооперации в инвестициях в основной капитал в общем по стране низкая (0,01%), имеет высокие темпы сокращения (в 2018 г. спад на 31,58%);
- в жилищно-строительной кооперации России высоки темпы снижения ввода в действие общих площадей жилых помещений (в 2018 г. — на 50,0%) и сдачи квартир (снижение на 46,2%); мала доля сданных ими квартир (в 2018 г. — 0,65%), которая также сокращается;
- потребительской кооперацией Татарского потребительского союза более 80% оборота получено от заготовительной деятельности и розничной торговли (в 2018 г. 54,0 и 30,4%, соответственно); производственная деятельность дает около 11% оборота (в 2018 г. — 11,2%), общественное питание — около 4,0% (в 2018 г. — 3,6%);
- потребительский союз Республики Татарстан показывает прирост по всем направлениям деятельности за рассматриваемый период, что указывает на развитие кооперативного движения в сильных регионах на фоне общероссийского снижения результативных показателей кооперативной деятельности;

— основными направлениями сельской кооперации в России являются закупочная деятельность, розничная торговля, агробизнес, производство, общественное питание; городской кооперации — жилищное строительство, промышленные кооперативы. Кредитные кооперативы существуют повсеместно;

— в сравнении с мировым опытом множество сфер внедрения кооперации в России не получили массового развития: спорт, отдых, медицинские услуги, образование и обучение, транспортные услуги, пенсионное обеспечение и прочие. Характер кооперации указывает на использование начальных форм сотрудничества у населения: закупка сырья, продажа товаров, организация питания, строительство жилья, кредитование. Среди предпринимателей активно кооперируются аграрии и в отдельных регионах отраслевые специалисты (например, старатели).

Проведенное исследование тенденций развития кооперативного движения, с одной стороны, свидетельствует о незначительной роли кооперации в России, на сокращение ее вклада в экономику страны, на узость сфер применения данного вида сотрудничества, а с другой стороны, отражает прирост деятельности лидеров кооперативного движения, несмотря на общую тенденцию сокращения кооперативного оборота, указывает на возможные направления кооперации, которые могут быть освоены в России в ближайшей перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гумарова Ф. З. Проблемы государственной поддержки малых форм хозяйствования и развития их кооперации в АПК Республики Марий Эл // Современные исследования основных направлений гуманитарных и естественных наук: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. И. Т. Насретдинова. Казань, 2017. С. 290–293.
2. Жилина Н. Н., Шамсутдинова М. Р. Управление бизнес-процессами потребительских кооперативов в условиях «цифровизации» экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 2. № 5 (101). С. 44–47.
3. Макарова Е. С., Наширванова Я. Ф., Гатина Э. А. Конкурентоспособность кооперативных организаций в сфере торговли: направления исследования // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 1. № 9 (105). С. 98–104.
4. Наширванова Я. Ф., Макарова Е. С., Елесин Е. Ю. Методика оценки инвестиционной привлекательности кооперативных организаций // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 2. № 9 (105). С. 10–16.
5. Урядникова М. В. Использование возможностей потребительской кооперации в продовольственном обеспечении населения // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 4 (42). С. 95–98.
6. Марков Ю. Г. Не хватит ли плестись в хвосте // Наука в Сибири. 22 февраля 2012 г. № (2843). URL: <http://www.nsc.ru/HBC/hbc.phtml?15+624+1/> (дата обращения: 30.06.2021).
7. Долгих О. С., Вахнина Т. Н., Кривдина О. А. Кооперативный сектор в странах АТР // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 6–1. С. 52–62. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=591/> (дата обращения: 30.06.2021).
8. Российский статистический ежегодник. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 708 с.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.
10. Объемные показатели деятельности // Сайт Татпотребсоюза. URL: <https://tps.tatarstan.ru/hist2.htm/> (дата обращения: 1.05.2021).

REFERENCES

1. Gumarova F. Z. Problems of state support of small forms of management and the development of their cooperation in the agro-industrial complex of the Republic of Mari El // Modern studies of the main directions of the humanities and natural sciences. Materials of the international scientific and practical conference / ed. by I. T. Nasretdinova. Kazan, 2017. Pp. 290–293.
2. Zhilina N. N., Shamsutdinova M. R. Management of business processes of consumer cooperatives in the conditions of “digitalization” of the economy // Economics and management: problems, solutions. 2020. Vol. 2. No. 5 (101). Pp. 44–47.
3. Makarova E. S., Nashirvanova Ya. F., Gatina E. A. Competitiveness of cooperative organizations in the field of trade: research directions // Economics and management: problems, solutions. 2020. Vol. 1. No. 9 (105). Pp. 98–104.
4. Nashirvanova Ya. F., Makarova E. S., Elesin E. Yu. Methodology for assessing the investment attractiveness of cooperative organizations // Economics and management: problems, solutions. 2020. Vol. 2. No. 9 (105). Pp. 10–16.
5. Uryadnikova M. V. Using the possibilities of consumer cooperation in the food supply of the population // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2020. No. 4 (42). Pp. 95–98.
6. Markov Yu. G. Is it not enough to drag in the tail // Science in Siberia. February 22. 2012. No. (2843). URL: <http://www.nsc.ru/HBC/hbc.phtml?15+624+1/> (date of access: 30.06.2021).
7. Dolgikh O. S., Vakhnina T. N., Krivdina O. A. The cooperative sector in the Asia-Pacific countries // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2019. No. 6–1. Pp. 52–62. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=591/> (date of access: 30.06.2021).
8. Russian Statistical Yearbook. 2019: stat. sat. / Rosstat. Moscow, 2019. 708 p.
9. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2020: stat. sat. / Rosstat. Moscow, 2020. 1242 p.
10. Volume performance indicators // Website of the Tatpotrebsoyuz. URL: <https://tps.tatarstan.ru/hist2.htm/> (date of access: 1.05.2021).

Поступила в редакцию: 30.07.2021.

Принята к печати: 05.10.2021.

РЕЙТИНГОВАЯ СИСТЕМА ФИНАНСОВОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Н. А. Щербакова^{1,2}, В. А. Щербаков³

¹ Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия),

² Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

³ Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск, Россия)

В статье показана необходимость и важность формирования рейтинга финансовой эффективности компаний. Сформулированы цели и проблемы рейтингования компаний по критерию финансовой эффективности. Приведен показатель (коэффициент Дж. Тобина), используемый в мировой практике для рейтингования компаний по финансовой эффективности, и изложен алгоритм его расчета применительно к особенностям российской бухгалтерской финансовой отчетности. В основе рейтинга финансовой эффективности лежит методика оценки стоимости компании. Отмечены основные неточности, присутствующие в расчетах стоимости компаний в российской научно-практической литературе. В связи с этим уточнены алгоритмы расчета ключевых показателей, формирующих величину стоимости компании. Приведены результаты расчета рейтинга финансовой эффективности для двенадцати ведущих российских компаний, осуществляющих промышленное производство в сфере машиностроения по данным их бухгалтерской финансовой отчетности за 2020 г. Результаты расчета анализируются в сравнении с рейтингом компаний по величине годовой выручки, совокупных активов и рентабельности собственного капитала.

Ключевые слова: рейтинг финансовой эффективности компаний, коэффициент Дж. Тобина, стоимость бизнеса, стоимость компании, инвестированный капитал, собственный капитал, рентабельность капитала, промышленные предприятия.

RATING SYSTEM OF FINANCIAL EFFICIENCY OF INDUSTRIAL ENTERPRISES IN PROVIDING THE SUSTAINABILITY OF THE RUSSIAN ECONOMY

N. A. Shcherbakova^{1,2}, V. A. Shcherbakov³

¹Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia),

²Altai State University (Barnaul, Russia)

³Siberian State Transport University (Novosibirsk, Russia)

The article shows the necessity and importance of forming a rating of financial performance of companies. The goals and problems of rating companies according to the criterion of financial efficiency are formulated. The indicator (Tobin's coefficient) used in world practice for rating companies in terms of financial efficiency is presented and an algorithm for its calculation in relation to the peculiarities of Russian financial statements is presented. The financial performance rating is based on the methodology for assessing the company's value. The main inaccuracies that are present in the calculations of the cost of companies in the Russian scientific and practical literature are noted. In this regard, the algorithms for calculating the key indicators that form the value of the company's value have been refined. The results of calculating the rating of financial performance for twelve leading Russian companies engaged in industrial production in the field of mechanical engineering according to their financial statements for 2020 are presented. The calculation results are analyzed in comparison with the rating of companies in terms of annual revenues, total assets and return on equity.

Keywords: rating of financial efficiency of companies, Tobin coefficient, business value, company value, invested capital, equity capital, return on equity, industrial enterprises.

Введение. В современной экономике эффективность финансово-хозяйственной деятельности предприятий измеряют и анализируют на основе стоимостных показателей [1]. В качестве таких показателей чаще всего рассматриваются показатели стоимости компании и стоимости бизнеса. При этом стоимость компании определяется величиной собственного капитала, а стоимость бизнеса — величиной инвестированного капитала [2]. Измерение указанных показателей для действующих предприятий в системах управления финансами в условиях нестабильной и развивающейся рыночной экономики России представляет весьма значимую научную проблему [3].

Следующей по значимости проблемой является расчет показателя эффективности финансово-хозяйственной деятельности компании. Зарубежные и российские источники [4, 5] публикаций научных знаний предлагают и обосновывают использование в качестве такого показателя коэффициент Дж. Тобина (стоимостный критерий оценки эффективности бизнеса компании). При этом в зарубежной практике его применения для расчета используют рыночную капитализацию фирмы по данным текущих котировок ее акций на фондовом рынке. В российской практике отсутствие рыночной капитализации подавляющего большинства компаний предполагает использование при расчете коэффициента Дж. Тобина реальной капитализации (стоимость бизнеса компании в фундаментальной оценке) [5]. Расчет такого показателя — очень трудоемкая задача, которую весьма сложно применять в условиях мониторинга эффективности широкого круга компаний [6]. Именно поэтому представляется актуальной и практически значимой задача разработки специального показателя, позволяющего в упрощенной форме, но с достаточной степенью объективности осуществлять мониторинг эффективности деятельности компаний [7].

Необходимость мониторинга эффективности промышленных компаний определяется, во-первых, их ролью в устойчивости экономики России [6] и, во-вторых, особенностями формирования результатов их финансово-хозяйственной деятельности, базирующимися на факторе высокой доли изношенности их внеоборотных активов. Кроме того, данный фактор существенно повышает риски получения негативных результатов финансово-хозяйственной деятельности, что, в свою очередь, требует региональной и продуктовой диверсификации. Следствием является функционирование успешных компаний в качестве корпоративных объединений (групп), что требует проводить стоимостный анализ по данным консолидированной бухгалтерской финансовой отчетности, сформированной на основе требований МСФО.

Рейтинги компаний составляются повсеместно и имеют целью проинформировать заинтересованных лиц о показателях деятельности компаний. Например, компании рейтингуются по величине выручки, величине совокупных активов, показателям выполненных объемов работ в натуральном выражении и по многим другим данным [8].

В рыночной экономике весьма востребованными являются рейтинги, характеризующие эффективность функционирования компаний. Указанные рейтинги составляются на основе информации о рыночной цене компании и балансовой стоимости вложенного в данную компанию капитала. При этом рыночная цена компании достаточно объективно определяется по котировкам акций компании на фондовом рынке. Например, рейтинги составляются по результатам расчета так называемого коэффициента Дж. Тобина [9]. Данные рейтинги необходимы прежде всего инвесторам (собственникам и займодавцам) для принятия обоснованных инвестиционных решений, менеджерам — для выработки управленческих действий по повышению инвестиционной привлекательности компаний, потребителям продукции — для выбора надежных поставщиков.

В России большинство компаний не представлено на фондовом рынке, поэтому формирование рейтинга их эффективности возможно только путем проведения специальных расчетов [10].

Вышеобозначенные положения и сформировали научную проблематику результатов исследований авторов, положенных в содержание данной публикации. Заметим, что исходные тезисы данных исследований были ранее сформулированы и опубликованы в их работах (например: [2, 9]). В данной статье поставлены и решены следующие задачи:

- выбор репрезентативного набора компаний, осуществляющих промышленную деятельность в сфере машиностроения для оценки их эффективности по стоимостному критерию, и аналитическая подготовка информации о состоянии и результатах их хозяйственной деятельности для оценки их стоимостных показателей;
- оценка и анализ показателей стоимости бизнеса выбранных компаний;
- анализ стоимостного критерия эффективности бизнеса (коэффициент Дж. Тобина) выбранных компаний;
- формирование рейтинга и расчет стоимостного показателя для мониторинга эффективности промышленных компаний.

Конечным результатом проведенного исследования является обоснование приемлемости разработанного автором стоимостного показателя для мониторинга финансовой эффективности про-

мысленных компаний. Представляется, что формирование и использование данного показателя является актуальным и практически значимым для обеспечения экономической устойчивости экономики России.

Инструментарий исследования. При исследовании были использованы общие методы экономического анализа, методы инвестиционного анализа, методы оценки стоимости бизнеса и статистического моделирования. Информация о финансово-хозяйственной деятельности компаний

бралась только из открытых источников: «Государственный информационный ресурс бухгалтерской финансовой отчетности» [11], «Центр раскрытия корпоративной информации Интерфакс» [12] и сайты компаний в сети Интернет.

Для исследования были отобраны двенадцать из списка ведущих промышленных компаний в сфере машиностроения России (см. табл. 1). Исходные данные для проведения расчетов и обоснования выводов брались из бухгалтерской финансовой отчетности данных компаний за 2018, 2019 и 2020 гг.

Таблица 1

Список выбранных для исследования ведущих промышленных компаний России в сфере машиностроения

№ п/п	Наименование предприятия	Выручка, тыс. руб. за 2020 г.	Совокупные активы, тыс. руб., на 31.12.2020 г.
1	ОАО ТВЗ (Тверская область)	80485180	51888300
2	АО ДМЗ (Московская область)	27318176	9052507
3	ПАО ЧКПЗ (Челябинская область)	11179589	12094874
4	ОАО Красный Октябрь (г. Санкт-Петербург)	7909490	18713492
5	АО Дукс (г. Москва)	4803836	6195989
6	АО МСЗ (Владимирская область)	4674151	4363272
7	ПАО Сатурн (Омская область)	3955454	6895519
8	АО ММЗ Вперед (г. Москва)	3669789	7752918
9	АО Барнаултрансмаш (Алтайский край)	2150231	2544470
10	АО ЗАВОД КОМПОНЕНТ (г. Москва)	1897295	3311080
11	ПАО Сиблитмаш (Новосибирская область)	1385778	1076460
12	АО ТРМЗ (Кемеровская область)	946921	565035

Источник: составлено авторами по материалам, полученных в открытой сети Интернет: «Государственный информационный ресурс бухгалтерской финансовой отчетности» [11], «Центр раскрытия корпоративной информации Интерфакс» [12] и сайты компаний.

В целях расчета показателей стоимости бизнеса выбранных компаний и в соответствии с рекомендациями Федерального стандарта оценки (ФСО) № 8 «Оценка бизнеса» [13] проведена аналитическая подготовка исходной информации [2]:

- бухгалтерская финансовая отчетность была подвержена трансформации с получением агрегированных показателей финансового баланса и отчета о финансовых результатах;
- проведена нормализация агрегированных показателей финансового баланса и отчета о финансовых результатах с целью приведения полученных показателей к показателям нормально функционирующего бизнеса.

Учитывались следующие особенности бухгалтерской финансовой отчетности России:

- внеоборотные активы в российском Бухгалтерском балансе показываются по остаточной стоимости, и поэтому при расчете основного капитала в финансовом балансе

стоимость внеоборотных активов необходимо увеличить на величину накопленной амортизации;

- финансовые результаты по российскому Отчету о финансовых результатах показываются с ориентацией на корректный расчет налогооблагаемой прибыли и поэтому для корректного отражения экономических выгод инвесторов необходимо этот финансовый результат увеличить на численную за отчетный период величину амортизации.

Применение в методах исследования оценки бизнеса финансового баланса предполагает расчет показателей капитала, инвестированного всеми инвесторами в бизнес-компанию:

$$IC = E + D = FC + WC,$$

где IC — инвестированный капитал (Invested Capital);

E — собственный капитал (Equity) — капитал, вложенный собственниками (акционерами) компании и равный собственным источникам средств в пассиве бухгалтерского баланса, увеличенных на величину накопленной амортизации;

D — заемный капитал (Debt) — капитал, вложенный на условиях займа и равный сумме заемных средств в пассиве бухгалтерского баланса;

FC — основной капитал (Fixed Capital) — часть инвестированного капитала, вложенного во внеоборотные активы и равный величине внеоборотных активов по остаточной стоимости, увеличенной на сумму накопленной амортизации;

WC — оборотный капитал (Working Capital) — часть инвестированного капитала, вложенного в оборотные активы и равный величине оборотных активов, уменьшенной на величину кредиторской задолженности и прочих бесплатных обязательств из пассива бухгалтерского баланса.

Собственный и заемный капитал составляют пассив финансового баланса или источники финансирования бизнеса, а основной и оборотный капитал — актив финансового баланса или направленные инвестиции капитала.

Нормализация агрегированных показателей финансового баланса проводится с целью приведения величины оборотного капитала к требуемой величине для нормального функционирования бизнеса. Для этого рассчитывается величина требуемого оборотного капитала RWC (Required Working Capital). Показатель RWC рассчитывается с использованием классической методики разложения операционного цикла [1] с учетом оборачиваемости запасов, дебиторской задолженности, кредиторской задолженности и оборотного капитала через полученную выручку от обычной деятельности.

Эффективность выбранных компаний оцениваем с использованием коэффициента Дж. Тобина, рассчитываемого по величине фундаментальной стоимости бизнеса компаний и инвестированному капиталу [9]:

$$Q = \frac{EV}{IC_0}$$

Оценка показателей стоимости бизнеса (EV — Enterprise Value) проводится на основе классического метода дисконтирования денежных потоков на всех инвесторов. Величина стоимости бизнеса данным методом рассчитывается по формуле [14]:

$$EV = \sum_{i=1}^n \frac{FCFF_i}{(1+DR)^i} + \frac{EBIT_n \cdot (1-ETR) \cdot (1+g)}{(DR-g) \cdot (1+DR)^n},$$

где n — число лет прогнозного периода, то есть периода времени, когда осуществляются прогноз-

ные расчеты будущих доходов и будущих изменений капитала;

i — номер года прогнозного периода;

IC_0 — величина инвестированного капитала на дату оценки;

$FCFF_i$ — свободный денежный поток i -го прогнозного года на всех инвесторов (Free Cash Flow to Firm) [11]:

$$FCFF_i = EBIT_i \cdot (1-ETR) + DA_i - (FC_i - FC_{i-1} + RWC_i - RWC_{i-1});$$

DR — ставка дисконтирования;

$EBIT_i$ — прибыль до вычета процентов и налога (Earnings Before Interest and Tax) в i -ом году прогнозного периода [12];

DA_i — начисленная амортизация внеоборотных активов (Depreciation and Amortization) в i -ом году прогнозного периода;

ETR — эффективная ставка налогообложения прибыли (Effective Tax Rate), рассчитанная как устойчивое среднее значение эффективных ставок налогообложения прибыли по отчетным годам до даты оценки;

RWC_i — величина требуемого оборотного капитала (Required Working Capital) i -го года.

g — устойчивый долговременный темп прироста дохода в постпрогнозный период.

При оценке фундаментальной величины стоимости бизнеса ставка дисконтирования принимается равной средневзвешенной цене привлеченного капитала ($WACC$ — Weighted Average Cost of Capital). Расчет $WACC$ в данном исследовании осуществляется на основе оригинальной методики, разработанной автором [15]. В основу методики положен принцип равенства величины фундаментальной стоимости бизнеса, полученной методом дисконтированных денежных потоков и методом добавленной экономической ценности:

$$\sum_{i=1}^n \frac{FCFF_i}{(1+WACC)^i} + \frac{EBIT_n \cdot (1-ETR) \cdot (1+g)}{(WACC-g) \cdot (1+WACC)^n} = RIC_0 + \sum_{i=1}^n \frac{EVA_i}{(1+WACC)^i} + \frac{EVA_n \cdot (1+g)}{(WACC-g) \cdot (1+WACC)^n},$$

где RIC_0 — нормализованная величина инвестированного капитала на дату оценки;

EVA_i — величина добавленной экономической ценности (Economic Value Added) i -го года прогнозного периода, рассчитываемая по формуле:

$$EVA_i = EBIT_i \cdot (1-ETR) + DA_i - WACC \cdot \frac{RIC_i + RIC_{i-1}}{2}$$

Результаты исследования и выводы.

При проведении исследования эффективности деятельности выбранных промышленных компа-

ний (см. табл. 1) осуществлялась трансформация показателей из бухгалтерской финансовой отчетности за 2018, 2019 и 2020 гг. в соответствии с вышеизложенными методами исследования. Полученные в результате показатели позволили сформировать по каждой компании финансовую модель [16] с обоснованием прогнозных показателей (в статье не приводятся) и расчи-

тать величины стоимости бизнеса каждой из выбранных компаний. Оценка стоимости бизнеса проводилась на дату последней отчетности компаний, использованной в расчетах — то есть на 31.12.2020 г.

Сформированный рейтинг эффективности анализируемых промышленных компаний представлен в таблице 2.

Таблица 2

**Рейтинг финансовой эффективности промышленных компаний
по итогам 2020 г.**

Рейтинг финансовой эффективности	Наименование предприятия	Показатель Дж. Тобина, 2020 г.	Рентабельность собственного капитала, 2020 г.
1	ОАО ТВЗ (Тверская область)	1,742	0,2840
2	АО МСЗ (Владимирская область)	1,736	0,2127
3	АО ДМЗ (Московская область)	0,822	0,5249
4	АО ТРМЗ (Кемеровская область)	0,780	0,0637
5	ПАО ЧКПЗ (Челябинская область)	0,751	0,1197
6	ОАО Красный Октябрь (г. Санкт-Петербург)	0,362	0,1313
7	АО Дукс (г. Москва)	0,341	0,1645
8	АО ММЗ Вперед (г. Москва)	0,339	0,4587
9	АО Барнаултрансмаш (Алтайский край)	0,256	0,9433
10	АО ЗАВОД КОМПОНЕНТ (г. Москва)	0,130	0,0464
11	ПАО Сиблитмаш (Новосибирская область)	0,069	0,1079
12	ПАО Сатурн (Омская область)	0,063	0,1846

Источник: составлено авторами на основе проведенных расчетов.

Представленный в таблице 2 рейтинг эффективности промышленных компаний позволяет следующие выводы:

1. Проведенный анализ эффективности компаний с использованием стоимостных показателей (показатель WACC и коэффициент Дж. Тобина Q) позволяет проранжировать их по рейтингу финансовой эффективности.

2. Рейтинг финансовой эффективности по стоимостным показателям достаточно трудоемок и, соответственно, малооперативен при реализации в реальном масштабе времени и поэтому в дальнейших исследованиях целесообразно раз-

работать и обосновать новый показатель рейтинга финансовой эффективности, моделирующий показатель Дж. Тобина, но менее трудозатратный в получении.

3. Рейтинг финансовой эффективности компаний не совпадает с их рейтингом по таким популярным «рейтинговым» показателям, как выручка и рентабельность собственного капитала.

4. Многие ведущие промышленные компании России в сфере машиностроения не являются эффективными с точки зрения вложенного в них капитала и поэтому, скорее всего, негативно влияют на устойчивость экономики России в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Когденко В. Г., Путилов А. В., Воробьев А. Г. Оценка капитализации компании как составная часть фундаментального анализа (на примере ГМК «Норильский никель») // Цветные металлы. 2015. № 4 (868). С. 12–18. DOI: 10.17580/tsm.2015.04.02.

2. Щербакова Н. А., Щербаков В. А. Управление стоимостью бизнеса: учебное пособие. Новосибирск, 2019. 94 с.

3. Когденко В. Г., Путилов А. В., Воробьев А. Г. Аналитическая основа и методика обоснования фундаментальной стоимости компании (на примере ГМК «Норильский никель») // Цветные металлы. 2015. № 3 (867). С. 51–57. DOI: 10.17580/tsm.2015.03.11.
4. Kogdenko V. G. Key financial indicators in the production cooperative sector of russia: Analysis and forecasts // Studies in Systems, Decision and Control. 2021. Vol. 316. Pp. 847–855. DOI 10.1007/978–3–030–57831–2_91.7.
5. Маневич В. Монетарная динамическая модель Тобина и анализ российской экономики // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 70–93. DOI: 10.32609/0042–8736–2009–3–70–93/.
6. Казакова Н. А., Когденко В. Г., Кузьмина-Мерлино И., Сивкова А. Е. Оценка и прогнозирование экономической устойчивости российских металлургических компаний // Черные металлы. 2020. № 4. С. 56–64.
7. Shcherbakova N. A., Shcherbakov A. Economic Justification of Enterprise Development based on Company Value Analysis // SHS Web of Conferences. 2020. Art. 01013. DOI: 10.1051/shsconf/20208001013.
8. Межев С. И., Межев И. С. Национальная модель корпоративного управления: системный фактор роста российской экономики // Экономика Профессия Бизнес. 2020. № 1. С. 5–15. DOI: 10.14258/epb201952.
9. Щербаков В. А. Формирование рейтинга эффективности компаний железнодорожного транспорта России // Тенденции развития науки и образования: рецензируемый научный журнал. 2021. № 72. Ч. 7. С. 68–71. DOI: 10.18411/lj-04–2021–282.
10. Щербакова Н. А., Щербаков В. А. Влияние цифровой трансформации на стоимостное управление корпорацией // Устойчивое развитие цифровой экономики и кластерных структур: теория и практика: монография. СПб., 2020. С. 581–598. DOI: 10.18720/IEP/2020.8/24.
11. Государственный информационный ресурс бухгалтерской финансовой отчетности. URL: <https://bo.nalog.ru> (дата обращения: 30.03.2021).
12. Центр раскрытия корпоративной информации Интерфакс. URL: <https://e-disclosure.ru/?attempt=1> (дата обращения: 30.03.2021).
13. ФСО-8: Приказ Минэкономразвития России от 01.06.2015 № 326 «Об утверждении Федерального стандарта оценки „Оценка бизнеса (ФСО № 8)“». URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 30.03.2021).
14. Щербакова Н. А., Щербаков В. А. Моделирование потоков дохода и инвестиций в системе корпоративного управления стоимостью компании // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 2 (47). С. 217–223. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.47.215.
15. Shcherbakova N. A., Shcherbakov V. A. Formation of Cash Flow-Based Factor Models in the System of Value-Based Management // Proceedings of the International Scientific Conference «Far East Con» (ISCFEC 2020). Series: Advances in Economics, Business and Management Research. V. 128. Pp. 743–751. DOI: 10.2991/aebmr.k.200312.105.
16. Балабин А. А., Щербаков В. А., Щербакова Н. А. Вопросы оценки стоимости добывающей компании // ЭКО. 2016. № 46 (9). С. 123–134. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2016–9–123–134.

REFERENCES

1. Kogdenko V. G., Putilov A. V., Vorobev A. G. Assessment of company capitalization as a part of fundamental analysis (on example of MMC “Norilsk Nickel”) // Tsvetnye Metally. 2015. No. 4 (868). Pp. 12–18. DOI: 10.17580/tsm.2015.04.02.
2. Shcherbakova N. A., Shcherbakov V. A. Business Value Management: A Study Guide. Novosibirsk, 2019. 94 p.
3. Kogdenko V. G., Putilov A. V., Vorobev A. G. Analytical framework and method of substantiation of company’s fundamental value (on example of MMC “Norilsk Nickel”) // Tsvetnye Metally. 2015. No. 3 (867). Pp. 51–57. DOI: 10.17580/tsm.2015.03.11.
4. Kogdenko V. G. Key financial indicators in the production cooperative sector of Russia: Analysis and forecasts // Studies in Systems, Decision and Control. 2021. Vol. 316. Pp. 847–855. DOI 10.1007/978–3–030–57831–2_91.7.
5. Manevich V. J. Tobin’s Monetary Dynamic Model and the Analysis of Russian Economy // Voprosy Ekonomiki. 2009. No. 3. Pp. 70–93. DOI: 10.32609/0042–8736–2009–3–70–93
6. Kazakova N. A., Sivkova A. E., Kogdenko V. G., Kuzmina-Merlino I. Assessment and forecasting of economic sustainability of russian metallurgical companies // Chernye Metally. 2020. No. 4. Pp. 56–64.

7. Shcherbakova N. A., Shcherbakov V. A. Economic Justification of Enterprise Development based on Company Value Analysis // SHS Web of Conferences. 2020. Art. 01013. DOI: 10.1051/shsconf/20208001013.
8. Mezhev S. I., Mezhev I. S. National corporate governance model: system growth factor of the Russian economy // Economics Profession Business. 2020. No. 1. Pp. 5–15. DOI: 10.14258/epb201952.
9. Shcherbakov V. A. Formation of a rating of the efficiency of Russian railway transport companies // Trends in the development of science and education: a peer-reviewed scientific journal. 2021. No. 72, Part 7. 2021. Pp. 68–71. DOI: 10.18411/lj-04–2021–282.
10. Shcherbakova N. A., Shcherbakov V. A. Impact of digital transformation on corporation value management // Sustainable development of the digital economy and cluster structures: theory and practice: monograph. St. Petersburg, 2020. Pp. 581–598. DOI: 10.18720/IEP/2020.8/24.
11. State information resource of accounting financial statements. URL: <https://bo.nalog.ru/> (date of access: 30.03.2021).
12. Center for disclosure of corporate information Interfax. URL: <https://e-disclosure.ru/?attempt=1> (date of access: 30.03.2021).
13. FSO-8: Order of the Ministry of Economic Development and Trade of Russia dated 01.06.2015 No. 326 “On approval of the Federal assessment standard” Business Appraisal (FSO No. 8). URL: <http://consultant.ru> (date of access: 30.03.2021).
14. Shcherbakova N. A., Shcherbakov V. A. Modeling of income and investment flows in the value-based corporate management system // Business. Education. Law. 2019. No. 2 (47). Pp. 217–223. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.47.215.
15. Shcherbakova N. A., Shcherbakov V. A. Formation of Cash Flow-Based Factor Models in the System of Value-Based Management // Proceedings of the International Scientific Conference “Far East Con” (ISCFEC 2020). Series: Advances in Economics, Business and Management Research. Volume 128. Pp. 743–751. DOI: 10.2991/aebmr.k.200312.105.
16. Balabin A. A., Shcherbakov V. A., Shcherbakova N. A. Valuation Issues of Mining Company // ECO. 2016. No. 46 (9). Pp. 123–134. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2016–9–123–134.

Поступила в редакцию: 21.07.2021.

Принята к печати: 14.09.2021.

ОПТОВЫЙ РЫНОК ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ И МОЩНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕФОРМИРОВАНИЯ РАО ЕЭС (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

А. В. Яценко

АО «Барнаульская горэлектросеть» (Барнаул, Россия)

В статье рассматриваются специфические структуры и механизмы электроснабжения потребителей, сложившиеся в результате так называемых рыночных преобразований РАО ЕЭС России. Реформы, задуманные как рыночные, на самом деле в итоге получились как конгломерат административно-бюрократических структур и неких принципов, правил и процедур, отдаленно напоминающих рыночные отношения. По сути, трансформация электроэнергетической отрасли была вынуждена учитывать антирыночный характер ее функционирования: первое — технологический (специфика продукта и отрасли); второе — организационно-административный, требующий специальной организации, которая кардинально отличается от традиционного рынка товаров и услуг. Поэтому трансформация электроэнергетической отрасли, осуществляемая методом проб и ошибок, прошла довольно сложный путь регистрации, перерегистрации, смены правового статуса участников рынка. Практически все процессы купли-продажи электроэнергии и мощности обставлены многочисленными правилами, ограничениями, институтами, не имеющими никакого отношения к рынку. Это касается выбора контрагентов, процессов оплаты электроэнергии и особенно мощности, когда предварительно потребителем оплачивается товар, фактически не приобретенный у поставщика.

Ключевые слова: оптовый рынок, электроэнергия, реформа, потребители электроэнергии, администратор торговой сети, субъект оптового рынка.

WHOLESALE MARKET OF ELECTRICITY AND POWER AS RESULT OF RAO UES REFORM (ON THE EXAMPLE OF ALTAI KRAI)

A. V. Yashchenko

JSC "Barnaul Gorelektroset" (Barnaul, Russia)

The article examines the specific structures and mechanisms of power supply to consumers that have developed as a result of the so-called market transformations of RAO UES of Russia. Reforms, conceived as market reforms, in fact, ended up as a conglomeration of administrative and bureaucratic structures and certain principles, rules and procedures that vaguely resemble market relations. In fact, the transformation of the electric power industry was forced to take into account the anti-market nature of its functioning: first, technological (specificity of the product and the industry); second, organizational and administrative, requiring a special organization, which is fundamentally different from the traditional market for goods and services. Therefore, the transformation of the electric power industry, carried out by the method of trial and error, has gone through a rather difficult path of registration, re-registration, change of the legal status of market participants. Almost all the processes of buying and selling electricity and capacity are surrounded by numerous rules, restrictions, institutions that have nothing to do with the market. This concerns the choice of counterparties, electricity payment processes and especially capacity, when the consumer pays in advance for the goods that were not actually purchased from the supplier. Keywords. Wholesale market, electricity, reform, electricity consumers, retail network administrator, wholesale market entity

Keywords: wholesale market, electricity, reform, electricity consumers, retail network administrator, wholesale market entity.

Введение. В результате трансформационных преобразований начала 2000-х гг. Единая электроэнергетическая система России была реформирована в специфическую структуру, учитывающую, на наш взгляд, два основных по сути антирыночных фактора: первое — технологический (специфика продукта и отрасли); второе — организационно-административный, требующий спе-

циальной организации, которая кардинально отличается от традиционного рынка товаров и услуг. Поэтому трансформация электроэнергетической отрасли, осуществляемая методом проб и ошибок, прошла довольно сложный путь [1, 2]. В самом общем виде структура обеспечения электроэнергией потребителей после реформирования стала выглядеть следующим образом (рис. 1):

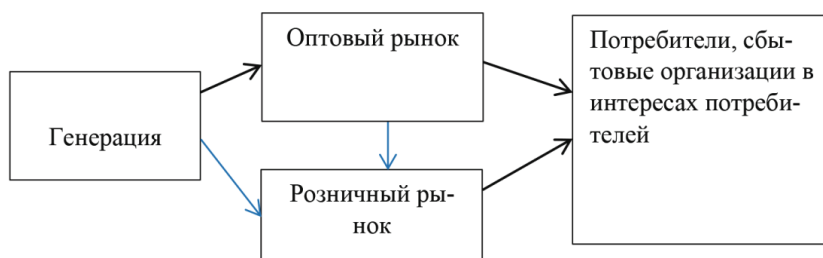

Рис. 1. Принципиальная схема купли-продажи электроэнергии и мощности

Блок генерации определяет совокупность всех видов и типов генерирующих электростанций в целом по России или по отдельному региону, в том числе по Сибирскому федеральному округу. Это АЭС, ГЭС, ТЭЦ, ГРЭС и другие. Вся сгенерированная электроэнергия учитывается и распределяется через так называемый «Оптовый рынок», для осуществления деятельности которого была создана специальная административная структура «Некоммерческое партнерство Совет рынка по организации эффективной системы оптовой и розничной торговли электрической энергией и мощностью», (далее — Партнерство). Сокращенное наименование: Ассоциация «НП Совет рынка» [3]. Учредители Партнерства указаны в таблице 1.

Окончание таблицы 1

Таблица 1
Список учредителей НП «Совет Рынка»*

№	Предприятия-учредители	Правовой статус
1	«ЕЭС России»	РАО
2	ПЭО «Татэнерго»	ГУП
3	«Иркутскэнерго»	ОАО
4	«Костромская ГРЭС»	ОАО
5	«Ставропольская ГРЭС»	ОАО
6	«Рязанская ГРЭС»	ОАО
7	«Конаковская ГРЭС»	ОАО
8	«Пермская ГРЭС»	ОАО
9	«Волжская ГЭС имени В. И. Ленина»	ОАО
10	«Саяно-Шушенская ГЭС имени П. С. Непорожного»;	ОАО

№	Предприятия-учредители	Правовой статус
11	«Российский государственный концерн по производству электрической и тепловой энергии на атомных станциях»	ГП
12	«Смоленская АЭС»	ГП
13	«Оренбургэнерго»	ОАО
14	«Тюменьэнерго»	ОАО
15	«Самараэнерго»	ОАО
16	«Нижевоэнерго»	ОАО
17	«Челябэнерго»	ОАО
18.	«Омскэнерго»	ОАО
19	«Энергопромышленная компания»	ЗАО
20	«Дизаж М»	ООО
21	«ЕвразХолдинг»	ООО
22	«СУАЛ-ХОЛДИНГ»	ОАО
23	«Сибирско-Уральская нефтегазохимическая компания»	ОАО
24	«Русский Алюминий»	ОАО
25	«Нефтяная компания «ЮКОС»	ОАО
26	«Региональная энергетическая компания — ЭНЕРГОСБЫТ»	ООО
27	«Северсталь»	ОАО
28	Автономная некоммерческая организация «Научно-практический центр социальной адаптации и реабилитации БЛА-ГОДАР»	НП

*Источник: Рынок электроэнергии и мощности НП Совет рынка (некоммерческое партнерство) [3].

Цели и функции партнерства. В соответствии с Федеральным законом «Об электроэнергетике» [4], ст. 33, п. 1, ч. 6 и уставом [3], основные цели деятельности Партнерства заключаются в организации деятельности Оптового рынка:

1. Функционирование коммерческой инфраструктуры.

2. Эффективная взаимосвязь оптового рынка с розничным, фактически взаимодействие генерирующих компаний и потребителей.

3. Создание инвестиционной привлекательности электроэнергетической отрасли.

4. Согласование стратегий и позиций всех участников рынка электроэнергетики и мощности при формировании регулирующих правил и инструментов функционирования отрасли.

5. Формирование системы саморегулирования электроэнергетической отрасли, что направлено на обеспечение энергетической безопасности РФ, единство территорий, обеспечение конкуренции и баланса интересов энергетики и экономики.

Экономические затраты деятельности Партнерство компенсирует за счет вступительных, текущих (регулярных) и иных членских взносов и погашений.

Краткая характеристика правил и механизма функционирования Оптового рынка электрической энергии и мощности (ОРЭМ). ОРЭМ — это среда движения уникального товарного продукта (электроэнергии и мощности) в экономическом пространстве РФ. Трансформация РАО ЕЭС потребовала законодательной базы организации оптового рынка. Поэтому был введен в действие Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [4]. Правила оптового рынка электрической энергии и мощности (постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2010 № 1172) и другие нормативно-правовые акты определяют все многообразие функционирования оптового рынка. В таблице 2 представлена краткая структурная характеристика оптового рынка. По установленным (принятым) правилам оптового рынка электроэнергетики в общем пространстве движения электроэнергии и мощности РФ выделены условно обособленные **ценовые области (зоны)**, в которых разрешена продажа и покупка электрической энергии и мощности по свободным (нерегулируемым) ценам. В целом были установлены две «ценовые зоны». Их разграничение обусловлено различиями в планировании и ведении режима и состава генерирующего оборудования и условиями использования сетей и перетоков мощности из ценовых зон.

Таблица 2

Общая структура оптового рынка за 2019 г*.

№ п/п	Характеристические показатели	Значение
1	Выработка на ОРЭМ, (млн МВт/час)	1088
2	Оборот ОРЭМ, (трлн руб.)	3,6
3	Обязательства по оплате электроэнергии и мощности (трлн руб.)	1,9
4	Расчетная модель: Узлов (шт.) Ветвей (шт.) Режимных генерирующих единиц (шт.)	10 000 15 000 1500
5	Участников ОРЭМ	358
6	Заявок участников ОРЭМ (млн)	1,5
7	Определение цены «на сутки вперед» (РСВ). По каждому узлу, на каждый час (дней в году)	365

*Таблица составлена по материалам [3].

Характер взаимодействия агентов в рамках коммерческой инфраструктуры ОРЭМ потребовал создания правового статуса путем введения Федерального закона от 04 ноября 2007 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер по реформированию Единой энергетической системы России» [6]. Кроме того, легитимизация электроэнергетического рынка потребовала изменений и дополнений ст. 33 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», регламентирующие с 1 апреля 2008 г. координацию торговли на ОРЭМ с помощью так называемого «коммерческого оператора оптового рынка». 13 декабря 2007 г. было зарегистрировано Открытое акционерное общество «Администратор торговой системы оптового рынка электроэнергии» (АТС) [7]. «В соответствии с решением Наблюдательного совета НП АТС от 30 ноября 2007 года на ОАО «АТС» возложено исполнение с 01 апреля 2008 года функции «Коммерческого оператора оптового рынка». АО «АТС» является дочерней компанией «НП Совет рынка», отвечает за проведение торгов и осуществляет расчеты между предприятиями генерации и потребителями электроэнергии. Кроме того, АТС отвечает за «Реестр субъектов оптового рынка», его ежемесячное изменение, регистрирует нарушения правил ОРЭМ, за что субъекта могут лишить права торговли на ОРЭМ» [3, 5]. На рисунке 2 представлена обобщенная процедура получения права торговли на ОРЭМ.

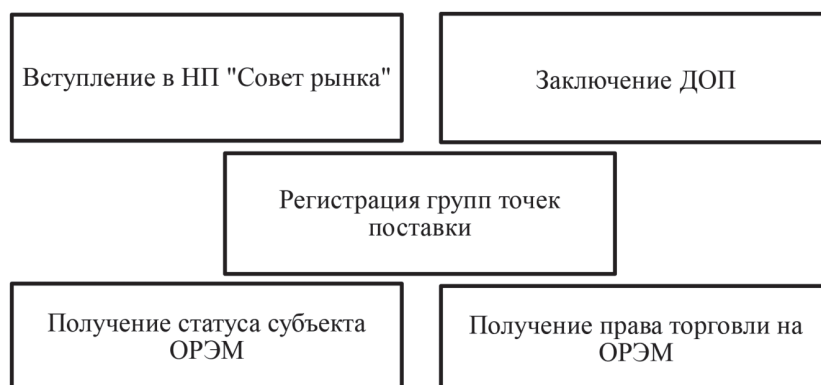

Рис. 2. Порядок получения права торговли на оптовом рынке [3, 8]

Рынок электроэнергии и мощности второй ценовой зоны (СФО). Электрическая энергия в рамках ценовых зон ОРЭМ, в нашем случае в Сибирском федеральном округе, продается либо по регулируемым, либо по нерегулируемым (конкурентным) ценам «рынок на сутки вперед» (РСВ), либо на балансирующем рынке с заключением свободных договоров. Структура такой торговли за 2019 г. представлена на рисунке 3.

Регулируемые договоры (РД) начиная с 2011 г. предназначены только для обеспечения электроэнергии населения и приравненных к ним групп потребителей, а также покупателям на террито-

риях с особыми условиями функционирования как ОРЭМ, так и розничного рынка электроэнергии, в частности, в Северо-Кавказских республик, Тыве, Карелии, Бурятии. Электроэнергия и мощность по регулируемым договорам поставляется по ценам, устанавливаемым Федеральной антимонопольной службой (ФАС) России. Кроме того, ФАС РФ формирует сводный прогнозный баланс поставок электрической энергии. «Поставки по РД не должны превышать 35% от полного объема поставки электрической энергии (мощности) на оптовый рынок, определенного в балансовом решении для соответствующего производителя» [5].

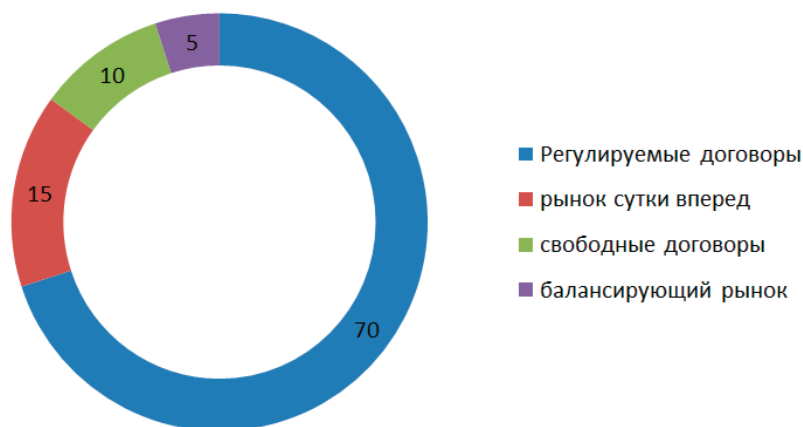

Рис. 3. Структура продаж электроэнергии и мощности в 2019 г. по СФО

Электроэнергия, не потребленная по РД, продается по нерегулируемым ценам РСВ и балансирующего рынка БР.

Выбор состава включенного генерирующего оборудования (ВСВГО). АТС по необходимости осуществляет оптимизацию актуальной структуры оборудования, производящего электрический ток, и учитывает так называемый «горячий резерв, то есть оборудование готовое для генерации электроэнергии», стимулируя конкурентный отбор РСВ. Процедуры ВСВГО проводятся

ежедневно на три дня вперед: то есть в сутки С-2 для суток С, С+1, С+2 и заканчивается за 24 часа до начала поставки электроэнергии (согласно правилам оптового рынка) [8]. Результат ВСВГО может привести к дополнительной оплате запуска генерирующего оборудования (согласно договору купли продажи РСВ). ВСВГО реализует системный оператор, используя информацию о ценовых заявках поставщиков; данные по прогнозу потребления электроэнергии; топологии сети; необходимым объемам резервов [8].

РСКВ осуществляет отбор на конкурентной основе ценовых заявок поставщиков и покупателей электроэнергии с опережением на сутки до начала времени поставки и определяет ее цены и объемы на каждый час суток. Как было сказано выше, отбор проводит АТС. На РСКВ практикуется механизм формирования цены на основе баланса спроса и предложения, которая становится обязательной для всех участников ОРЭМ.

Цена РСКВ определяется для каждого узла присоединения к сети. Всего установлено более 10 тыс. узлов (см. табл. 2). АТС ранжирует очередность поставок для поставщиков, формируя к исполнению заявки на объемы электроэнергии с наименьшими ценами. И, напротив, для потребителей в первую очередь исполняются заявки с более высокой ценой, которую готовы оплатить потребители на РСКВ (рис. 4).

Механизм ценообразования на РСКВ. На сайте АТС ежедневно публикуются индексы оптовых цен прошлого периода, на основе которых рассчитываются актуальные цены и объемы торговли на РСКВ [3]. Сложилась практика, согласно которой за сутки до поставки на РСКВ устанавливаются условно плановые объемы электроэнергии, с учетом того, что величина фактического потребления будет отличаться от планового объема. В случае отклонений ожидаемого потребления продажа

или покупка фактического недопотребления (недопроизводства) от плана осуществляется на так называемом «балансирующем рынке»:

$$\pm \Delta W_b = W_n - W_f,$$

где $\pm \Delta W_b$ — отклонение фактического объема транзакций от планового; W_n — план поставки электроэнергии; W_f — факт производства и потребления электроэнергии и мощности.

Согласно правилам [7], за каждые 3 часа до часа фактической поставки АТС проводит конкурентный отбор дополнительных заявок поставщиков на основе прогнозной коррекции объемов потребления, с оптимизацией загрузки станций и повышением системной надежности функционирования оборудования и сетей [5, 7].

Фактическая величина потребления может отклоняться от планового под воздействием многих факторов, не исключая и собственных действий потребителей. Легальной внешней причиной появления $\pm \Delta W_b$ является команда оператора АТС. Уменьшение объема генерации электроэнергии от запланированного на РСКВ, то есть $W_n > W_f$ приводит к покупке на балансирующем рынке количества электроэнергии, равного этому отклонению. При превышении плана генерации на РСКВ ($W_n < W_f$), поставщик через БР продает объем (ΔW_b) электроэнергии.

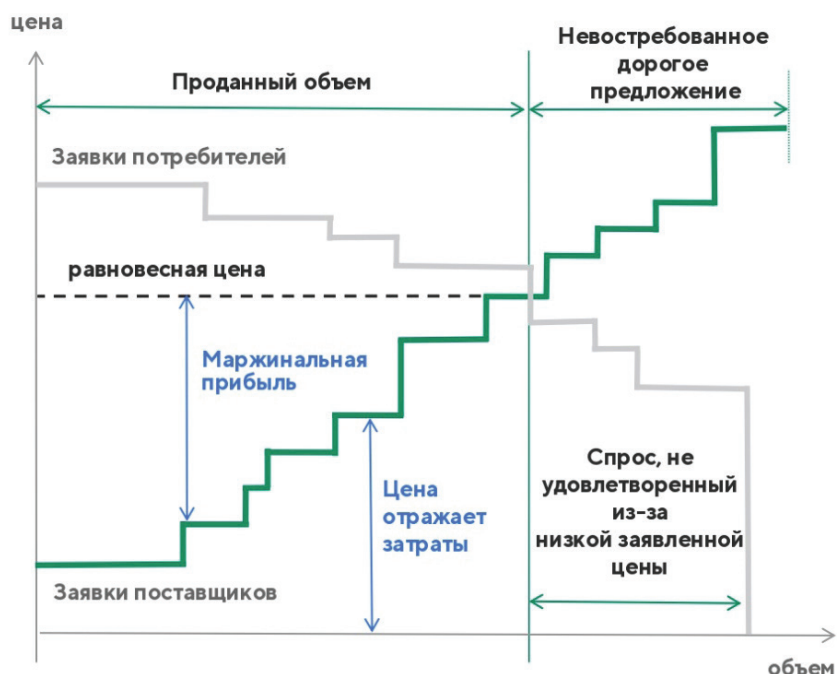

Рис. 4. Формирование цен и объемов поставки электроэнергии на РСКВ [5]¹

¹ Рисунок 4 сформирован по данным Сайта оптового рынка компании АТС Администратор торговой системы. URL: <https://www.atsenergo.ru/> (дата обращения: 11.06.2021).

Такие же правила покупки и продажи отклонений на БР распространяются и на покупателей. Покупатель, превысивший плановый объем на РСВ ($W_f > W_n$), разницу ΔW_b электроэнергии покупает на БР, а купивший меньший объем ($W_f < W_n$) — продает. Учет стоимости отклонений побуждает субъектов ОРЭМ к более точному исполнению директив АТС. На БР производится условное штрафование субъектов, допустивших максимальные отклонения от согласованных параметров купли-продажи электроэнергии на основе индивидуальных действий, и «премируются» участники, которые придерживаются коалиционных стратегий и стараются придерживаться плана производства и потребления и наиболее точно исполняющие команды АТС. «На основе суммы отклонений формируют «небаланс» балансирующего рынка. Отрицательный небаланс возмещают участники оборота электроэнергии в соответствии с размером индивидуальных отклонений небаланса. И наоборот, положительный небаланс распределяется между поставщиками, пропорционально величине исполнения внешних инициатив, и потребителями, максимально точно придерживающимися планового потребления, что является побуждением исполнения дисциплины для участников БР» [5].

Описание механизма действия рынка мощности. Мощность — это специфический предмет рынка услуг поставщика электроэнергии, оплачивая которые, покупатель — субъект ОРЭМ, получает право на соответствующее отложенное потребление или поддержание в готовности генерирующего оборудования для производства электроэнергии требуемого качества и объема, в установленный потребителем срок [4, 5].

Варианты покупки — продажи мощности:

- по договору купли-продажи, заключенному по итогам «конкурентного отбора мощности» (КОМ);
- по свободным договорам купли-продажи мощности (СДМ);
- по договорам заказа мощности (ДПМ), включая использование мощности новых атомных и гидроэлектростанций;
- для повышения надежности поставок электроэнергии;
- для сектора регулируемых цен (население и приравненные к нему категории потребителей);
- генерирующих объектов возобновляемых источников энергии (ВИЭ);
- по итогам конкурса проектов модернизации тепловых электростанций (КОММОД).

Механизм оплаты мощности трудно отнести к рыночному механизму. Во-первых, отсутствуют явные субъекты трансакций, согласно принятым

процедурам сумма по оплате мощности распределяется по всем *потребителям ценовой зоны*. Во-вторых, «мощность объектов, отнесенных к вынужденным генераторам в связи с угрозой наступления дефицита электроснабжения, оплачивается потребителями соответствующей зоны свободного потока. Мощность объектов, отнесенных к вынужденным генераторам в связи с угрозой наступления дефицита теплоснабжения, оплачивается потребителями соответствующего субъекта Российской Федерации» [5].

В основу квазирынка мощности положен так называемый «конкурентный отбор мощности», причем речь идет не о свободной конкуренции, а своеобразном тендере, который осуществляет системный оператор и он же устанавливает, какой объем мощности будет оплачиваться на оптовом рынке тем или иным покупателем. Одним словом, «невидимая рука рынка» заменяется вполне видимой административной «рукой» системного оператора и это подается как рыночная трансформация электроэнергетической отрасли [9]. Совершенно очевидно, что простые и ясные организационно-технологические схемы электроснабжения были искусственно усложнены с целью легитимизации так называемой приватизации отдельных объектов отрасли, включения в ее финансово-экономические процессы так называемых «акционеров» — лиц, которые получили право присваивать прибыль.

Конкурентный отбор мощности осуществляются ежегодно в рамках соответствующей ценовой зонам с опережением на год поставки, например, через 5 лет (на 6 лет вперед). Спрос устанавливается исходя из стратегии развития ЕЭС РФ. Все типы электростанций подают заявки с предлагаемой ценой как по работающим, так и по потенциальным генерирующим объектам. Потребители могут подавать так называемые «ценопринимающие» заявки с учетом возможности снижения потребления, в зависимости от уровня цен. «Мощность генерирующих объектов, работа которых необходима для поддержания технологических режимов работы энергосистемы или поставок тепловой энергии (вынужденные генераторы), и мощность, планируемая к поставке в соответствующем году по договорам ДПМ и аналогичным договорам с новыми АЭС и ГЭС, при проведении КОМ учитывается как обязательная к отбору (включается в ценопринимающую часть предложения)» [3, 5, 7].

Многие авторы, например [10, 11], анализируя результаты рыночных реформ электроэнергетической отрасли, констатируют, что главным ее негативным итогом является перманентный рост цен и тарифов. На наш взгляд, одной из причин роста цен является достаточно сложный механизм взаи-

модействия участников ОРЭМ и неоправданно запутанные процедуры расчета цен и тарифов. Отдельные авторы [12] в целях совершенствования институциональной базы отрасли электроэнергетики предлагают опираться на опыт крупных инте-

грированных корпораций, обладающих свойством системной целостности. Восстановление системной целостности электроэнергетической отрасли — насущная задача совершенствования ее структуры и организации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волконский В. А., Кузовкин А. И. Конкуренция и регулирование в управлении электроэнергетикой (теоретические подходы). URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2007/fp/4/03.pdf/> (дата обращения: 27.03.2021).
2. Воропай Н. И., Паламарчук С. И., Стенников В. А. Рынки электрической и тепловой энергии: проблемы, вызовы, тенденции // Международная энергетическая конференция Всероссийского открытого постоянно действующего научного семинара «Экономические проблемы энергетического комплекса (семинар А. С. Некрасова) — 2017»: материалы конференции. М., 2017. С. 182–203.
3. НП «Совет рынка». URL: www.np-sr.ru (дата обращения: 11.06.2021).
4. Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 № 35-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41502/ (дата обращения: 30.03.2021).
5. Сайт оптового рынка компании АТС Администратор торговой системы. URL: <https://www.atsenergo.ru/> (дата обращения: 11.06.2021).
6. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер по реформированию единой энергетической системы России» от 04.11.2007 № 250-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72255 (дата обращения: 15.06.2021).
7. Системный оператор единой энергетической системы, Технологическое обеспечение работы оптовых рынков, правила оптового рынка. URL: <https://www.so-ups.ru/?id=5> (дата обращения: 15.06.2021).
8. Рынок электроэнергии и мощности НП Совет рынка (некоммерческое партнерство). URL: <https://www.np-sr.ru/ru/market/wholesale/index.htm> (дата обращения: 15.06.2021).
9. Яценко А. В. Экономика России: чего не хватает для развития отраслей и предприятий // Экономика Профессия Бизнес. 2021. № 2. С. 125–133.
10. Колпаков А. Ю. Возможность сдерживания тарифов на газ и электроэнергию в условиях низкой экономической динамики в России // Международная энергетическая конференция Всероссийского открытого постоянно действующего научного семинара «Экономические проблемы энергетического комплекса (семинар А. С. Некрасова) — 2017»: материалы конференции. М., 2017. С. 255–272.
11. Кононов Ю. Д. и др. Методы и модели прогнозных исследований взаимосвязей энергетики и экономики. Новосибирск, 2009. 178 с.
12. Межов С. И., Межов И. С. Прогнозирование операционно-инновационных процессов крупной промышленной корпорации // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4 (181). С. 41–54.

REFERENCES

1. Volkonsky V. A., Kuzovkin A. I. Competition and regulation in the management of the electric power industry (theoretical approaches). URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2007/fp/4/03.pdf/> (date of access: 27.03.2021).
2. Voropai N. I., Palamarchuk S. I., Stennikov V. A. Electricity and Heat Markets: Problems, Challenges, Trends // International energy conference of the all-Russian open permanent scientific seminar “Economic problems of the energy complex (seminar of AS Nekrasov) — 2017”: Conference proceedings. M., 2017. Pp. 182–203.
3. NP “Market Council”. URL: www.np-sr.ru (date of access: 11.06.2021).
4. Federal Law “On Electricity” dated March 26, 2003 N 35-FZ (last edition). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41502/ (date of access: 30.03.2021).
5. Website of the wholesale market of the ATS company Administrator of the trading system. URL: <https://www.atsenergo.ru/> (date of access: 11.06.2021).

6. Federal law “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the implementation of measures to reform the unified energy system of Russia” dated 04.11.2007 n 250-FZ (last edition). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72255 (date of access: 15.06.2021).

7. System operator of the unified energy system, Technological support for the operation of wholesale markets, wholesale market. URL: [rules https://www.so-ups.ru/?id=5](https://www.so-ups.ru/?id=5) (date of access: 15.06.2021).

8. Electricity and capacity market of NP Market Council (non-commercial partnership). URL: <https://www.np-sr.ru/ru/market/wholesale/index.htm> (date of access: 15.06.2021).

9. Yashchenko A. V. Russian economy: what is lacking for the development of industries and enterprises // Economy Profession Business. 2021. No. 2. Pp. 125–133.

10. Kolpakov A. Yu. The Possibility of Restraining Gas and Electricity Tariffs in the Conditions of Low Economic Dynamics in Russia // International Energy Conference of the All-Russian Open Standing Scientific Seminar “Economic Problems of the Energy Complex (Seminar of A. Nekrasov) — 2017”: Conference Proceedings. M., 2017. Pp. 255–272.

11. Kononov Yu. D. et al. Methods and models of predictive studies of the relationship between energy and economics. Novosibirsk, 2009. 178 p.

12. Mezhov S. I., Mezhov I. S. Forecasting of operational and innovative processes of a large industrial corporation // Problems of forecasting. 2020. No. 4 (181). Pp. 41–54.

Поступила в редакцию: 26.08.2021.

Принята в печати: 18.10.2021.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

1. Абдрахманов Наиль Хадитович, доктор технических наук, заведующий кафедрой промышленной безопасности и охраны труда Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Россия), e-mail: anailx@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-3184-197.

2. Бабкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления — филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: lnbabkina_6@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-5018-0191.

3. Бажанов Виктор Андреевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: vab@ieie.nsc.ru.

4. Беспалова Светлана Владимировна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики и управления Мурманского арктического государственного университета (Мурманск, Россия), e-mail: bespalova@mail.ru.

5. Балакина Галина Федоровна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (Кызыл, Россия), e-mail: balakina.gal@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0003-2387-7190.

6. Герауф Юлия Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и аудита Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: julia_gerauf@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-7620-1402

7. Глотова Наталья Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и аудита Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия), e-mail: niglotova@inbox.ru. ORCID ID: 0000-0003-0787-9372

8. Донцов Сергей Семенович, кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики Торайгыров университета (Павлодар, Казахстан), e-mail: s. s.dontsov@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-1495-1483.

9. Ибраимова Сауле Жумагалиевна, кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики, учета и аудита Казахского университета технологии и бизнеса (Нур-Султан, Казахстан), e-mail: saule_ibraimova_kz@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-6506-2446.

10. Каверзнева Татьяна Тимофеевна, кандидат технических наук, доцент Высшей школы Техносферной безопасности Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: kaverztt@mail.ru.

11. Капелюк Зоя Александровна, доктор экономических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной экономики АНОО ВО Центросоюза РФ Сибирского университета потребительской кооперации (Новосибирск, Россия), e-mail: zkapelyuk@inbox.ru.

12. Киселева Анна Александровна, кандидат экономических наук, доцент Сибирского института управления — филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Новосибирск, Россия), e-mail: kiseleva.aa@inbox.ru.

13. Китаев Сергей Викторович, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте России (Волгоград, Россия), e-mail: kitaevs@mail.ru

14. Коновалов Максим Владимирович, генеральный директор АО Алтайский приборостроительный завод «Ротор», (Барнаул, Россия), e-mail: arpzrotor@arpzrotor.ru.

15. Крышка Виктор Иванович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: kryshka@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-3817-9662.

16. Миляева Лариса Григорьевна, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики предпринимательства Бийского технологического института (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Бийск, Россия), e-mail: lgm17@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-3364-5959.

17. Никитин Юрий Александрович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии материально-технического обеспечения им. Генерала Армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: nikitin_gpa@mail.ru.

18. Перекаренко Юлия Александровна, научный сотрудник Лаборатории социально-экономических исследований Алтайского края Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: perekarenkova@mail.ru. ORCID ID 0000-0002-9572-3716.

19. Сенченко Владимир Александрович, ведущий специалист по охране труда Волгоградского филиала ПАО «Ростелеком» (Волгоград, Россия), e-mail: Vladimir.Senchenko1973@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-7502-386X.

20. Скотаренко Оксана Вячеславовна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Мурманского арктического государственного университета (Мурманск, Россия); преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии материально-технического обеспечения им. Генерала Армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ksen-13@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-5255-5564.

21. Соколов Александр Витальевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия); доцент Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), e-mail: alsokolov@ieie.nsc.ru

22. Титков Алексей Анатольевич, кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики Торайгыров университета (Павлодар, Казахстан). e-mail: alexey-pvl@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-9126-2337.

23. Фролов Денис Витальевич, аспирант АНОО ВО Центросоюза РФ Сибирского университета потребительской кооперации (Новосибирск, Россия), e-mail: denfr96@mail.ru.

24. Цомаева Ирина Владимировна, доктор экономических наук, заместитель генерального директора по развитию АО Алтайский приборостроительный завод «Ротор» (Барнаул, Россия), заведующий базовой кафедрой при АО АПЗ «Ротор» Алтайского государственного технического университета имени И. И. Ползунова, e-mail: tsomaeva_i@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-5771-2096.

25. Чернавских Екатерина Николаевна, соискатель Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия), e-mail: en_en00@br.ru. ORCID ID: 0000-0002-0517-1939.

26. Шарнина Наталья Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Казанского кооперативного института (Казань, Россия), e-mail: razvitiye2014@yandex.ru.

27. Щербаков Валерий Александрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита на железнодорожном транспорте Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск, Россия), e-mail: serbakov@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0003-4764-1203.

28. Щербакова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия); докторант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: serbakova.n@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-3352-8974.

29. Ященко Александр Васильевич, кандидат экономических наук, генеральный директор Барнаульской Горэлектросети (Барнаул, Россия), e-mail: alex@bges.ru.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС»

ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR "ECONOMICS PROFESSION BUSINESS"

1. Статья представляется в электронном варианте по адресу: epb@asu.ru:

- Название файла по фамилии автора или первого из авторов.
- Используется одна из последних версий текстового редактора WORD.
- Объем публикации не должен превышать 0,5 п. л. (20 000 знаков с пробелами или примерно 11 страниц, включая список литературы, сведения об авторах и иллюстрации); для кандидатов и докторов наук объем публикаций не должен превышать 1,0 п. л. (40 000 знаков с пробелами или примерно 22 страницы), минимальный объем статьи составляет 0,35 п. л. (14 500 знаков с пробелами или примерно 8 страниц). Таблица или рисунок формата А4 составляет 5 400 знаков с пробелами.
- Публикации принимаются на русском и английском языках.

2. Статьи, поступающие в редколлегию, **проверяются с использованием системы «Антиплагиат»**; авторам рекомендуется перед отправкой проверять свои статьи на степень оригинальности текста.

3. К статье прилагаются:

- рекомендация кафедры (научного семинара кафедры) отсканированная в цвете (по возможности);
- письмо-согласие с заверенной подписью (подписями) автора (авторов) статьи, отсканированные в цвете.
- для аспирантов обязательным документом является справка об обучении в аспирантуре.

4. Структура статьи:

- индекс УДК, который проставляется в левом верхнем углу первой страницы рукописи;
 - название статьи;
 - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на русском языке (например, И. И. Иванов, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия));
 - аннотация на русском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Аннотация» не используется), ключевые слова к публикации на русском языке (от 5 до 10 слов);
 - название статьи на английском языке;
 - инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на английском языке (например, I. I. Ivanov, Altai State University (Barnaul, Russia));
 - аннотация на английском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов, слово «Abstract» не используется), ключевые слова к публикации на английском языке (Keywords, от 5 до 10 слов);
 - собственно текст статьи;
 - библиографический список;
 - references;
 - таблицы с заголовками;
 - рисунки с подписями;
 - сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень, должность, место работы, телефон для связи), адрес с указанием почтового индекса, электронный адрес (e-mail) и ORCID ID (при наличии).
-

5. Для основных текстов на английском языке сначала указываются название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова к публикации на английском языке, затем все то же самое на русском языке.

6. По содержанию в тексте должны присутствовать:

- вводная часть (введение), содержащая обзор современных публикаций по данной тематике, в том числе зарубежных авторов, и четко формулирующая актуальность и цель работы;
- описание методов и методик проводимого исследования;
- полученные результаты и их обсуждение;
- заключительная часть (заключение) с выводами по работе.

7. Требования к тексту, представленному в WORD:

- формат А4 (21х30 см);
- используемые версии текстового редактора — MSWord 2003 и выше;
- рисунки представляются в виде отдельных файлов в форматах JPG, TIFF, BMP, PNG с разрешением не менее 300 dpi;
- набор формул производится с помощью редактора Math Type;
- интервал между строками — 1,5;
- шрифт — гарнитура Times New Roman;
- размер шрифта — 14 кегль;
- все поля по 2 см;
- текст неформатированный;
- текст должен быть разбит на абзацы, абзацный отступ 1,25 см;
- без переносов;
- возможно выделение текста шрифтами (жирный, курсив);
- возможно употребление спецсимволов (% и др.).

8. Библиографический список кириллицей оформляется следующим образом:

а) статьи в периодических изданиях:

Ермолина Л. Т. Откуда у парня афганская грусть? // Алтайская правда. 2001. №2. С. 2–5.

б) монографии, учебники и учебные пособия:

Антонян Ю. М. Преступность в федеральных округах России: монография. М., 2012. С. 117;

в) сборники статей и труды конференций:

Кубишин Е. С. Гендерные проблемы занятости и рынка труда Москвы // Гуманитарные, экономические и правовые проблемы современного общества: сб. науч. трудов / под общ. ред. В. Хозова. М., 2014. С. 72–87;

г) электронные источники:

Гужвенко Ю. Н. В Алтайском крае активно действует казахская диаспора. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5196/> (дата обращения: 05.10.2018).

Гиперссылку необходимо всегда заканчивать знаком «/».

д) ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

е) если для цитируемого источника существует DOI (Digital Object Identifier), его следует указывать в конце источника после точки в следующем виде: DOI: префикс/суффикс (например: DOI: 10.14258/izvasu (2014) 1.1–01).

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Библиографический список» приводится после основного текста в порядке цитирования (один пункт списка — одно наименование). Один и тот же источник в библиографическом списке указывается один раз, в тексте статьи при повторной ссылке указывается в квадратных скобках номер, который использовался первый раз.

При оформлении списка литературы на английском языке учитывать порядок библиографического списка. Список литературы на английском языке оформлять под заголовком «References».

9. Требования к рисункам (схемам, графикам, диаграммам) и таблицам:

- рисунки должны иметь подписи;
- таблицы должны иметь заголовки;
- сокращения должны быть объяснены;

- сканированные изображения не принимаются;
- размер шрифта в рисунках и таблицах — не менее 10 кегля;
- не допускается использование заливки, цвет контуров — черный.

10. Библиографический список должен содержать, как правило, не менее 10 источников, содержащих ссылки как на отечественные, так и на зарубежные монографии и статьи в ведущих научных журналах.

11. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (в том числе изменять заголовки и сокращать тексты) без согласования с авторами и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки. При соответствующей доработке статья может быть опубликована. Отклоненные редколлегией журнала статьи авторам не возвращаются.

Контакты

Публикацию, оформленную по всем правилам, необходимо выслать на адрес редакционной коллегии: erpb@asu.ru

Адрес редколлегии:

656049, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, к. 113

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

2021. № 4

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер ПИ № ФС77–77154 от 10 декабря 2019

Литературный редактор *С. И. Тесленко*

Подготовка оригинал-макета *О. В. Майер*

Подписано в печать 26.11.2021.
Дата выхода в свет 10.12.2021.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 15,3. Тираж 500 экз. Заказ 486. Цена свободная.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издательства: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Типография Алтайского государственного университета
Адрес типографии: 656049 Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68, ауд. 113
